

ИЗДАНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА
«РУССКИЙ МИР»

Ответственный редактор
И. Г. Михайлов

Редакционная коллегия:
Д. В. Несмелов, М. В. Скороходов,
М. А. Экономская, Е. В. Еремеева, А. М. Никитин

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБУК «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ПРИРОДНЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК „ХМЕЛИТА“»

**ВЯЗЕМСКИЙ «КОТЁЛ»
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ И ПРАВДЫ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

материалы всероссийской научной конференции

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «БУКИ ВЕДИ»
2022

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622,9
В99

Ответственный редактор
И. Г. Михайлов

Редакционная коллегия:
Д. В. Несмелов, М. В. Скороходов, М. А. Экономская,
Е. В. Еремеева, А. М. Никитин

В99 **Вяземский «котёл».** Возвращение исторической памяти и правды о Великой Отечественной войне» : материалы всероссийской научной конференции / Министерство культуры Российской Федерации ; ФГБУК «Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник «Хмелита» ; [отв. ред. И. Г. Михайлов]. — М. : Издательство «Буки Веди», 2022. — 272 с.
ISBN 0000000000000000

В сборник вошли статьи, освещающие события первых месяцев Великой Отечественной войны, приводящие примеры самоотверженности и героизма советских воинов, сдерживавших наступление фашистов на Москву. Особое внимание уделяется судьбам солдат, офицеров и народных ополченцев, сражавшихся под Вязьмой, героям-партизанам, результатам работы поисковиков, раскрывающих имена защитников Отечества, исследованию других недостаточно изученных страниц военной истории России. Рассматривается урон, нанесенный войной Смоленской области.

Сборник адресован историкам, краеведам, потомкам героев. Он будет полезен преподавателям и студентам, занимающимся вопросами отечественной истории.

Книга издана при поддержке благотворительного фонда «Русский мир».

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622,9

В соответствии с ФЗ №436 от 29 декабря 2010 г. маркируется знаком 12+

ISBN 0000000000000000

© Авторы, текст, 2022
© А. В. Чёрный, оформление, 2022
© ФГБУК «ГИКПМЗ „Хмелита“», 2022

Содержание

- 8 *Н. В. Кулакова*. Вступительное слово

ИССЛЕДОВАНИЯ

- 13 *Е. К. Аксенова, А. М. Иванов*. Финансовая и налоговая политика на оккупированных территориях в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): по материалам Смоленской области
- 18 *А. В. Баранов, А. Б. Воронин*. Предвяземский фронт: бои 29-й стрелковой дивизии (7-й дивизии народного ополчения Бауманского района г. Москвы) в октябре 1941 года
- 60 *В. В. Беспояско*. Участники Вяземской оборонительной операции октября 1941 г. в партизанском движении
- 70 *Е. Г. Брунова*. 389-й гаубичный артиллерийский полк в Вяземской оборонительной операции
- 81 *Е. В. Видная*. Историческая память в выставочной работе Сергиево-Посадского музея-заповедника (из опыта создания краеведческой выставки «По зову сердца на защиту родной Москвы!»)
- 88 *И. Я. Воложанцева, В. Г. Капралова*. Прифронтовое село Шатово: ноябрь-декабрь 1941 г.
- 95 *А. С. Журков*. Боевые действия 19-й стрелковой дивизии 24-й армии Резервного фронта в июле-октябре 1941 года
- 107 *А. М. Иванов, И. Д. Музыченко*. Уничтоженное, разрушенное и поврежденное имущество в годы Великой Отечественной войны на примере православных святынь города Вязьмы и Вяземского района
- 112 *А. В. Кислицын*. Обзор документальных источников группы армий «Центр» по первому этапу операции «Тайфун» на примере сражения за Вязьму

- 118 *Э. Л. Котова*. Партизанская пресса Великой Отечественной войны: архивные материалы Литературного музея Смоленского государственного университета
- 125 *И. Б. Красильников*. Разрушение советской системы образования и культуры (на материалах Смоленской области)
- 136 *К. Ю. Курошева*. Органы местной власти Смоленской области в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — сентябрь 1943 гг.)
- 145 *Л. П. Муромцева*. «Никто не забыт!». Попытка реконструкции биографии добровольца московского народного ополчения 1941 года
- 157 *О. А. Новикова*. Вязьма в военном творчестве А. Твардовского
- 165 *Д. С. Петрушев*. Рославльский район в годы Великой Отечественной войны
- 171 *О. В. Ромашова*, *В. А. Цыганков* Боевые судьбы ополченцев (анализ восстанавливаемого списка личного состава 9 ДНО)
- 186 *Б. У. Серазетдинов*. Историческая память о Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): проблемы искажения
- 196 *М. В. Скороходов*. Судьба советского военнопленного: писатель Родион Акульшин в оккупированных Рославе, Смоленске и Минске
- 206 *Ю. Т. Юшинский*. 140-я стрелковая дивизия (13-я дивизия народного ополчения г. Москвы) в Вяземской оборонительной операции

ПУБЛИЦИСТИКА

- 227 *А. В. Веретнов*. Действия тыловых частей Красной армии в первые месяцы после освобождения на территориях Вяземского и Темкинского районов Смоленской области

- 232 *А. Ю. Дрожжина*. Роль Сообщества потомков московских ополченцев в деле сохранения памяти о подвиге московского народного ополчения в Битве за Москву
- 235 *Т. Г. Закирова*. Новые факты в судьбе генерал-майора Я. Г. Котельникова, погибшего под Вязьмой в 1941 году
- 241 *В. А. Селихов*. Особенности формирования и судьбы 9-й Кировской дивизии народного ополчения г. Москвы
- 251 *М. А. Семенова*. Тринадцатая Ростокинская. Три судьбы
- 262 Сведения об авторах
- 265 Указатель сокращений

Н. В. Кулакова

Вступительное слово

Вяземская оборонительная операция Советской армии осени 1941 г. стала одной из наиболее трагических страниц Великой Отечественной войны. Уже в первые недели войны в Москве, Подмосковье и других регионах Советского Союза по сложившейся веками традиции стали формироваться дивизии народного ополчения, в которые вступали те граждане нашей страны, которые не подлежали призыву. Это были люди, не годные к строевой службе по состоянию здоровья, трудившиеся на оборонных предприятиях, принадлежавшие к старшему поколению или же еще не достигшие призывного возраста. Дивизии формировались по территориальному принципу, в частности, в Москве — по районам. Дивизии создавались очень быстро, в них нередко попадали и те ополченцы, которые по своему физическому состоянию не могли принимать участие в боевых действиях, а также те, кто непременно должен был продолжать работу на своих предприятиях — без их участия прерывались производственные цепочки. Таких людей вернули домой.

Однако большинство ополченцев осталось в строю. Не все они были должным образом обучены, вооружены, не все овладели необходимыми воину навыками, ведь среди них были и те, кто в первый раз взял в руки оружие. Враг наступал стремительно, под его напором части Красной армии отходили, и в помощь им в борьбу с врагом вступали ополченцы. Западный и Резервный фронты объединили регулярные и добровольческие воинские формирования. Совместными усилиями они противостояли гитлеровцам. Одним из ключевых пунктов на пути врага к Москве стала Вязьма, бои в окрестностях которой во многом определили провал гитлеровского плана молниеносной войны, предусматривавшего захват столицы советского государства и разгром Красной армии. Героизм советских воинов, их непреклонность и мужество, самоотверженность задержали наступление противника, дав командованию возможность организовать оборону Москвы, что уже в начале декабря 1941 г. обеспечило контрнаступление наших войск.

Но планы гитлеровцев были сорваны невероятно дорогой ценой. В кольце окружения оказались сотни тысяч советских солдат и офи-

церов, целые дивизии и армии. Противник жестоко подавлял любое сопротивление. Стрелковые, артиллерийские, танковые дивизии, авиация — все было направлено на уничтожение оказавшихся в окружении советских людей. Однако в невыносимых условиях голода, дезориентации, холода они продолжали сопротивляться. Несколько групп вырвалось из окружения. Некоторые уходили на восток и присоединялись к отступавшим советским войскам уже в районе Гжатска или Дорохова. Но многие погибли в неравной борьбе, были взяты в плен. Судьбы сотен тысяч наших соотечественников до сих пор неизвестны — по официальным данным, они пропали без вести.

Восстановление памяти и правды о трагических событиях тех дней — одна из важнейших задач Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А. С. Грибоедова «Хмелита». В 2004 г. по решению Российского организационного комитета «Победа» у села Богородицкое на месте организованного героического прорыва войск 19-й и 32-й армий и группы Болдина силами музея-заповедника «Хмелита» был создан военно-исторический «Мемориал памяти воинов Западного и Резервного фронтов “Богородицкое поле”» — ныне один из филиалов музея-заповедника «Хмелита».

В 2004 г. на мемориале состоялось первое воинское захоронение, с этого времени захоронения со всеми воинскими почестями останков солдат, которые обнаружены поисковыми отрядами, проводятся здесь ежегодно. Мемориал «Богородицкое поле» служит местом поклонения памяти воинов Красной армии, защищавших Москву в октябре 1941 г.

В отреставрированном флигеле усадьбы Богородицкое работает военно-исторический музей «Богородицкое поле» — еще один филиал музея-заповедника. Продолжение музейной экспозиции — на территории усадебного парка, в котором установлены крупногабаритные экспонаты: орудия времен Великой Отечественной войны, противотанковые ежи, другие предметы, безвозмездно переданные музею поисковиками.

Ежегодно 11 октября на территории филиала «Богородицкое поле» проводится военно-патриотическая акция «Время помнить». Традиционными стали и научные конференции, посвященные памяти участников Великой Отечественной войны. От других конференций их отличает состав выступающих. Это не только профессиональные историки, краеведы, филологи, но и люди, судьбы которых непосредственно связаны с событиями 1941 г. на Смоленщине. Это потомки ополченцев, всех воинов, попавших в окружение под Вязьмой, а также поисковики, благодаря самоотверженной деятельности которых

каждый год открываются все новые и новые имена защитников нашей Родины.

Не стала исключением и прошедшая в октябре 2021 г. Всероссийская научная конференция «Вяземский “котел”. Возвращение исторической памяти и правды о Великой Отечественной войне», посвященная 80-летию Вяземской оборонительной операции. Мы благодарны Фонду «Русский мир» за поддержку нашего проекта по проведению конференции и изданию сборника по ее итогам.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. К. Аксенова, А. М. Иванов

Финансовая и налоговая политика на оккупированных территориях в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): по материалам Смоленской области

Аннотация: Данная статья рассматривает и анализирует финансовую и налоговую политику нацистской Германии на территории оккупированной Смоленской области. Оставшееся на захваченных территориях население было включено в систему политики «нового порядка» и обеспечения финансовыми и материальными ресурсами нужд немецких войск и самой Германии. Основное внимание уделяется финансово-налоговой политике, реализуемой на захваченной территории Смоленской области, видам налогов и сборов, взимаемых с населения. Авторы делают вывод, что политика оккупационных властей в сфере налогообложения на захваченных территориях не имела определенной системы, четкой регламентации и в конечном итоге себя не оправдала в силу невозможности исполнения, ограниченности ресурсов и самое главное сопротивления местного населения. Эта политика закончилась провалом.

Одной из главных составляющих установленного на оккупированной территории СССР нацистского «нового порядка» являлась налоговая политика. Мероприятия по изъятию и реквизиции собственности советских граждан, проводимые оккупантами, можно лишь условно назвать системными, так как цели и методы сбора, применяемые захватчиками, с позиции норм международного гуманитарного права могут квалифицироваться как грабеж¹.

Документом, регламентирующим налоговую политику оккупационных властей, стало «Временное распоряжение о взимаемых налогах и сборах», изданное главнокомандующим сухопутными войсками Германии в октябре 1941 г.². Что касается видов налогов, их размеров,

1 Кальсхофен Ф. Ограничения методов и средств ведения войны. М., 1994. С. 71–76.

2 Мюллер Норберт. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М., 1974. С. 136.

то это определяли местная администрация и военное командование на местах. Так, в Смоленске с 1 августа по 31 декабря 1941 г. устанавливались: налог со строений в размере 0,5% от суммы страховой стоимости; налог на земли, находящиеся в частном владении, занятые подтоварными помещениями и складами — 1 руб. с кв. м; под жилыми и иными строениями — 12 коп. с кв. м; под дворами, садами, огородами — 5 коп. с кв. м; налог со скота: с лошади — 75 руб., с головы крупного рогатого скота — 15 руб., с козы — 1 руб.; патентный сбор с торговли: с лотков, с рук, переносных столов — 30 руб. в месяц; с ларьков — 75 руб., с закрытых помещений — 100 руб.; с промышленных и кустарных предприятий: с 1 рабочим — 20 руб., с 2–3 рабочими — 40 руб., с 4–5 рабочими — 60 руб., с 6–10 рабочими — 100 руб., свыше 10 рабочих — 200 руб.; по всем видам торговли и с промышленных предприятий взимался налог 2% с оборота; подоходный налог с рабочих и служащих взимался по прогрессивной ставке с суммы 150 руб. и выше; 150 руб. — необлагаемый минимум; с зарплаты 1001 руб. в месяц налог составлял 42 руб. + 7% с суммы, превышающей 1000 рублей¹.

Гитлеровцами были установлены многочисленные разовые налоги. В декабре 1941 г. Вяземская городская управа утвердила таблицу ставок по взиманию сборов: за регистрацию развода в 1-й раз — 25 руб., во 2-й — 50 руб.; за регистрацию брака — 10 руб.; рождение — 5 руб.; регистрация смерти — 3 руб.; за выдачу справок — 3 руб.; за выдачу удостоверения личности — 5 руб.; за оформление раздела имущества — 25 руб.; за оформление наследства — 25 руб.² Несмотря на указания сборы не взимались, и этот вполне реальный и законный способ получения доходов не был реализован.

В директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях, утвержденных еще до начала Великой Отечественной войны, получивших название «Зеленая папка», указывалось: «...все движимое имущество вражеского государства можно безвозмездно забирать как военную добычу...»³. Так, в Батурином районе обязательные поставки зерновых культур составляли 6 центнеров с га, что соответствовало 90–95% налогового сбора⁴. Отдельные культуры, такие как лен, подсолнечник и мед, повсеместно подлежали полному изъятию.

1 Государственный архив Смоленской области (далее ГАСО). Ф. 2745. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

2 Там же. Л. 10.

3 Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. Т. 4. М., 1990. С. 383.

4 Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 230.

Факт невыполнения завышенных налогов давал оккупантам основания для полного изъятия продовольствия и имущества. Распоряжение бургомистра старосте бывшего колхоза «Завет Ильича» от 17 февраля 1942 г. гласило: «На основании приказа военного командования вашей деревне надлежит сдать до 20.02.1942 г. 416 пудов сена и 75 ц соломы. За невыполнение плана будет изъят весь скот и корма»¹.

Городские жители платили разовые сборы, обусловленные интересами германской армии или немецкой экономики. Например, в Смоленске в августе 1941 г. по приказу начальника города все граждане были обязаны сдать имевшиеся велосипеды, а согласно приказу от 26 ноября 1941 г. — лыжи². Повсеместно изымались посуда, теплые вещи, обувь, постельное белье, металлические предметы. 16 февраля 1942 г. германское военное командование распорядилось всем жителям Вяземского района сдать имеющийся в наличии у граждан скот для отправки его в Германию. Оккупанты пытались определенным образом стимулировать эту сдачу, например, «платили» за сданный скот несколько граммов табака, но только тем семьям, где имелись курящие³.

Введенные оккупантами налоги можно было разделить на две группы: областные (налог с оборота товаров и товарно-промышленных предприятий, подоходный налог и др.) и общинные (в районе фронтовой полосы «военный сбор», налоги на строения, земельный налог, продовольственные поставки и т.п.). В отдельных районах области в 1942–1943 гг. действовали налоги: 100 яиц с каждого члена общины в год, 330 литров молока с коровы, подушный налог — 120 руб. в год с человека, за кошку — 50 руб. в год, за собаку — 150 руб. в год (без привязи — 500 руб.). В Вязьме и районе с 1 июня 1942 г. для населения вводился обязательный налог с коровы — 300 литров молока. Молоко сдавалось в молокоприемные пункты и оплачивалось по 70 копеек за литр. Снятое молоко продавалось населению по цене 20 копеек за литр. Для граждан селений с малым количеством жителей разрешалось сдавать топленое масло из расчета 1 кг масла за каждые 25 литров молока, т. е. всего с коровы за 1942 г. — 12 кг. Топленое масло принималось в любом количестве по 12 рублей за кг⁴. От каждой курицы необходимо было сдавать по 20 яиц, после сдачи

1 Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО). Ф. 8. Оп. 8. Д. 366. Л. 30.

2 ГАСО. Ф. 2573. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 32.

3 ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.

4 ГАСО. Ф. 2745. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

сельская управа могла беспрепятственно расходовать яйца по своему усмотрению¹. Кроме того, обязательно надо нести в комендатуру: 1 литр молока, 2 яйца, мыло, лук, огурцы и другие овощи. В тех домах, где были размещены солдаты, хозяева обязаны были их кормить. Налогами облагалось все: кошки, собаки, сельскохозяйственный инвентарь, вывоз дров из леса, рыболовство, швейные машинки и др.². Крестьянин, имевший дом, надворные постройки, лошадь, собаку и 5 га земли, вынужден был платить ежегодно денежных налогов на 5 тыс. рублей и натуральные налоги: 12–20 пудов зерна с га, 4 пуда мяса со двора, 300–500 гр. шерсти с овцы, 18 пудов сена и 12 пудов соломы с га, 1 м холста со двора³.

Ставки налогообложения различались: в Руднянском районе был установлен подушный налог 120 руб. с человека, а в Глинковском районе — 150 руб. В одних районах подушный налог взимался со всего населения независимо от возраста, в других с граждан определенного возраста. Но дети подушным налогом не облагались, на них распространялось задание по сбору и сдаче «даров леса» — коры деревьев, ягод, грибов и т. д. Так, в Ельнинском районе оккупанты требовали, чтобы каждое крестьянское хозяйство сдало по килограмму сушеных грибов, земляники и малины. Кроме того, сельские жители должны были сдавать бруснику, липовый цвет и т. д.⁴.

С целью максимального ограбления местного населения вводились специфические налоги: в Руднянском районе брался налог на удочку 2–10 руб., в Глинковском районе крестьяне обязаны были производить обязательную обрезку хвостов и грив лошадей, а также сдавать кости, рога и копыта; в Хиславичском и Монастырщинском районах взимался налог на дымовую трубу 5 руб. ежемесячно, за окно на улице 2–25 руб. ежемесячно, за пропуск из деревни — 5 руб., за посещение больницы в первый раз — 3 руб. и 5 руб. во второй, школьный налог составлял 135 руб⁵.

Осенью и зимой 1941–1942 гг. вследствие неподготовленности германской армии к войне в зимних условиях в прифронтовой полосе проводилось изъятие теплых вещей. В Вязьме все собранные вещи направлялись в районную управу. На вещи оформлялась опись в 3-х экземплярах (два экземпляра в районную управу: на одной стави-

1 Там же. Л. 14.

2 ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.

3 Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа: монография. Смоленск, 2015. С. 200.

4 Там же. С. 180.

5 ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 106. Л. 20; Д. 80. Л. 60; Д. 115. Л. 1.

лась печать и расписка о приеме, вторая отдавалась старосте как доказательство); третий экземпляр отдавался старосте для сведения гражданам¹.

Кроме официальных налогов, существовали и различные виды замаскированных поборов. Так, в Смоленской области оккупантами было объявлено о том, что на всех мельницах отменяется взимание денег за помол. Но при этом было издано ведомственное распоряжение об обязательной бесплатной сдаче 10% полученной муки в фонд германской армии². Так со Смоленской области требовалось: 60% урожая всех сельскохозяйственных продуктов; молока — 500 литров с коровы; яиц — 35 штук с курицы; мяса — 50 кг с каждого двора, независимо от количества скота³.

Невыполнение обязательных поставок и налоговых сборов каралось оккупационными войсками от штрафных санкций до полного изъятия средств к существованию и физического уничтожения. В пос. Шумячи за невыполнение в срок плана по количеству сдаваемого зерна увеличивалась сдаваемая норма. В Хиславичском и Монастырщинском районах за невыполнение молокопоставок конфисковывалась корова, невыполнение поставок сена приводило к изъятию всего фуража и скота⁴.

Все вышеперечисленные факторы указывают на отсутствие единой системы налогообложения, применяемой захватчиками на оккупированной территории СССР. В качестве объекта налогообложения могли выступать человек, двор, община. Кроме того, на продукцию сельского хозяйства налагался фиксированный налог, не зависящий от урожая и надоев. Это объяснялось тем, что в основе налогообложения лежали потребности германской армии (в прифронтовой полосе) или самой Германии (в тыловых районах). Характеризуя налоговую политику германских властей, можно сделать вывод, что она была направлена на стремление любыми средствами «выкачать» из восточных областей максимально возможное количество продовольствия, материальных ценностей и финансовых средств.

1 ГАСО. Ф. 2745. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

2 Там же. Л. 17 об.

3 Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н. Финансовая и налоговая политика оккупационных властей в годы Великой Отечественной войны (на материалах Смоленского региона) // Вопросы национальных и федеративных отношений № 6 (63). 2020. Т. 10. С. 1499. <https://elibrary.ru/item.asp?id=43083110> (дата обращения 10.10.2021).

4 ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 80. Л. 37; Оп. 8. Д. 115. Л. 1; Д. 366. Л. 30.

А. В. Баранов, А. Б. Воронин

Предвяземский фронт: бои 29-й стрелковой дивизии (7-й дивизии народного ополчения Бауманского района г. Москвы) в октябре 1941 года

Аннотация: В статье на основе архивных источников, сохранившихся в России и Германии, а также воспоминаний участников тех событий подробно, по часам, охарактеризованы боевые действия под Вязьмой. Рассмотрен боевой путь 29-й стрелковой дивизии (7-й дивизии народного ополчения Бауманского района г. Москвы) со времени ее создания до расформирования.

Как известно, большинство документов дивизий народного ополчения (ДНО), входивших в 32-ю армию, было утрачено в Вяземском окружении. После войны ветераны входивших в эту армию дивизий собирали информацию по крупицам. Однако до нас она дошла не полностью и зачастую в искаженном виде. Какие-то факты для ветеранов были очевидны, какие-то остались неизвестными, о каких-то они предпочитали не упоминать. Статьи, написанные ими на основе своих личных воспоминаний, далеко не всегда отражали реальную ситуацию и не всегда опирались на документы.

Ярким примером пропасти между поколениями исследователей является история 7 ДНО Бауманского района. Несмотря на давно существующий музей и работавший в 1970-е гг. совет ветеранов, от этой работы остались лишь обрывки когда-то существовавших знаний¹, и теперь нам, подобно археологам, приходится раскапывать «помпей» и из отдельных найденных «черепков» информации пытаться вновь собрать цельную картину событий октября 1941 г.

В последние годы появилась очень хорошая статья, не предназначенная автором для публикации: «Реквием седьмой дивизии народного ополчения» И. Г. Суровцева², ее критический разбор «29-я сд [стрелковая дивизия] (7 ДНО), действия 4–13 октября 1941» сделан

1 Лукин П., Охапкин Р., Силантьев П. Боевой путь дивизии народного ополчения Бауманского района Москвы. Беспримерный подвиг. М., 1968.

2 URL: [https://energo.bmstu.ru/sites/default/files/От Москвы до Днепра.pdf](https://energo.bmstu.ru/sites/default/files/От%20Москвы%20до%20Днепра.pdf) (дата обращения: 30.10.2021).

А. А. Милютиным¹. Мы также касались боев 7 ДНО возле Вязьмы в статье «Комиссар», поводом к написанию которой стало письмо-воспоминание политрука артполка 113 сд (5 ДНО) о героических действиях «комиссара штаба Лаптева».

Вновь обратиться к этой теме нам помогло обнаружение в фондах архива Института российской истории РАН интервью с бывшим работником политотдела 7 ДНО, профессором, доктором экономических наук Исахаром Моисеевичем Файнгаром². Во время боев он находился в штабе дивизии и пусть кратко, но красочно описал события первых дней октября. Важно и то, что он излагал свое собственное видение ситуации и, будучи ученым и лектором, по сути невоенным человеком, обратил внимание на те аспекты, которые обычно лишь подразумеваются кадровыми командирами. Рассказ Файнгара стал своеобразным ключом, возможностью по-новому взглянуть на бои 7 ДНО (29 сд) в октябре 1941 г. и привязать другие факты и свидетельства, в том числе воспоминания ветеранов, хранящиеся в МБУК «Вяземский историко-краеведческий музей». Еще одним новым источником стали машинописные воспоминания Александра Михайловича Гольдмана «Памятник на 242-м километре», которые хранятся в семье его дочери Елены Александровны Трухановой.

В результате анализа доступных нам источников мы пришли к выводу, что начиная с 4 октября 1941 г. 29 сд была разделена как минимум на три группы разного размера, каждой из которых пришлось действовать обособлено: в районе Спас-Деменска, севернее Юхнова и наконец в жестоких боях за Вязьму. Попытки отбить у врага Вязьму в ходе кровопролитных боев с 7 по 10 октября 1941 г. были названы И. М. Файнгаром «Предвяземским фронтом». Его определение мы и использовали в качестве заголовка.

В штабе Резервного фронта

До сих пор считалось, что 7 ДНО, ставшая в конце сентября 1941 г. 29 сд, управлялась исключительно ее командованием, в первую очередь комбригом Иваном Васильевичем Заикиным. Однако из анализа приказов и переговоров со штабом Резервного фронта (РФ) можно сделать вывод, что реальные рычаги управления дивизией были в руках представителей штаба РФ: старшего помощника начальника

1 URL: <https://aftershock.news/?q=node/580044> (дата обращения: 30.10.2021).

2 И. М. Файнгар находился в должности старшего инструктора дивизии по работе среди войск противника, его воспоминания цитируются по материалам архива Института российской истории РАН (Ф. 2. Р. 1. Оп. 66. Д. 1).

оперативного отдела штаба РФ полковника Александра Михайловича Сучкова и военкома штаба РФ бригадного комиссара Ивана Федоровича Пряхина, которые находились в штабе дивизии. Это же подтверждает в своем интервью и Файнгар: «примерно около 4–5 октября в дивизию прибыли уполномоченный резервного Западного фронта полковник Сучков (насколько я запомнил его фамилию) и комиссар штаба резервного Западного фронта тов. Пряхин, к которым и перешло руководство дальнейшими операциями дивизии. Однако во главе дивизии продолжал стоять и формально руководить ею комбриг Зайкин И. В. и комиссар дивизии Лукин П. Н.»¹. Сам комиссар Лукин вспоминает, что решения принимало «командование дивизии совместно с представителями Резервного фронта».

На долю 29 сд выпала нелегкая доля стать «подвижным резервом» штаба РФ, с помощью которого пытались остановить продвижение немецких войск сначала в районе Варшавского шоссе, потом на дороге Юхнов — Вязьма и наконец попытались отбить у двух танковых дивизий город Вязьму и ключевые дороги для вывода оказавшихся в окружении войск. Проявляя мужество и героизм, ополченцы и представители РФ страдали от общих проблем, свойственных Красной армии того периода: плохой связи и управления войсками, несогласованности и отсутствия взаимодействия с соседями. Ситуация усугубилась еще и тем, что на одном участке оказались войска двух фронтов — Западного и Резервного. В результате, например, штаб 16-й армии Западного фронта, выведенный 6 октября в район Вязьмы, фактически бездействовал, находясь в неведении о надвигающейся катастрофе, в то время как практически мимо него пролетали в тыл штабы 43-й и 33-й армий РФ.

Впервые идея использовать 29 сд для ликвидации прорыва противника на фронте 43-й армии была озвучена командованием РФ еще вечером 2 октября. Предполагалось выбросить на рубеж юго-восточнее Ельни группировку в составе 2, 8 и 29 сд 32-й армии, 106-я и 144-я танковые бригады (тб) 24-й армии. При этом объединение действий этих частей предлагалось возложить на командира 32-й армии. Такая переброска могла занять от 2–2,5 до 3–3,5 суток². Этот план соответствовал убеждению командования РФ, что противник будет пытаться отбить Ельню. Но уже скоро стало понятно, что основная проблема — прорыв неприятеля вдоль Варшавского шоссе.

1 Здесь и далее цит. по: Лукин П., Охупкин Р., Силантьев П. Боевой путь... С. 438.

2 Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–1). Битва под Москвой: Сб. документов. М., 1997. С. 85.

Утром 3 октября Ставка разрешила «снять с фронта обороны 29-ю сд и бросить ее на юг в соответствии с принятым решением»¹. Однако за весь день ополченцы не получили никаких приказов на перемещение. Возможно, это было связано с отсутствием автотранспорта, который был занят переброской 8 ДНО Краснопресненского района под Уварово, юго-восточнее Ельни².

Только 4 октября в 3:35 в докладе ВС РФ Главкомандующему наконец сообщается: «Для прикрытия... направления вдоль [Варшавского] шоссе на Юхнов 29 сд 32-й армии и один дивизион 533 ап ПТО из района Дорогобуж автотранспортом перебрасывается в район Куземки на рубеж р. Мал. Ворона»³. Через час, в 4:25, полковником Сучковым был отправлен Ракутину⁴ в 24-ю армию приказ за подписью Боголюбова⁵ на сосредоточение 4-х автобатов в районе Озерище, Дорогобуж и Болдино к 14 часам того же дня⁶. В 7:15 утра из штаба РФ напомнили о необходимости скорейшего выполнения приказа⁷, на что 43-я армия ответила, что автобаты еще возят 8 сд и выдвигение машин в указанный район будет после их освобождения⁸.

Вслед за этим были изданы приказы для 29 сд, 32-й и 33-й армий. В них конкретизировалось, что дивизия должна прибыть в район Милятино (это рядом с упомянутыми выше Куземками) к 18 часам 5 октября и «упорно оборонять рубеж р. Мал Ворона на фронте Наумово, Бездок, Бахмутово»⁹. 33-я армия должна была встретить и провести части дивизии в этот район, а сама дивизия держать связь через штаб армии.

Один экземпляр приказа для 29 сд получил полковник Сучков, который в тот же день отбыл в дивизию. Севернее ополченцев до деревни Востоды на реке Угра должны были встать 5 сд и 119 сд 31-й армии, которые также получили на этот счет соответствующие приказы. Таким образом, должен был быть создан заслон, перекрывающий выход противника в направлении Юхнова и Вязьмы. Но и это решение

1 Русский архив: Великая Отечественная. Т. 23 (12–1). Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны, 1941 г.: Документы и материалы. М., 1998. С. 190.

2 8 ДНО была правым (северным) соседом 7 ДНО и перебрасывалась на юг практически через нее.

3 Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–1). С. 88.

4 Генерал-майор Константин Иванович Ракутин (1902–1941), командующий 24-й армией Резервного фронта.

5 Полковник Александр Николаевич Боголюбов (1900–1956), начальник оперативного отдела штаба Резервного фронта.

6 ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 74. Л. 167.

7 ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 74. Л. 165.

8 ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 74. Л. 166.

9 ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 3. Л. 146.

запоздало, передовые части вермахта продвигались очень быстро, а ширина фронта наступления позволяла обойти и этот рубеж. Одновременно или, что более вероятно, чуть позже полковника Сучкова в 29 сд отправился и военком штаба РФ бригадный комиссар Пряхин.

Согласно приказу РФ 29 сд должна была оставить свои позиции и сосредоточиться тремя группами в районе Озерищ, Дорогобужа и Болдино. В приказе не уточняется, в какой район какой полк должен был следовать. Исходя из минимизации пеших переходов, наиболее логичным представляется сосредоточение 1298-го (21) стрелкового полка (сп) в самой южной точке — в Озерищах, переход 1296 (20) сп в Дорогобуж и переход из Дорогобужа в Болдино 1294 (19) сп — в самую восточную точку. Мы считаем переход 1296 сп из Болдино маловероятным, т. к. прямой путь перекрывает широкая заболоченная пойма реки Осма и ее надо обходить буквально через Дорогобуж.

Чрезвычайная важность задачи и сложность с получением машин для переброски 29 сд, вероятно, и послужили причиной того, что бригадный комиссар Пряхин отправился в армейские штабы. По нашему мнению, которое подтверждается отправленными телеграммами, Пряхин прибыл в штаб 43-й армии и, возможно, был и в штабе 33-й армии, который как раз находился рядом с Милиятино и через который должна была держать связь 29 сд.

Здесь его встретил комиссар 972-го артиллерийского полка (ап) 113 сд Петр Никитович Дыгас, который в 1973 г. написал об этом в письме Г. К. Жукову:

«113 сд (ранее — 5 Фрунзенская дивизия Народного ополчения г. Москвы) в ночь на 03.10.41. была окружена фашистами в районе д. Желны, южнее Варшавского шоссе. Комдив генерал-майор И. А. Пресняков приказал мне выбраться из окружения, найти штаб Армии, доложить обстановку, просить помощи.

К рассвету я добрался на “эмке” до деревни, указанной на карте. Деревня догорала после ночной бомбежки. Штаба не было. У околицы, под ветлой стояла крытая автомашина. В кабине был бригадный комиссар, он назвал себя: комиссар штаба Лаптев. Выслушав мой доклад, сказал:

— Пресняков получит приказ штаба. Связь с ним восстановлена. Вы остаетесь при мне.

Дав мне карту с нанесенной обстановкой, приказал: срочно ехать в г. Вязьму к начальнику гарнизона (он назвал фамилию генерала¹),

1 Комендантом Вязьмы с 24 июля 1941 г. был генерал-майор Андрей Григорьевич Никитин (1891–1957).

доложить ему обстановку, передать, что необходимо выставить заградотряды, остановить отступающие части и организовать оборону на южных подступах к Вязьме. По показаниям пленных, немцы от Варшавки двинутся на Спас-Деменск — Выходы. Меня завтра найдете в районе Выходы»¹.

Хотя Петр Никитович называет комиссара Лаптевым, мы полагаем, что речь идет о Прякине. Сходится должность, звание и место действия. Да и фамилии Лаптев и Прякин (происходит от прясть, пряха) — схожие, «крестьянские».

Пока политрук Дыгас ездил в Вязьму докладывать обстановку, Прякин занялся «выбиванием» машин для переброски 29 сд. Первыми в нее отправились 60 машин («25 ЗиС, остальные полуторки»), о чем телеграммой на имя Сучкова уведомили из 24-й армии, в 16:20, при том, что машины должны были быть поданы еще в 14 часов. Отправка частей задерживалась. Единственное, в 14:30 удалось выслать рекогносцировочную группу.

Как следует из донесения Прякина в штаб РФ, к 22 часам 4 октября он получил только 140 машин.

Район сосредоточения — Милятино

В итоге первыми до 19 часов (по другим данным — до 19:30) из Озерищ в направлении Спас-Деменска, восточнее которого и находится Милятино, выступил 3-й батальон 1298-го полка². Согласно приказу штаба фронта машины должны были следовать в Милятино коротким южным маршрутом через Волочек, Фроловку (Фролово), Кочаны, Выходы, Большевицы, Старое Азарово. Но, возможно, что было принято решение еще сильнее сократить и спрямить его, тем более что место старта в Озерищах позволяло это. Не исключено, что часть пути была проделана по дороге Дорогобуж — Ельня и далее на Спас-Деменск. На то, что маршрут мог проходить несколько южнее, указывает место, где были пленены ополченцы, — о захвате 78 пленных из 21 сп 7 ДНО вечером 5 октября доложила 267-я пехотная дивизия вермахта. В донесении одновременно упоминаются пленные из 1285 сп 60 сд, захваченные возле железной дороги.

1 Здесь и далее воспоминания П. Н. Дыгаса цит. по: К 90-летию со дня рождения Г. К. Жукова. Читатели о книге Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» // Знамя, 1986, №12 С.192,193

2 Фонд МБУК «Вяземский историко-краеведческий музей» Матросов С. В., Вагапов Р. Д., Беззубов А. Ф. Героический подвиг в битве за Москву 7–29 Московской стрелковой дивизии народного ополчения Бауманского района. Л. 22.

О судьбе бойцов передового отряда, состоящего из 3-го и, возможно, 2-го батальона 21-го полка и его командира в истории 7 ДНО, написанной ополченцами, говорится полунамеками. «Батальон получил приказ двигаться в район Спас-Деменска, выполняя роль дивизионной разведки. Но, не дойдя до Спас-Деменска, батальон столкнулся с прорвавшимися частями врага и вынужден был вести тяжелые, кровопролитные бои в условиях вражеского окружения»¹. «Командир полка участник войны с фашистами в Испании, будучи раненым в ногу, лег за пулемет и показал, как надо бить фашистов»². Лишь под покровом ночи, понеся большие потери, батальон мелкими группами вышел из окружения.

Анализ картотеки военнопленных на сайте «Подвиг народа» показал, что район западнее Спас-Деменска указан как место пленения нескольких бойцов 7 ДНО. Таким образом, можно считать попытку передовых отрядов 21-го полка добраться до указанной точки неудачной. Можно утверждать, что никто из дивизии не добрался до места назначения. Однако в наградных листах бойцов и командиров дивизии было обнаружено представление к ордену Отечественной войны II-й степени командира 3-го батальона 19 сп старшего лейтенанта Михаила Васильевича Емельянова, в котором, в частности, записано: «29–30 сентября по заданию командира 19-го стрелкового полка возглавлял переброску полка на линию прорыва в стыке 43-й и 24-й армий в районе Наумово Бахмутово — Бельская и руководил взводом ПВО по охране передвигающихся колонн от воздушного нападения противника. При налете 3 вражеских самолетов умело расставил пулеметные точки, огнем которых был сбит один самолет, а остальные повернули обратно. 6 октября 41 г. со своим батальоном держал оборону на левой стороне р. Малая Ворона в районе д. Каменка во время боя 6/Х был тяжело ранен — контужен авиабомбой»³.

Наградной лист был составлен 21 июля 1944 г., вероятно, со слов самого награждаемого. Михаил Васильевич указывает подробности, которые мог знать только действительный участник событий либо тот, кто получил четкий приказ на занятие этого района. Район «Наумово Бахмутово — Бельская» — «рубеж реки Малая Ворона на фронте Наумово, Бездок, Бахмутово», который был указан в приказе коман-

1 Фонд МБУК «Вяземский историко-краеведческий музей» Боевой путь 7-й дивизии народного ополчения Бауманского района г. Москвы. Л. 11. 1972 г.

2 Фонд МБУК «Вяземский историко-краеведческий музей» Матросов С. В., Вагапов Р. Д., Беззубов А. Ф. Героический подвиг в битве за Москву... Л. 23.

3 ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 212. Л. 51.

диру 29 сд, Каменка¹ находится всего в паре километров от Милятино. Таким образом, можно предположить, что 3-й батальон 19-го полка или его часть смог достичь района Милятино².

Информация о продвижении немецких войск катастрофически запаздывала. О том, что район, обозначенный для обороны 29 сд захвачен еще до того, как в его направлении вышли первые машины, бригадному комиссару Пряхину было сообщено только в 23:10 4 октября: «Чипляево и Бахмутово занял противник, а в направлении Юхнов ушла разведка». Но к этому времени и Юхнов уже был занят передовыми частями 10-й танковой дивизии (тд).

Штабы 43-й и 33-й армий теряли связь не только со своими дивизиями, но и сами распались на отдельные составляющие, быстро удаляющиеся в восточном и северо-восточном направлениях.

Таким образом, около полуночи 4 октября Пряхин и Сучков были поставлены перед фактом, что планируемый рубеж у Милятино потерял актуальность и необходимо искать другие возможности для воспрепятствования движения противника к Вязьме и Малоярославцу. В еще большей степени это понимали в штабе РФ.

В самой Вязьме, которой уже суждено было стать точкой встречи немецких танковых клиньев, находились в неведении о надвигающейся опасности. Штаб 43-й армии пытался остановиться на восточной окраине города, в деревне Бозня, но будучи кем-то обстрелян с востока, «начал отходить в беспорядке на Московское шоссе³. Не имея пункта сбора, штаб расплылся в разные направления и на сбор его больше не имелось возможности⁴. «Наша армия абсолютно не способна вести какой-либо бой, т. к. все оставшиеся стали какими-то очумелыми», — констатировал в записке в штаб РФ комбриг Любарский⁵. В результате штаб 43-й армии не сообщил о складывающейся ситуации коменданту Вязьмы, а тот в свою очередь не смог ничего передать Рокоссовскому. Гонцом, принесшим дурные вести, стал политрук Петр Дыгас: «До Вязьмы, с невероятным трудом, добрался

1 В этом районе протекает одноименная река Каменка и есть три деревни с таким же названием: Малая, Большая и просто Каменка. Все они находятся восточнее реки Малая Ворона, на ее правом берегу, но западнее реки Большая Ворона, на ее левом берегу.

2 В сводке ОКХ за 4 октября отмечаются: «7 рез. сд — на шоссе Рославль — Москва; 8 рез. сд — перед фронтом 20 ак. Это еще одна дивизия из состава 32-й рез. армии» (ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 293. Л. 122). Если нет ошибки, и это действительно 7 ДНО, значит, какая-то ее часть смогла выйти на Варшавское шоссе уже 4 октября.

3 Шоссе Москва — Минск.

4 ЦАМО. Ф. 398. Оп. 9308. Д. 24. Л. 20

5 ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 43. Л. 106 об.

через сутки. Генерала нашел быстро. Он и присутствовавшие два военачальника доклад слушали внимательно, делая пометки у себя на карте. А когда я изложил просьбу военкома штаба об организации обороны из отступающих частей, генерал вскочил:

— Что ты сказал? Так, по-твоему, Красная армия отступает? бежит? — И, выругавшись, взметнул кулак.. Я стоял смирно и, ушам своим не веря, ждал, пока он успокоится, но он крикнул: — Вон! Застрелю!»

Дыгас выскочил из комендатуры Вязьмы и отправился с докладом навстречу бригадному комиссару.

Марфина гора

К утру 5 октября у штаба РФ оказалась потеряна связь с 43-й и 33-й армиями и входящими в их состав дивизиями. Контакт сохранялся лишь с войсками 32-й и 31-й армий. Требовалось срочно воздвигнуть заслон возле Юхнова, перекрыв дороги на Вязьму, Гжатск и Москву. Сил для этого не было: в 32-й армии 8 ДНО (8 сд) ушла в район Ельни, 2 ДНО (2 сд) держала оборону по обе стороны шоссе Москва — Минск, 13 ДНО (140 сд) уже ввязалась в бои в районе Холм-Жирковского. Войска 31-й армии были от Юхнова в 250–300 км. Максимум, что можно было успеть, — подтянуть их к Гжатску, но удалось перебросить только 365 сп 119 сд, который в итоге вступил в бой буквально с колес.

Задача остановить немецкое наступление под Юхновым безальтернативно выпадала на долю 7 ДНО (29 сд).

Утром 5 октября штабом РФ был отдан приказ, который «в связи с изменившейся обстановкой» менял задачу для 29 сд и предписывал ей сосредоточиться в 10–15 километрах севернее Юхнова и осуществить его «блокаду» по трем направлениям, чтобы предотвратить дальнейшее продвижение немецких частей, которые, как предполагали в штабе РФ, могли занять город.

«Немедленно выбросить в направлении Юхнов разведку, передовыми отрядами, усиленными противотанковыми орудиями, занять рубеж обороны непосредственно севернее Юхнова по р. Угра, с задачей огнем артиллерии воспрепятствовать движению противника по шоссе в районе Юхнов. С подходом всей дивизии занять оборону по р. Угра, имея задачей прикрыть направление Юхнов — Гжатск и Юхнов — Медынь. До подхода в район Юхнов других частей оборону дивизии организовать круговой, обратив главнейшее внима-

ние на создание противотанковой обороны. Все мосты через р. Угра на участке обороны дивизии взорвать»¹.

На приказе стоят подписи генерал-майора Анисова, полковника Боголюбова и зам. комиссара РФ Карасева. Отметим, что в приказе напечатана должность и фамилия Пряхина, но стоит подпись все же Карасева. И еще один интересный момент: в архивном деле находятся оба экземпляра приказа, на первом экземпляре, предназначенном командиру 29 сд, есть отметка «Не вручено».

Вероятно, приказ был передан в 29 сд через штаб 32-й армии, находившийся в Беломире, с которым на тот момент еще сохранялась проводная связь. В 12:30 5 октября в сторону Юхнова из Чеботово был отправлен 1294 (19) сп, впереди которого двигались «разведчики охотники»². Число отправленных машин мы оцениваем в 140–180 штук. В этом же направлении выехал и 1-й дивизион 533-го артиллерийского полка противотанковой обороны (ап ПТО).

В 16:00 головные части дивизии наблюдались авиацией РФ на подходе к Юхнову со стороны Добрая, Слободка³, что нашло отражение в боевом донесении штаба РФ начальнику Генерального штаба.

В нем также констатировалось, что «направленная из 32А 29 сд с дивизионом ПТО на Юхнов выйти не успевает и подойдет только к исходу 5.10». 5 сд и 119 сд, которым еще утром приказывалось отправиться в район Виходы, теперь перенацеливались на Гжатск: «5 сд в составе 2580 человек и 119 сд из состава 31А... направляются вместо района Виходы в район Гжатск для действия на Юхнов или Вязьма, Угра по обстановке»⁴.

1294-й полк не успевал выполнить поставленную задачу, приказ запоздал. На мосту через Угру в направлении на Медынь утром 5 октября в бой вступила группа десантников вместе с И. Г. Старчаком. Они удерживали рубеж около суток, после чего отошли восточнее на запасной рубеж на реке Изверь⁵.

Но у 10 тд вермахта не было задачи двигаться дальше по Варшавскому шоссе на Москву, она свернула на дорогу, соединяющую Юхнов и Вязьму, по которой навстречу ей выдвигалась 29 сд. Передовые части 10 тд проехали по этой дороге только 25 км до села Климов Завод, после чего, сойдя с дороги, устремились фактически напрямик к Вязьме. Таким образом, реку Угра они пересекли не в районе

1 ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 3. Л. 149.

2 ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 10. Л. 7–8.

3 ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 204, 204 об.

4 Там же.

5 Грин Г. Я., Чернов В. А. Октябрь 1941. Варшавское шоссе. М., 2018. С. 117–120.

Знаменки, где проходила основная дорога и где позже занял оборону 19 сп ополченцев, а в районе деревни Красное, примерно в 10 км северо-восточнее. Таким образом, ополченцы разминувшись с 10 тд и никак не могли помешать ей замкнуть окружение.

Знаменка стала «оживленным перекрестком»: через нее отходили части 33-й и 43-й армий, пробившиеся через переправу у деревни Выходы и уходящие на восток или к Вязьме. Также проезжавшее мимо командование 43-й армии оставило здесь боевую группу неизвестного состава и размера¹, вероятно, состоявшую из бойцов 17-й и 53-й дивизий и нескольких танков 148 тбр и командира из штаба армии.

Не сумев выйти к Юхнову, основная часть 19-го (1294-го) полка остановилась и заняла оборону в районе Знаменка — Марфина гора. Это достаточно хорошее место для обороны: урочище Марфина гора находится на возвышенности между рекой Угрой и впадающей в нее рекой Волостой, оказывается с трех сторон окружена водной преградой, непроходимой для танков. Здесь командир 1294 сп полковник Разгуляев² и занял оборону. Мы не можем сказать, подчинялся ли он командиру, оставленному штабом 43-й армии, или действовал самостоятельно, но позиция оказалась выбрана очень грамотно.

Отметим, что в оригинале записки Любарского говорится: «Полк 29 сд 6.10 вел бой на реке Угра у Знаменки», но «Знаменка» позже исправлена на: «в районе Красный Холм». С этой записки полковником Юдкевичем была снята копия, в которой он исправил 29 сд на 24 сд и сделал пометку «видимо 185 зсп 24-й армии».

Согласно версии, приведенной в книге «Беспримерный подвиг», «полк ввязался в бой, сдерживая натиск врага на протяжении почти суток. Гитлеровское командование использовало авиацию, артиллерию. Командование полка с тревогой ждало, что противник применит танки, встреча с которыми предстояла впервые... Вскоре, действительно, появились танки противника, которые двигались с большой скоростью, обстреливая на ходу из пушек позиции 19-го полка. Артиллеристы полка, укрыв заранее пушки в кустах, открыли по танкам огонь и разбили гусеницу одного из них. Остальные остановились, так как наши артиллеристы продолжали интенсивную стрельбу»³.

Через Знаменку наступала 2 тд вермахта, которая также двигалась «по прямой» на север, свернув с Варшавского шоссе, не доходя

1 ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 43. Л. 106.

2 Михаил Викторович Разгуляев (1897–1942), командир 129 4(19) сп.

3 Лукин П., Охупкин Р., Силантьев П. Боевой путь... С. 439.

поворота на Вязьму. В «11:50 2-й мотоциклетный батальон прорвал небольшое сопротивление противника, но к 12:50 уперся на участке Угры в ожесточенное сопротивление и просит прислать санитарные машины»¹. В видеоинтервью ополченец 7 ДНО Александр Александрович Трохин также вспоминает об интенсивном артиллерийском огне, который вели орудия полка. Вероятно, орудия вели беглый огонь по переправе через Угру возле Знаменки и по деревне Заречье, не позволяя наступающим осуществить организованную переправу.

В 12:15 2-й мотоциклетный батальон 2 тд доложил о росте сопротивления возле Угры и попытках другого батальона атаковать левее. В 13:50 сопротивление еще больше усилилось, наступавшие столкнулись с танками — вероятно, отходящей 148-й танковой бригадой (тбр), 149 сд, 53 сд и вызывали пикирующие бомбардировщики. О том, что бомбежка действительно была, вспоминал и Трохин. В 13:55 передовые части 2 тд все-таки смогли переправиться через Угру.

К 14 часам по Москве полковник Разгуляев принял решение отойти в восточном направлении. Вероятно, на его решение повлияло близкое соседство 10 тд и недостаток боеприпасов, что уже не позволяло вести столь же интенсивный заградительный огонь по переправе, а также угроза его правому флангу со стороны переправившихся через Угру немецких подразделений. Трохин вспоминает, что пушки увозили с позиций по одной — чтобы не сразу прекращать огонь по противнику.

В 16:17 в донесении в корпус 2-й мотоциклетный батальон доложил о захвате Знаменки и Заречья — фактически переправы через Угру. Бой возле Волосты продолжался. «Противник из 17-й и 53-й стрелковых дивизий, а также 149-й танковой дивизий (сд). Есть остатки 108-й и 109-й танковых дивизий (148 тбр создана из 109 тд), которые собрались вместе. Мало артиллерии, много противотанкового вооружения».

В момент отхода полка погиб секретарь партийного бюро полка, батальонный комиссар Николай Валерьянович Кожухарь. Уходивший одним из последних (его машина была перевернута в результате попадания снаряда) А. А. Трохин увидел на мостике через Волосту спокойно курящего Кожухаря. По версии авторов истории дивизии, «Немецкие танки неожиданно двинулись на позиции артиллерийских орудий полка. Возникла серьезная угроза всему батальону. И тогда секретарь партийной организации полка Н. В. Кожухарь стремительно выпрыгнул из окопа и, подбежав к головному танку, бросил

1 Здесь и далее указано московское время.

в него связку гранат. Раздался взрыв. Головной танк противника был поврежден и остановился, но погиб и отважный секретарь парторганизации полка»¹. Так или иначе наступление было приостановлено, ополченцы получили примерно двухчасовую фору и смогли оторваться от наседавшего противника. За этот день 2-й мотоциклетный батальон доложил о гибели 3 офицеров и 1 солдата, еще 1 офицер, 4 унтер-офицера и 11 солдат были ранены. В отчете разведотдела 2 тд зафиксированы военнопленные из 1294 (ранее 19) сп, взятые 6 октября, правда, указано, что полк принадлежит 8 сд².

Мы полагаем, что в боевых действиях в районе Марфиной горы участвовали и орудия 1-го дивизиона 533 ап. В наградном листе полтрука 533 ап Петра Ивановича Ковикова говорится: «7.10.41 года в бою под д. Вешки, находясь старшим на орудии, уничтожил два орудия и до полроты пехоты противника. В этом бою был ранен. 8.10.41 года раненый, не покидая строя, продолжал уничтожать противника...»³. Вешки находятся в 4 км от Марфиной горы по направлению к Вязьме.

Отход 19 сп проходил разрозненными группами разного размера. «Полк во главе со своим командиром Разгуляевым сумел избежать окружения, сохранил полковое знамя и 19 октября прибыл в Москву. В нем было 720 солдат и офицеров-бауманцев и около 500 человек, присоединившихся в пути. Он был направлен в 144-ю стрелковую дивизию и составил ядро 725-го полка⁴,⁵ — так считали авторы статьи «Подвиг под Вязьмой» в 1966 г. На самом деле групп, пробиравшихся на восток, было намного больше. Трохину с товарищами пришлось около двух недель пробираться на восток, ориентируясь по школьному компасу, чтобы выйти у Вереи. «Одна из групп под командованием техника-лейтенанта А. И. Левковича в той тяжелой обстановке оказалась передовой группой. Она взяла боевое знамя полка, чтобы вынести его и сохранить. Это знамя несли четыре человека по очереди: И. Ф. Крюков, И. И. Малышев, Сальков и П. П. Журко. По пути движения из тыла противника на восток они пробирались лесами, уничтожали небольшие группы противника и с боем вышли к своим войскам. Эта группа 22 октября прибыла в Москву, в ту школу, где полк формировался. Туда же было принесено и Красное знамя полка». В настоящее время, знамя 19 сп хранится в Историческом музее.

1 Лукин П., Охупкин Р., Силантьев П. Боевой путь... С. 439

2 NARA. T-315. R-91 F. 514.

3 ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524 Д. 303. Л. 361.

4 В 144 сд был 785 сп. Ополченцы влились в состав полка 25 октября, когда он находился на переформировании в районе Алабино.

5 Далее цит. по: Рабочий путь. Смоленск. 1966. 7 января. № 5.

Кольцо смыкается

Судя по тому, что 1294-й полк выехал в направлении Юхнова из Чеботово, дивизия двигалась по указанному штабом фронта «северному» маршруту, пешим порядком, ведь ситуация с машинами оставалась по-прежнему острой. В своей записке, отправленной в штаб фронта через узел связи 32-й армии в 15:45 6 октября, бригадный комиссар Пряхин сообщал, что всего им было получено 400 машин, включая 60 отправленных с бойцами 1298 сп в Милятино «южным» маршрутом. Таким образом, вычитая ранее отправленные машины, которые обратно не возвращались, на момент доклада у него оставалось 150 машин, прибывших из штаба фронта в Гжатске.

Остальные части 29 сд, которые мы оцениваем в полный 1296-й (20-й) полк, один или два батальона 1298 (21) сп, а также отдельные подразделения 1294-го полка, штаб и медсанбат дивизии, подтягивались к 24 часам 6 октября в район деревни Большая Калпита. Эта деревня находится немного южнее старой Смоленской дороги, и через нее проходят пути в направлении Волоста — Пятница и Годуновка — Михали. Из этого можно заключить, что к началу 6 октября дивизия, выполняя приказ штаба РФ, комбинированным маршем двигалась на новый рубеж к Юхнову.

В отправленной записке бригадный комиссар Пряхин переживал, что два дивизиона 533 ап остаются без охраны на прежних рубежах и просил переподчинить их ему. Однако дивизионам уже была поставлена другая задача — они прямым ходом должны были прибыть в район Гжатска. Дивизионы успели выскочить из закрывающихся клещей и приняли участие в боях на дороге Юхнов — Гжатск в районе Мишино 8 октября.

Пряхин также просит «информировать по хозяйству Собенникова [43-я армия], Онуфриенко [33-я армия], Ракутина [24-я армия]». И сообщает, что «на Семлево прибыли эшелоны [не расшифровано] никто не знает кому куда». Возможно, это был эшелон с установками М-13 или реактивные снаряды для них, о которых неоднократно упоминали свидетели тех событий.

Вероятно, вечером 6 октября бригадный комиссар Пряхин получает в ответ приказ перебросить дивизию к Гжатску. Дивизия, подтянувшаяся в район Большая Калпита, резко меняет направление и начинает перемещаться в северном направлении к шоссе Москва — Минск. «В середине дня в березовой роще был сделан привал на обед, а затем всех посадили на грузовики и повезли дальше. Канонада не стихала. Казалось, что стрельба идет со всех сторон, однако там,

куда мы ехали, она была наиболее сильной. Мы проехали мимо железнодорожной станции, и на здании вокзала прочли “Семлево”. Это подтвердило, что мы движемся на восток. К утру мы остановились в небольшой деревушке на Минском шоссе, примерно в 10 километрах западнее Вязьмы», — вспоминал Александр Михайлович Гольдман¹.

Во «время движения дивизии к Вязьме она подверглась налету большого числа вражеских самолетов и понесла у деревни Алексеевки² потери убитыми и ранеными в количестве нескольких человек», — отмечал И. М. Файнгар. В других источниках уточнялось, что особенно сильно пострадал медсанбат дивизии.

В этих условиях о самой Вязьме как будто забыли, хотя через нее проходят как железные, так и автомобильные дороги в восточном направлении. Пройти в восточном направлении мимо города практически невозможно. Обороной Вязьмы должен был заниматься комендант города генерал-майор Андрей Григорьевич Никитин, но у него не было ни достаточных сил, ни решимости.

Защищать город должны были войска, управляемые штабом 16-й армии К. К. Рокоссовского. Телеграмма о срочной передислокации штаба, без войск, была получена Рокоссовским вечером 5 октября. Требование было столь неожиданным и невероятным, что Рокоссовский запросил письменное подтверждение. Ночью с 5 на 6 октября, «летчик доставил распоряжение за подписями И. С. Конева и члена Военного совета Н. А. Булганина»³, после чего штаб 16-й армии передал дела штабу 20-й армии (представители которого прибыли ночью) и отправился в Вязьму. Вероятнее всего, штаб двигался по старой Смоленской дороге через Дорогобуж. Возле Днепра Рокоссовскому открылась неожиданная картина: «Брошенные позиции. В окопах ни одного человека. Мы знали, что в тылу за нашей армией располагалась по Днепру одна из армий Резервного фронта. Где она и что

1 Здесь и далее цит. по: Гольдман А. М. Памятник на 242-ом километре. Л. 12.

2 Алексеево — примерно в 1 км южнее поселка Семлево.

3 Этот приказ позже пригодился Рокоссовскому, когда тот все же добрался до штаба фронта. «Нас ожидали товарищи Ворошилов, Молотов, Конев и Булганин. Климент Ефремович сразу задал вопрос:

— Как это вы со штабом, но без войск шестнадцатой армии оказались под Вязьмой?

— Командующий фронтом сообщил, что части, которые я должен принять, находятся здесь.

— Странно..

Я показал маршалу злополучный приказ за подписью командования.

У Ворошилова произошел бурный разговор с Коневым и Булганиным» (Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1988. С. 58).

здесь произошло, трудно было догадаться». И действительно, к этому времени 8 ДНО и 7 ДНО покинули этот рубеж.

Рокоссовский прибыл в Вязьму в 9 часов утра и расположился в 3–4 км восточнее города. Он пытался установить связь с дивизиями, которые должны были быть ему подчинены, но удалось установить связь лишь с частью 50 сд, которая успела выйти в район Бозня, это отражено в журнале боевых действий Западного фронта и на его отчетных картах. Эти силы обозначены как «полтора полка 50 сд»¹ — по факту это 359 сп и 6 орб. Два других полка 50 сд остались западнее города². Связи со штабом Западного фронта не было, поскольку он в это время как раз переезжал со старого места в Касне в район Гжатска. Со штабом РФ, как и его войсками, у него не было контакта.

В районе Вязьмы сложилась ситуация, в которой находился ряд крупных подразделений (дивизий), перед которыми не были поставлены задачи по обороне города, и группа опытных командиров, которым нечем было управлять.

К вечеру 6 октября в подвале Свято-Троицкого собора собираются буквально все, кто еще может повлиять на судьбу Вязьмы и десятков тысяч бойцов, находящихся западнее города. Это партийное и военное руководство города, а также Рокоссовский. Никитин докладывает, что «распространяются слухи, что с юга и юго-востока из Юхнова идут немецкие танки»³.

В это время к Вязьме продолжают подходить снятые с фронта дивизии, но они располагаются западнее города, не занимая каких-либо оборонительных рубежей. Более того, в этот момент никому, кажется, не приходит в голову, что основная угроза исходит не с запада, а с севера и юга.

Как вспоминал начальник артиллерии 73 сд И. П. Лапшин, «во второй половине 6.10.1941 дивизия сосредоточилась в районе деревни Казаково, в ней штаб, в хвойном лесу и полевых балках между шоссевыми дорогами Смоленск — Вязьма, Вязьма — Калуга, основные части. К вечеру 6 октября в штаб дивизии стали просачиваться разговоры, что дивизия переходит в подчинение 16-й армии. Вечером 6.10 южная часть Вязьмы была освещена пожарами»⁴. В оперативной сводке Генерального штаба Красной армии

1 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511 Д. 512. Карта.

2 Есть информация о присутствии 2 сп 50 сд в районе 45-й кавалерийской дивизии на 13 октября. 49 сп 50 сд к середине октября он обнаруживается в районе Вереи. Во время боев у Дорохова 50 сд снова состоит из 3 полков.

3 Рокоссовский К. К. Солдатский долг. С. 51.

4 ГАСО. Ф. 2580. Оп. 1, Д. 10.

№ 216 на 20:00 7 октября 1941 г. указано, что 73 сд подошла к району Вязьмы в 1:00 7 октября.

В 18:10 6 октября передовой отряд 7 тд выскакивает с севера на автостраду в районе Андреево и уже в 18:30 взрывает мост через Бебрю, останавливая движение на этом участке магистрали. Вероятно, он был разрушен недостаточно сильно и в полночь производится второй взрыв, который полностью уничтожает мост¹.

«С 18:10 движение по шоссе на восток и запад надежно перекрыто, мост через р. Бебрю взорван. К 20:00 шоссе занято усиленным 25-м тп, усиленным 6-м пп (без 1-го батальона) и 78-м артполком (без 3-го дивизиона). 37-й танковый разведбатальон достиг в этот же вечер в ожесточенном бою Демидово, взорвал железнодорожный мост 1 км восточнее Фомкино (р-н Новое Село), выслав туда диверсионную разведгруппу и взяв в качестве трофеев большое количество грузовых машин, а также много пленных. Дивизионный штаб перенесен в 19:00 в Марково»².

Вечером 6 октября в Вязьму входит разведка 7 тд. Первым, с колокольни их замечает председатель Смоленского горсовета Александр Петрович Вахтеров³, Рокоссовский взбегает на колокольню и лично наблюдает за танками, вползающими в город по Комсомольской улице: «Мы с Лестевым и Поповым быстро взобрались на колокольню. Действительно, увидели эти танки. Они стреляли из пулеметов по машинам, выскакивавшим из города»⁴. А. А. Лобачев в своих воспоминаниях дает более детальную картину происходящего: «Магистраль обозревалась отсюда километров на пятнадцать в сторону Сафонова и на восемь — десять к Гжатску. Восточнее Вязьмы, километрах в трех, шоссе сплошь забито машинами. Это отходили на восток беженцы. Затем на протяжении примерно полутора километров магистраль пустовала. Только изредка сверкали вспышки пулеметов, а к повороту на Вязьму медленно подползали вражеские танкетки. Они обстреливали отходящие машины. Горела вяземская нефтебаза»⁵.

По документам 7 тд, передовой отряд в составе 1–2 StuG III буквально лишь заглянул в город и сразу отошел к автостраде, которая интересовала его в большей степени, потеряв при этом одну из машин, возможно, от «дружеского огня»: «В 17:50 2 StuG 2-й батареи

1 NARA. T-315. R-408 F. 1082,1104.

2 NARA. T-315. R-406 F. 0138–0141.

3 Александр Петрович Вахтеров (1904–1967), в 1939–1941 гг. был председателем городского Совета Смоленска.

4 Рокоссовский К. К. Солдатский долг. С. 51.

5 Лобачев А. А. Трудными дорогами. М.: Воениздат, 1960. С. 207.

как передовые части дивизии заняли пригород Вязьмы после перехода автобана. По приказу 6 мпп орудия вернулись назад с задачей охранять на юг и юго-восток 2-й батальон 6 мпп. 1 StuG в пригороде Вязьмы из головы следующих танков был обстрелян и нуждался в буксировке. Занятые районы: 2-я батарея автобан и пригород Вязьмы, 3-я батарея Демидова и ж/д линия восточнее от него. Потери: 4 рядовых ранено. Особенное: 2-я батарея 210-го дивизиона StuG заняла 6.10.41 в 18:00 как передовая часть 7 тд и всей 3 тгр город Вязьму»¹.

Появление немецких танков вынудило собравшихся в подвале Свято-Троицкого собора покинуть город: «Нужно было немедленно выбираться. Вязьму в данное время некому было защищать. Самым емким оказался мой ЗиС-101, “газики” Лобачева и Попова поменьше. Забрав всех товарищей, мы покинули город. Вырваться удалось благополучно. В одном месте чуть не столкнулись с танком, но успели нырнуть в переулок и врагу не удалось обстрелять нас прицельным огнем»².

«Командир 73 сд полковник Акимов А. И. принял решение в ночь на 7 октября и отдал приказ 392 сп пройти по северной окраине Вязьмы и найти штаб 16-й армии. Утром 7-го полк вернулся в расположение дивизии, но штаба 16-й не нашел»³.

Судя по донесениям, части 50 сд до утра 7 октября без какого-либо воздействия со стороны противника спокойно стояли в Бозне, ничего не предпринимая и не располагая информацией ни о выходе 7 тд на автостраду, ни о близком подходе 10 тд, до которой было буквально 4–6 км по прямой. Правда, это все вызывает удивление, так как немцы из 6 мпп докладывают о том, что «голова полка на перекрестке автобана находится с момента прибытия под огнем артиллерии противника с южного направления». Позже огонь стихает и «ночь с 6 на 7.10.41 прошла как на плацдарме на автобане севернее Вязьмы, так и в районе охранения передового 1-го батальона 6 мпп спокойно и без особенных происшествий»⁴.

У 25 тп ситуация выглядит так: «полк охранял в районе с-в Вязьма. В ночь с 6 на 7.10 с направления Москвы на автобане захвачены многочисленные грузовики. Около 10 русских машин наехали на мины, которые 3-я рота 58 сап. батальона установила восточнее моста через Бебрю. Сам мост 6.10 в 23:00 был дважды взорван и полностью разрушен. После полуночи до утра небольшая активность противника.

1 NARA. T-315. R-408 F.1084.

2 Рокоссовский К. К. Солдатский долг. С. 52.

3 ГАСО, Ф. 2580. Оп. 1. Д. 10.

4 NARA. T-315. R-408 F.1086.

В 9:00 9-я рота установила связь с 7 тп (10 тд), который с юго-востока подошел, пробился через Вязьму. День не принес дальнейшего соприкосновения с противником. Занятый район: северо-западнее Вязьмы. КП полка Печенкино. Потери: (всего 3 ранено, 2 убито)»¹.

Только утром 7 октября 6 орб 50 сд высылает 2 разведывательные группы в направлении Андрейково и по одной в Гредякино и Кайдаково. Предполагалось установить численность авиадесанта и совместно с батальоном 359 сп уничтожить его. Но разведка уже не смогла даже войти в Вязьму — на западной и юго-восточной окраинах были подбиты 3 танка Т-40 и бронемашина. При этом в Гредякино и Кайдаково, находившихся уже в тылу боевой группы Хауендшильда из 10 тд, еще можно было пройти — разведка вернулась без потерь.

Группа Хауендшильда входит в Бозню в 7 утра, ведет бои в Вязьме до 10:30, которые завершаются в 12:00 после занятия Чертово. В 11:30 устанавливается огневая связь с 7 тд на автостраде в районе Андрейково. Кольцо почти замкнуто — магистраль простреливается, мост через Бебрю взорван, но прорваться на восток вдоль магистрали еще возможно.

Части 10 тд и 50 сд находятся, вероятно, буквально рядом, но если танкисты вермахта двигаются на север в Вязьму и ее западную окраину, то части 50 сд либо уходят в восточном направлении, либо пытаются занять автостраду в районе ее пересечения железными дорогами. Каким-то чудом они не встречаются со второй (правой) боевой группой 10 тд.

В момент занятия западной окраины Вязьмы 10 тд на нее вышел передовой батальон 166 сд, командиром которого был лейтенант Сергей Владимирович Штрик, отразивший эти события в книге «Как это было».

«7 октября часам к 6 или 7 утра подошли к мосту через реку Вязьма [по нашему мнению, здесь речь идет о мосте через Бебрю. — А. Б., А. В.] — 10 км юго-западнее города Вязьма. Слева от дороги виднелась небольшая деревенька (по-моему, Остино), справа большое поле и дальше лес. В это время я вдруг услышал, что впереди началась очень сильная стрельба»².

С. В. Штрик пишет, что ранее они столкнулись с «пробкой» на шоссе, ведь мост через Бебрю уже взорван, а потом батальону, вероятно, пришлось огибать Вязьму по юго-западной окраине (нынешней ули-

1 NARA. T-315. R-408 F.1104.

2 Здесь и далее цит. по: Штрик С. В. Как это было: воспоминания о прожитом и о пережитом. Томск, 2001. С. 51.

це Докучаева), чтобы выйти в предписанный район сосредоточения в 3 км южнее города (вероятно, деревня Алексеевское).

«Через несколько минут я увидел, что прямо по шоссе и по обочине со стороны Вязьмы, развернувшись в боевую линию, шли немецкие танки. Шли не торопясь, как бы “по-хозяйски” оглядываясь. Было их, видимо, 15, а может быть, и 20 машин. <...> Танки противника двигались, непрерывно стреляя из пушек и пулеметов, давая все, что им попадалось на шоссе. За танками, тоже как-то не спеша, шли автомашины. Из них на ходу выскакивали солдаты, ведя огонь из автоматов по всем, кто был у них на пути. Люди метались: кто стрелял, кто куда-то бежал, а кто поднимал руки. Вспоминая эти минуты, я четко помню: тогда это было очень страшно, и я испугался... <...> Собрал силы, как-то подсознательно я закричал: “Отходить к лесу!”. И, как ни странно, меня услышали и поняли. Затем я побежал, видя единственное наше спасение — лес».

Действительно, в 1941 г. правее этой дороги был лес, частично сохранившийся и сейчас. Значительную часть его сейчас занимает садоводческое товарищество «Строитель».

В лесу у батальона 166 сд появились соседи: «Где-то ударило одно, затем другое орудие, зазвучали какие-то команды, послышались разрывы гранат. Яростно застрочили наши пулеметы — верные “максимы”. Опушка леса вдруг ожила, была готова драться и бить врага. Немецкая же пехота залегла, а затем начала отходить».

После ожесточенного боя Штрик принимает решение отходить на юг. Противник его не преследовал. Вероятный маршрут пролегает через мельницу на Вязьме рядом с деревней Леоново, где можно переправиться через реку по плотине. «Обошли Кайдаково (10 км южнее Вязьмы) и взяли направление на Темкино (50 км восточнее Вязьмы)». Это было уже несложно — 10 тд втянулась в Вязьму, сплошного кольца еще не было и батальон мог проскочить сквозь нее.

При анализе журнала боевых действий оперативного отдела 10 тд за 7 октября 1941 г. можно установить места боестолкновений с частями РККА, так как немецкие танкисты лишь в общих словах описывают своего противника, а основной упор в донесениях делают на успехи своих частей, что, впрочем, неудивительно.

В задаче на 7 октября указаны точки, которых нужно достичь дивизии для предотвращения возможных прорывов из «котла»: перекресток дорог в 3 км восточнее Жипина — западная часть Вязьмы — Пузиково. Первые два пункта — это места боев 29 сд и батальона 166 сд. «8:35 танковая бригада донесла, что мост в южной части Вязьмы в 7:00 взят, а противник все еще полностью ошеломлен». По реакции,

описанной С. В. Штриком, это очень похоже на правду, хотя мост упоминается южнее. «2-й батальон 7 тп на рассвете должен был занять мост через р. Улицу и ожидать подхода 2-го батальона 68 мпп. Обе части, вероятно, ворвались в Вязьму. Пока стрелки зачищали город, танки выступили дальше в направлении автобана. Танковая бригада донесла, что она ворвалась в 9:40 в Вязьму и захватила мост через р. Вязьму рядом южнее устья Бебри¹». В этих донесениях очень интересны слова «вероятно» и «кажется»... «В 11:30 северная часть Вязьмы занята. Отдельные очаги сопротивления в городе необходимо было еще ликвидировать. 11:45. После занятия и зачистки Вязьмы дивизия перешла к обороне. В 12:00 доклад о длинных колоннах противника, которые двигались с противоположной стороны ручья Мощенка в направлении Старая. Скорострельные 20 мм установки разведывательного батальона и батареи 10 см пушек вели огонь с открытых огневых позиций по противнику. Противник был разбит и больше не атаковал на Вязьму 7.10.».

Отметим, что к обороне 10 тд переходит дважды — в 11:45 и 18:30. При этом ничего не упоминается и о том, что в 17:35 в 1–3 км западнее Вязьмы немецкие войска в лесном районе находятся в бою с противником, а 2 До-17 подключены к наземному бою, хотя об этом сообщает летчик разведки², а 84-й дивизион ПВО 7 тд, докладывает о сильной атаке штурмовиков Ю-87 в районе Вязьмы во второй половине дня 7 октября³. Интерес представляет и добавление: «19:00 дивизия вела бой в южной части Вязьмы». Получается, что в 19:00 на юге города сражаются наши части. Но кто? 73 сд? 29 сд? Может быть, информация об этом еще будет найдена.

По свидетельству секретаря Смоленского обкома Д. М. Попова, «Вяземский гарнизон состоял из Запасного полка и батальонов местного населения, которые были сформированы лишь 4–5 октября, имели вооруженным 50% личного состава»⁴. Несколько десятков бойцов заняли позиции на южной и юго-западной окраинах Вязьмы. «Запасной полк вышел на оборонительный рубеж Нового села севернее гор. Вязьмы в 18 час. 30 мин., это в то время, когда противник с северной стороны по Комсомольской улице группой танков уже вошел вместе с мотопехотой в город Вязьму»⁵. Не заняв

1 Вероятно, речь идет о Смоленском мосте.

2 NARA. T-314. R-1394 F. 0595, 0584.

3 NARA. T-315. R-408 F. 1126.

4 ЦДНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 741. Л. 2–3.

5 Там же.

оборонительного рубежа, Запасной полк отошел на 5 км в восточном направлении¹.

Бывший боец Вяземского истребительного батальона В. В. Евстафьев вспоминал, что Д. М. Попов дал указания работникам милиции и командованию истребительного батальона снять посты и покинуть город. В этот момент были сделаны попытки уничтожить элеватор, нефтебазу и ряд других объектов².

Политрук роты 75-го отдельного рабочего батальона мл. политрук А. Л. Халфин на проверке политсостава, вышедшего из окружения, докладывал, что «6 октября батальон работал на складе 393 в г. Вязьма. Вечером, в результате налета вражеской авиации, загорелся элеватор. И нам было приказано организовать спасение находящегося там имущества. Это приказание через некоторое время было отменено. На другой день утром мы получили распоряжение отойти к деревне Бородино, а обоз был оставлен в Вязьме»³.

И снова противник опережает 29 сд. Она не успевает пройти Вязьму и остается западнее города внутри кольца.

Фронтом на восток

Петр Никитич Дыгас вспоминал, что после приема у генерала Никитина он поехал в южном направлении, в район Вскодов, но, видимо, отъехав не очень далеко, встречает бригадного комиссара и докладывает ему о состоявшемся разговоре. Тот лично едет в Вязьму, но никого там не находит. «Город пуст. — И, помолчав минуту, решительно сказал: — Будем сами принимать меры. Едем!»

«Остановились мы в школе д. Степаньково⁴, вблизи моста через реку Вязьма. Невдалеке располагался стрелковый полк московских ополченцев», — так описывал начало боев за город Петр Дыгас.

Действительно, командный пункт 29 сд расположился в соседней деревне по другую сторону реки, об этом писал Исахар Файнгар: «Командир дивизии тов. Заикин предложил мне проехать с ним в деревню Кручи, примерно в полутора километрах от Вязьмы⁵, для

1 ЦДНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 741. Л. 2–3.

2 Смоленское сражение 1941. Смоленск, 2001. С. 183.

3 Протоколы проверки политсостава отставших от своих частей и вышедших из окружения. Отдел кадров ПУ Западного фронта // ЦАМО, Ф. 208. Оп. 2526. Д. 89. Л. 117.

4 Примерно в 9 км западнее Вязьмы.

5 Круча находится примерно в 8 км западнее Вязьмы и менее чем в километре от Степаньково.

организации здесь командного пункта. Уже с утра пункт был технически оборудован и работал исключительно организованно и четко. Он располагал рацией, телефонной связью, была организована фельдъегерская связь со всеми нашими отрядами, дравшимися на окраине Вязьмы и т. д.»¹.

В этой сложной обстановке командование дивизии стало принимать боевые решения по своей инициативе, исходя из сложившейся ситуации. 20-й и часть 21-го полка дивизии развернули свои боевые подразделения справа и слева на пологих скатах оврагов вдоль реки Вязьма, поросших кустарником и деревьями и обращенных к городу. Дивизионные подразделения и тылы, оседлав Минское шоссе в 6–7 км от окраины города Вязьмы, расположились в районе населенных пунктов Гредякино, Относово, Азарово, Чепчугово, Григорьево.

В ночь с 6 на 7 октября 1941 г. командование дивизии вызвало на КП командиров и комиссаров полков и отдельных батальонов для ознакомления их с обстановкой и боевым приказом. «Совещание командного состава проходило в лесной сторожке при слабом свете керосинки. Все склонились над картой. На этом совещании прозвучало слово “окружение”. Дивизия попала в кольцо. Командир дивизии комбриг И. В. Заикин, сообщил план действия дивизии и показал на карте возможные места прорыва и соединения с нашими частями восточнее Вязьмы»².

С утра 7 октября начались бои 29 сд на Предвяземском фронте. «В первые два дня вся тяжесть организации этого дела легла на тов. Заикина. В последующие дни исключительную помощь, особенно в организации боевых отрядов, оказал нам тов. Кон. Наряду с тов. Заикиным, работой командного пункта в Кручи руководил также комиссар дивизии тов. Лукин, находившийся на пункте неотлучно». К утру к переднему краю были подтянуты все наличные силы дивизии, в том числе артиллерия. С вечера 6 и днем 7 октября в расположение 29 сд стали выходить отдельные подразделения частей РККА. Есть сведения от командира конного взвода разведки 480 сп 152 сд Е. С. Лопухова, что «7 октября подошли к Вязьме, 7–8 октября наша попытка прорваться через Вязьму к Москве не увенчалась успехом. Потеряв много людей, Вязьму стали обходить слева, т. е. с северо-восточной стороны. Мы, разведчики, сбились с ног, выискивая у немцев слабые места, где бы можно было прорваться и уйти в Подмоскowie, куда отходили войска. Немцы были бдительны и настроенны. Вся-

1 Архив ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 66. Д. 1. Л. 7 об.

2 Лукин П., Охупкин Р., Силантьев П. Боевой путь... С. 440.

кие мелкие попытки прорваться в большинстве своем кончались неудачей и гибелью наших славных боевых товарищей»¹. Военком 162 сд полковой комиссар К. И. Курятов докладывал на комиссии по проверке политсостава, вышедшего из окружения: «...штаб и около 200 человек из состава дивизии прибыли в район Вязьмы 7 октября и вместе с 29-й сд участвовали в прорыве, который удался, однако штабу 162-й сд выйти не удалось»².

7 октября подходят части 50 сд с командиром дивизии полковником А. А. Борейко не успевшие выйти с передовым 359 сп через Бозню. Поздно вечером 8 октября они попытают счастья южнее, под Лосьмино. В полдень этого же дня на позиции ополченцев 29 сд вышел 375-й гаубичный полк с 385 сп 112 мсд, и был придан «7-й стрелковой дивизии и, тем самым, одновременно 20-й армии». Это данные из допроса военнопленного 375 гап ст. лейтенанта артиллерии Николая Дмитриевича Новикова, который пояснил, что «7 сд располагалась на левом фланге 20-й армии, и состояла только из одного полка штатной численности (20 сп) и еще одного полка, имевшего в своем составе всего один батальон (21 сп). Кроме того, из резерва армии 7 сд был придан 229-й полк тяжелых гаубиц (так называемые «пушки-гаубицы» 152-мм с дальностью стрельбы 18 км), занявший позиции к северу и к югу от Московского шоссе фронтом на восток. Задача: прорваться до Вязьмы и дальше на восток к занятой русскими деревне Каменная Гора»³.

В 7 тд вермахта отмечают, что 7 октября в течение дня было в основном тихо, за исключением сильного артогня по шоссе. В этот же день устанавливается связь с 10 тд и у Вязьмы окончательно смыкаются северный и южный клинья «Тайфуна»⁴.

В донесениях вермахта фиксируются силы Красной армии, подходящие к городу с запада и попытки прорыва: «Большое скопление противника западнее Вязьмы, атака противника силами до роты на автобанае. Там ведется артиллерийский огонь силами до дивизиона»⁵. Донесения о захваченных пленными 56 ак за 8.10 позволяют нам судить о том, какие это были части, что в районе 6 мпп 7 тд действовала 29 сд и обнаружены подразделения 45-й кавалерийской дивизии (кд). Так-

1 Письмо от 29.03.83. Воронеж. Е. С. Лопухов. Архив Л. Н. Лопуховского

2 Протоколы проверки политсостава отставших от своих частей и вышедших из окружения. Отдел кадров ПУ Западного фронта // ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 89. Л. 181.

3 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 250 Л. 221–223. Перевод выполнен С. Вершининым.

4 NARA. T-314. R-1404 F. 0767, 0771.

5 NARA. T-315. R-567 F.0058. Перевод выполнен А. А. Милотиным.

же становится известно о силах, которые сосредотачиваются западнее Вязьмы: «6000–10000 человек с 30–50 танками и 17 реактивными минометами находятся в 5 км севернее автобана»¹. Вероятно, речь идет о районе Митино — Хожяево, в котором сосредотачиваются части 19-й армии.

7 октября — первый день боев 29 сд на Предвяземском фронте. Ополченцы получали в атаках свой первый боевой опыт. Дивизия оказалась ослаблена с уходом 19 сп и части 21 сп. Ветераны вспоминали: «Обстановка была необычная не только потому, что наступление было намечено вести с запада на восток. Но и потому, что наступление добровольцы-ополченцы дивизии, для которых такой бой был первым, должны были вести на открытой местности, без поддержки танков и авиации, против опытного врага, уже засевшего на окраине города»². Приказом командования дивизии 20-й и 21-й полки слились в один. Это было тем более необходимо, что в 21-м полку не было командира полка, а в 20-м полку пропал без вести комиссар. Командование объединенным полком было возложено на майора Смирнова и комиссара 21-го полка П. Ф. Силантьева³.

В этот день 7 тд фиксирует среди взятых в плен «в лесах на автобане» бойцов всех полков 29 сд⁴.

В первый день боев пришлось рассчитывать только на поддержку полковой артиллерии, а желтобрюхие самолеты проносились на бреющем полете над позициями дивизии и безнаказанно обстреливали ополченцев-бауманцев из пушек и пулеметов. Москвичи в этот день пять раз атаковали гитлеровцев, иногда достигая окраины города. В очень тяжелом положении оказались раненные бойцы, так как еще на марше вражеская авиация бомбила медсанбат. Погибли его начальник, много врачей и медперсонала. На помощь раненым были брошены даже работники политотдела дивизии. Ополченцы стремились прорвать вражескую оборону. Отдельные группы бойцов, в частности лейтенанта Морковина, достигли окраины города Вязьма. Но преимущество противника было слишком велико и закрепить успех смельчаков не удавалось.

Каждый час боев приносил потери бойцов и командиров. Поэтому по распоряжению командования дивизии политотдел и особый отдел

1 NARA. T-314. R-1398. F. 0207, 0212.

2 Матросов С. В., Вагапов Р. Д., Беззубов А. Ф. Героический подвиг в битве за Москву 7–29 Московской стрелковой дивизии народного ополчения Бауманского района. Л. 33

3 Лукин П., Охапкин Н., Силантьев П. Боевой путь дивизии народного ополчения Бауманского района Москвы. С. 442.

4 NARA. T-314. R-1398 F. 0206, 0211.

стали собирать в радиусе примерно 10 км от КП дивизии в населенных пунктах, оврагах, лесах выходящие из окружения разрозненные группы и одиночек, бойцов и командиров других частей, и формировать из них боевые подразделения. Дыгасу был выдан мандат начальника заградотряда и придано 12 автоматчиков на полуторке. Части и подразделения, которые удавалось остановить, направлялись на оборонительный рубеж западнее Вязьмы. Таким образом 7-я Бауманская дивизия на короткий период стала на главном направлении центром сопротивления, вокруг которого собирались сводные роты, готовые держать в руках оружие и идти на прорыв. К большому сожалению, в этих собранных ротах отсутствовала слаженность, бойцы часто не знали друг друга и своих командиров.

«Стало известно, что на станцию “Гредякино” прибыл эшелон с техникой и боеприпасами (это были “РС БМ-13”) и немцы пытаются его захватить. Выставили надежную охрану эшелона, ночью он был разгружен. Так было спасено оружие “государственной тайны”. Операцией руководил бригадный комиссар», — вспоминал Дыгас. О том, что в составе 29 сд оказалось несколько установок БМ-13, говорили многие ветераны дивизии. Но, например, Александр Гольдман вспоминал, что боеприпасов у них оставалось всего на один залп. Какая именно это была часть, неизвестно. Дыгас считает, что они прибыли по железной дороге, однако в то время «Катюши» перемещались исключительно своим ходом. Возможно, что в «Гредякино» прибыл эшелон с боеприпасами для них. Мы полагаем, что в ночь с 6 на 7 октября этот эшелон разгружают, и боеприпасы перемещают в район деревни Относово, севернее шоссе. Туда же прибывают, вероятно, установки из 19-й армии 10 гмп, 19-й батареи Куна или 3-го дивизиона 11 гмп, прибывшего 5 октября 1941 г. в Семлево своим ходом. Точные данные пока не удалось установить. Как следует из немецких документов, всего было 17 установок, которые так и не были уничтожены в ходе боев.

Однако эти установки могли предназначаться штабу 16-й армии и заехать в окружение с востока. Так, военный прокурор 43-й армии бригадвоенюрис Б. И. Алексеев докладывал, что на дороге к Гжатску «он неожиданно увидел, что в сторону уже оставленной нашими войсками Вязьмы без прикрытия движется дивизион реактивных установок. Без всяких особых проблем они могли попасть в руки фашистов. Остановив колонну, Алексеев, представившись, поставил командира дивизиона в известность о сдаче города, который этого еще не знал. Однако офицер имел приказ прибыть в конкретное место и не выполнить его не мог. Изменив маршрут движения, прокурор довольно бы-

стро сумел найти штаб фронта.. По настоянию Алексеева начальник штаба фронта своим приказом вернул реактивные установки обратно»¹. Возможно, это был не единственный дивизион, направленный в начале октября в район Вязьмы.

На 7 октября корпус 10 тд отдал приказ не дать советским войскам вырваться из закрывающегося котла и соединиться на шоссе западнее Вязьмы с 7 тд, которая вошла в Вязьму в качестве северной клешни, а 10 тд пришла с юга. Еще вечером 6 октября тбр и 69 пп получили приказ утром 7 октября наступать на Вязьму. На рассвете 7 октября тбр направляет усиленный взвод 5-й роты против южной окраины Вязьмы, где встречает советские войска и в 6:00 может овладеть мостами, ведущими в город с юга. Как только полк получил это донесение, всю 5-ю роту бросили к мостам для подкрепления, в 7:30 выступает II дивизион, через час он достиг южного подъезда к Вязьме. Согласно приказу, танки прорываются через город, чтобы овладеть автомобильным мостом через реку Вязьма, к северо-западу от города. 7 октября 1941 г. 3 и 4 танковые группы закрыли огромный Вяземский котел.

Правая штурмовая группа тем временем тоже выступила вперед. В 9:00 она достигает Митьково восточнее Вязьмы, преодолевает слабое сопротивление советских войск, к полудню выходит на шоссе у Бобровки и продолжает движение в направлении Вязьмы. Незадолго до 14:00 связь с левой штурмовой группой установлена. Штаб дивизии двинулся вперед и в 10:30 организовал командный пункт в Алексеевском, южнее Вязьмы. Отсюда видны длинные советские колонны, идущие к Старой. Быстро собранные орудия ведут огонь по разбегающимся войскам. После взятия и зачистки Вязьмы дивизия должна перейти к обороне. Поскольку ожидается основное давление советских частей на город как со стороны войск, вырвавшихся из котла, так и со стороны вновь привлеченных сил, необходимо быстро принять меры по обеспечению безопасности. В 17:30 выходит приказ о переходе к обороне: 10 тд поворачивает на запад, начиная с шоссе, где с ним соседствует 7 тд, вдоль западной окраины Вязьмы через Быково до Батищево, где соединяется со 2 тд.

Тбр (Pz.Rgt. 7 и 3./Fla 55) находится в обороне одним отрядом на юге Вязьмы, другим — на севере Вязьмы, готовая отбросить атакующие советские войска, откуда бы они ни пришли. Пока следует ожидать атаки с северо-востока на север Вязьмы и с востока на юг

1 Ушаков С. Ю., Стукалов А. А. Фронт военных прокуроров. С. 179, 180.

Вязьмы. В боевом дневнике дивизии добавлено: 18:00 Дивизионный бой происходил в южной части Вязьмы.

Этим завершается военный дневник № 5 10 тд за период с 22 мая по 7 октября 1941 г. На этом закончился не только этот военный дневник, но — увы! — все военные дневники дивизии. Разумеется, и за последующие месяцы и годы были написаны военные дневники, но они затерялись, возможно, были сожжены в Потсдамском архиве, возможно — как, вероятно, и последняя дивизионная КТБ, — уничтожены перед капитуляцией. Таким образом, с этого момента наш отчет больше не может опираться на дневник дивизии, но он основан на множестве других отчетов и документов.

По донесению 6 мпп в 7 тд для немцев ночь с 7 на 8 октября прошла спокойно. Атаки советских частей не последовало. До полудня 8 октября 1941 г. было также спокойно, кроме огня артиллерии советских войск по холму на шоссе в районе Андрейково.

В 11:30 адъютантом 6 мпп установлена связь с 10 тд, которая своим правым флангом 69 мпп опирается на автобан. И четко докладывают, что «граница с 10 тд установлена». Интересно, что это произошло только 8 октября в 11:30! И после этого адъютант 6 мпп поехал наконец на кп дивизии для доклада об обстановке.

После полудня происходит усиление артиллерийского огня как с восточного, так и с западного направлений. Захваченная фашистами Вязьма находится под огнем советских войск¹. В 12:45 в восточном районе (1-й батальон 6 мпп) было еще спокойно. Но при этом 2 тд в это время докладывает, «что между ними и 10-й танковой дивизией все еще есть дыра, которую обнаружил командир дивизии при объезде позиций и передал информацию в корпус»².

Артиллерийские наблюдатели 3-го дивизиона 51 апрм 78 ап, находящиеся на 300 м северо-западнее Печенкино, донесли в 7 тд об обстреле в 16:00 советскими войсками РС с позиций, вероятно, в 2–3 км юго-западнее Жипино. Они сообщили о 36 разрывах, которые легли примерно на удалении 6 км от Катюш в районе 1-го дивизиона 78 ап у Андрейково: ими было отмечено 2 залпа с интервалом 2 минуты³. В 16:30 сильный огонь реактивных минометов и артиллерии продолжился по району 2-го батальона 6 мпп, под удар попала 7-я рота. От обстрела пострадали одно 37 мм противотанковое орудие и один тягач. 10 тд также передала в 40 ак, что с 15:00 усилился огонь совет-

1 NARA. T-315. R-408 F. 1141.

2 NARA. T-315. R-60 F 1030.

3 NARA. T-315. R-411 F 0017.

ской артиллерии¹. После войны солдаты 10 тд вермахта вспоминали, что в тот день советская артиллерия непрерывно продолжала стрелять по немецким позициям, что вызвало многочисленные пожары в Вязьме. Им пришлось спасать автомобили 10 тд, укрывшиеся у стен домов, и не всем это удалось.

Удивительно мощными для 10 тд вновь стали налеты советской авиации 8 октября. Фашисты рассуждали после войны: «Кто бы мог подумать, что после того, как более 2000 самолетов противника было сбито или уничтожено на земле в первые дни кампании, а количество сбитых самолетов в последние месяцы всегда оставалось высоким? Откуда вы только взялись? Но они пришли, в этом не было никаких сомнений, и они атаковали, бросив вызов смерти. У зениток было много работы...»². Подтверждение данной информации можно найти в боевом донесении № 2 штаба ВВС МВО от 8 октября 1941 г., в котором сказано, что капитан Клещев из 521 ап 5-ю самолетами ЛАГГ-3 в 13:30 атаковал в районе Вязьма Хеншель-126, и хотя последний ушел в облака, немцам из 10 тд это было неприятно³. В 17:15 авиаразведка германских войск фиксирует и передает целеуказание в 90 ап о том, что советская батарея, 2 орудия, ведет огонь с позиции 1 км южнее, юго-западнее Богдановки на железнодорожной линии⁴. Там же находятся легкие установки ПВО, которые ведут огонь по немецким самолетам на позициях в 2 км юго-западнее от дороги на Вязьму на юго-запад, в 2 км юго-западнее железнодорожной линии, у ст. Гредякино⁵.

В 18:00 советские войска силой около 200 человек пытались атаковать 7-ю роту 6 мпп с направления юго-запада. Атака была отбита немцами, наши войска частично уничтожены. Левое крыло 7-й роты 6 мпп по-прежнему охраняет направление на юг, действует в обороне на восток и запирает автобан так, чтобы предотвратить обход советскими войсками по автобану через реку. Выставлены посты в прямом соприкосновении с 69 мпп.

По показаниям пленного старшего лейтенанта артиллерии Николая Дмитриевича Новикова, с 20:40 до 21:20 была проведена артподготовка, а затем началось наступление 385 сп 112 мсд и 29 сд со сводными ротами, которые, преодолев незначительное сопротивление

1 NARA. T-315. R-566 F 0053. Здесь и далее перевод NARA T-315 R-566 выполнен А. А. Милютиним.

2 Albert Schick. Die 10. Panzer Division 1939–1943. S. 373.

3 ЦАМО. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 34.

4 NARA. T-315. R-566 F 0061.

5 NARA. T-315. R-566 F 0063.

противника, ночью продвинулась на восток примерно на 6 км и к утру 9 октября заняли следующие позиции: Юрково (385 сп) — Совхоз Красное село (21 сп) — северо-западная окраина Вязьмы (20 сп)¹.

Немцы сообщают, что в 23:30 советские войска силами одного батальона повторили атаку на участке 7-й роты 6 мпп на автобане, однако, как и раньше, были отбиты. Но нашим войскам удалось с наступлением темноты приблизиться к немецкой линии обороны, поэтому от полка для обороны за районом 7-й роты держали в готовности резервы.

Далее немцы докладывают, что в 02:15 9 октября 1941 г. в районе 1-го батальона 6 мпп советские войска прорвались через немецкую линию обороны, но затем отдохавшие части этого батальона атаквали и отогнали наши части. При этом фашисты отметили, что «о точном положении этого противника в настоящее время еще ничего неизвестно, часть могла быть пленена, часть уничтожена. Уничтожение остального прорвавшегося за собственную линию противника еще продолжается. До сих пор взято 50 пленных». Если уйти от обтекаемых докладов 6 мпп, то получается, что нашим частям удалось пройти через Печенкино и дойти до Лобанова в тылу 1-го батальона 6 мпп, при этом едва не был разгромлен его штаб. И в подтверждение развития событий: «3-я батарея 59-го дивизиона ПВО с 24:00 до 9:00 9.10 вела бой в лесу с прорвавшимися русскими в районе 1 км севернее Андрейкова»². При этом немцы оценивают прорвавшиеся силы в 2 роты³.

В наградном листе Михаила Осиповича Король-Михайлова, командира огневого взвода противотанковой батареи 21 сп, 29 сд говорится: «11 октября 1941 года — получил задание командования пробраться в тыл противника, разведать его силы и установить возможные пути выхода батальона из окружения около ж.д. станции Туманская [Туманово]⁴. Товарищ Король-Михайлов вместе с бойцом своего взвода вышел на выполнение задания. Пробравшись в тыл противника, выяснив обстановку и возможность отхода, возвращался обратно в свою часть. В пути встретился с неприятельской бронеразведкой в составе 2-х броневиков с двумя прицепами. Товарищ Король-Михайлов приказал бойцу быстро доложить командованию части об этом,

1 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 250. Л. 221–223.

2 NARA. T-315. R-408 F. 1144.

3 NARA. T-315. R-406 F. 0141.

4 Прорыв в район Туманово мог произойти в любой из дней с 8 по 10 октября, но учитывая то, что говорится о батальоне 21 сп, логично предположить, что это произошло в самом начале боев.

сам же остался на месте для того, чтобы задержать на несколько минут продвижение разведки и дать возможность части подготовиться к встрече. С этой целью открыл стрельбу из винтовки. Противник задержался и открыл огонь из автоматов и минометов. Осколком мины Король-Михайлов был ранен в левый глаз, но несмотря на ранение продолжал стрельбу и лишь после тяжелого ранения пулей насквозь в грудь, потеряв сознание, прекратил стрельбу. Задание командования было выполнено. Батальон вышел из окружения»¹. Дополним, что станция Туманово находится севернее шоссе Москва — Минск, примерно в 30 км к востоку от Андрейково.

«Исключительный интерес представляла работа командного пункта даже с внешней стороны», — вспоминал Исахар Файнгар. «На узком и длинном столе стоят несколько телефонных и телеграфных аппаратов, за которыми сидят: телеграфист, телефонист и между ними начальник артиллерии подполковник Степаненко, который непрерывно дает отдельным артиллерийским батареям-частям указания по телефону, корректируя их огонь по Вязьме. Я сижу рядом с ним, принимаю от комиссара полка Силантьева телефонограмму о том, что автоматчики засели на куполе вяземского собора, установили там станковый пулемет и нет никакой возможности снять их оттуда и добраться до них. Просьба подавить пулеметный огонь артиллерией. Эту задачу блестяще выполнил по приказу тов. Степаненко прикомандированный к нам 375 артиллерийский полк. Буквально вторым или третьим попаданием была снесена часть купола и под ним похоронены все автоматчики». Мы полагаем, что удар артиллерии поразил Екатерининскую церковь.

2 тд вермахта в журнале боевых действия за 8 октября описывала свое впечатление о советских войсках: «Противник пытается беспорядочно, но с большой силой на различных участках прорваться или осуществлять сопротивление. Ночные удары сильны и ожесточенны. О плановом ударе с использованием тяжелого вооружения на нашем участке речь не идет, но на участке 10-й танковой дивизии, похоже, в направлении Вязьмы это происходит планово»². Танкисты 2 тд отмечают ночью в 00:45 9 октября атаки у Нестерово, а также на позиции 86 пп 10 тд в районе Абросимово, на южной окраине Вязьмы, которые были отбиты³.

1 ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 44. Л. 105.

2 NARA. T-315. R-90 F. 1034.

3 NARA. T-315. R-90 F. 1034.

Утром 9 октября 1941 г. по данным из допроса Новикова поступил приказ на отход прорвавшимся группам. «Новиков подозревал измену и уже намеревался расстрелять отступавшего командира роты из 21-го стрелкового полка, но был остановлен командиром его полка, “успокоившим” его разъяснением, что, хотя и кажется, что произошло недоразумение, но приказ об отступлении действительно поступил... из какой-то (как казалось) неизвестной командной инстанции...». Немцы доложили, что положение в районе 1-го батальона 6 мпп опять восстановлено. «Продолжается зачистка в тылу 1-го батальона 6 мпп под личным командованием командира полка, которая была начата в 8:30 саперным взводом штабной роты»¹. Также докладывалось о взятии многочисленных пленных. После войны в 10 тд вспоминали, что в тот день были повторные попытки прорыва запертых в котле советских войск. «Почти все время русская артиллерия разрушала немецкие позиции, а перед атаками из котла огонь усиливался до урагана, причем теперь снова используются залповые орудия, уже появившиеся у Ельни, “Сталинские органы”»².

В 12:10 10 тд на основании данных воздушной разведки 2 тд сообщила о движении по шоссе в районе Якушкино (5 км западнее Новая) на восток примерно 200 моторизированных средств, в том числе 30 танков³.

В течение дня 9 октября в районе автомагистрали было спокойно, после полудня начался беспокоивший фашистов обстрел, а вечером начался сильный огонь советской артиллерии и реактивными снарядами по району 7-й роты 6 мпп (позиции в районе Печенкино). После донесения 6 мпп о сильном обстреле позиций следует очень обтекаемая формулировка: «Позднее в 1-м батальоне 6 мпп были взяты 24 пленными, примерно такое же количество — уничтожено. Пленные принадлежат, по их словам, к частям, которые в последнюю ночь прорывались и еще находились в лесах между 6-м и 4-м мпп (Лобаново)»⁴. Из этой фразы очень сложно сделать вывод о происходящем, поэтому оставим ее без комментариев.

В 17:55 в промежуточном донесении 7 ак указано, что 23-я и 267-я дивизии находятся на линии в 3 км южнее станции Гредякино — Осьма от Поляново на запад⁵. С этого момента к давлению на Предвязем-

1 NARA. T-315. R-408 F. 1148.

2 Albert Schick Die 10. Panzer Division 1939–1943. P. 373–374.

3 NARA. T-315. R-90 F. 1034.

4 NARA. T-315. R-408 F. 1148.

5 NARA. T-314. R-351 F. 197.

ский фронт с востока добавляется давление частями 7 ак вермахта с южного направления.

Солдаты 2 тд в 18:20 севернее Чертово, что на южной окраине Вязьмы, под мостом обнаружили притворившегося мертвым комиссара, который при проверке подскочил, раскидал вокруг себя ручные гранаты, а одного солдата тяжело ранил из пистолета. «У комиссара при себе было достаточно взрывчатки, чтобы подорвать ночью мост. Он был застрелен»¹.

В 21:15 во 2-й роте 6 мпп 7 тд (между Андрейково и Бородино) был схвачен юноша 13–15 лет с материалами о радиоделе, кроме того при нем были обнаружены сигнальные огни и светомаскировка. Он пытался проникнуть в котел, но был изобличен как шпион и расстрелян. Очень похоже, что речь идет о нашем юном разведчике, возможно, действовавшем с заданием по авианаводке наших самолетов в этом районе. Имя его пока не известно. В это же месте немцы отмечают в 22:00 сильный огонь артиллерии русских и реактивных минометов по позициям 2-й роты 6 мпп по автобану и у Андрейково².

В 23:30 около 300–400 красноармейцев пошли в атаку с обеих сторон автобана по левому крылу 7-й роты в районе Печенкино. Частично им удалось проникнуть на позиции 7-й роты. «От полка были задействованы 6-я рота 6 мпп и 2-я рота 25 тп, которые зачистили до автобана и восстановили переднюю линию». Фактически получается картина повторения атак наших частей через 24 часа по тому же маршруту. Фашисты отмечали: «В 24:00 еще 200 человек вели бой вдоль автобана против района 7-й роты 6 мпп. При этом ведется сильный беспокоящий огонь по передовой линии роты. В 4:00 свои позиции заняли опять бронированная рота и 1 танковая рота. При этом 1-й дивизион 78 ап произвел один огневой налет по району сосредоточения наших подразделений в Красном Селе и вел заградительный огонь перед фронтом»³.

При прорыве красноармейцев на позиции 7-й роты правое крыло 2-й роты быстро отошло на оборонительные позиции. Во время этого перестроения части наших войск удалось с поддержкой 2–3 пушечных танков уйти на восток. Затем в течение ночи они многократно атаковали КП 1-го батальона. Огнем всех видов оружия с поддержкой одного орудия ПВО эту атаку смогли отбить. Было взято около

1 NARA. T-315. R-90 F. 1035.

2 NARA. T-315. R-408 F.1148.

3 NARA. T-315. R-408 F. 1179.

30 пленных, столько же — уничтожено¹. Танки какой именно нашей части были задействованы, пока неизвестно. Но то, что действия штурмовых групп при их поддержке были достаточно успешны, видно из немецких донесений. Также из донесений 84-го дивизиона ПВО в 7 тд за 9 октября мы знаем про «слабую активность истребителей противника, ночные бомбовые сбросы с ТБ-3 по району действий и оживление активности собственной авиации (частей Штука силами до группы, Ме-109, До-17, Фв-189)»². В этот день 521 иап на самолетах ЛАГГ-3 тремя звеньями действовал в районе Вязьма — ст. Новодудино, налет составил 11 часов, капитан Клещев сбил Ю-88 в районе ст. Мещерская³. Отметим интересное совпадение района действий нашей авиации с местами прорыва. Распоряжением командования ВВС МВО ночные бомбардировщики в ночь с 9 на 10 октября должны уничтожать танки противника на северо-восточной части Вязьмы⁴. Можно предположить, что они помогали нашим войскам прорываться, но, скорее всего, это просто совпадение.

«В первые дни боев военные операции развивались благоприятно для нас, хотя наши потери в живой силе были значительные, а вооружение бойцов сильно уступало вражескому», — рассказывал в 1943 г. И. М. Файнгар. «Настроение бойцов, политруков и командиров было приподнятым. Они были полны самопожертвования за родину, за товарища Сталина. Один лишь раз имел место случай на четвертый день боев, когда один участок после ожесточенных и непрерывных минометных и огневых атак противника был оставлен нашим небольшим отрядом, изнуренным боями и по существу не питавшимся и понесшим большие потери. Как раз в этот момент я случайно оказался в расположении этого отряда и на броневике привез на командный пункт комиссара отряда. Негодование командира дивизии тов. Заикина поведением отряда и комиссара было столь сильно, что если бы не мое, буквально непосредственное физическое вмешательство, то комиссар этот был бы тут же расстрелян на командном пункте. Вернувшись к своему отряду, этот товарищ продолжал прекрасно защищать рубеж до приказа об отходе. Этот эпизод свидетельствует о том высоком моральном подъеме, который царил в дивизии во время боев.

1 NARA. T-315. R-408 F.1143, 1144.

2 NARA. T-315. R-408 F. 1164.

3 ЦАМО. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 34. Л. 27.

4 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2589. Д. 10. Л. 177.

Приведу еще один пример: во время боев я увидел на окраине Вязьмы тяжело раненого политрука одной из рот полка тов. Зайцева. Положение его было безнадежным. Однако, увидев меня, он успел лишь выразить свою радость по поводу прекрасного поведения в бою его роты и вскоре после этого умер»¹.

«Комбриг Заикин назначил на 6:00 генеральное наступление на Вязьму² с тем, чтобы пробить кольцо вражеского окружения. Я был назначен командиром роты», — писал Александр Гольдман. «Перед нами была поставлена задача ворваться в Вязьму и закрепиться на ее западной окраине. Справа и слева от нашей роты наступали другие сборные роты. Еще затемно артиллерия открыла мощный огонь по Вязьме. Затем раздался единственный залп “Катюш”, который служил сигналом к атаке. “Катюши” стояли совсем рядом с нами на опушке леса. Залп этих диковинных автомашин с рельсами воодушевил наступающих. С оглушительными криками “Ура”, “За Родину”, с винтовками наперевес мы бросились вперед.

Вначале противника не было видно, только кругом свистели пули, потом вдаль мы стали различать маленькие темные фигурки, перебегавшие в густом кустарнике. Вот уже показались колокольни вяземских церквей, мы ворвались на окраину города, захватили несколько домов. И тут произошло совершенно неожиданное. Наша артиллерия открыла огонь по уже занятой нами окраине Вязьмы, количество убитых и раненых непрерывно росло, мы старались укрыться в подвалах разрушенных домов и в земляных щелях. По-видимому, артиллеристам вовремя не приказали перенести огонь дальше в расположение противника. Когда артиллерийский обстрел закончился, оставшиеся в живых под обстрелом немецких автоматчиков начали медленно отходить назад. Получив пополнение, мы в это день еще шесть раз пытались наступать на Вязьму, но уже ни разу не добились такого успеха, как в первой утренней атаке»³.

В штабе Предвяземского фронта 9 октября царили оптимистичные настроения. Бои за Вязьму «вначале развернулись вполне для нас благоприятно», — описывал ситуацию И. М. Файнгар. «Это, по-видимому, дало основание комиссару дивизии Лукину составить и послать телеграмму товарищу Сталину 9 октября вечером с заверением о том, что Вязьма будет взята. Я также считал, насколько разбирался в оценке

1 Архив ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 66. Д. 1. Л. 7 об.

2 Гольдман указывает, что это было 6 октября, однако мы считаем, что описываемые события относятся к 8 октября.

3 Гольдман. А. М. Памятник на 242-ом километре. Л. 14, 15.

военной обстановки, как и ряд других товарищей, что развитие боев должно привести к захвату нами Вязьмы, так как южная окраина в результате первых трех дней боев была уже в наших руках, хотя и ценой больших жертв. Однако я предпочитал послать подобную телеграмму уже после захвата города. К сожалению, утром 10 октября картина резко изменилась. Прикрывавшая один из флангов нашей дивизии 79 сд¹ неожиданно 10-го числа на рассвете под напором наступающих немцев двинулась через боевые порядки нашей дивизии и смяла их. Таким образом, Предвяземский фронт неожиданно прекратил свое существование. Скоро к смешавшимся бойцам 73 и нашей дивизии стали в большом количестве присоединяться отдельные части и отряды других кадровых и ополченческих дивизий, искавших выхода из окружения или отступавших под напором немцев».

10 октября части 7 ак стали теснить наши войска с юга. Перед Пряхиным и Заикиным встал вопрос о дальнейших действиях. Они понимают, что при активном нажиме с юга шансов прорваться на восток практически не остается. В 10 тд вермахта вспоминают: «На разных участках линии обороны вспыхивают бои, и русская артиллерия ведет сильный огонь по Вязьме. В котле окруженные русские сжимаются все больше и больше, так что их попытки вырваться становятся все более жесткими, сосредоточенными и безумными, да — почти отчаянными»². Согласно данным журнала боевых действия 7 тд в 01:00 советские войска севернее и южнее автобана успешно атаковали 6 мпп. В атаке противник прорвал передовую линию против правого фланга 1-го батальона и 1-го батальона 4 мпп. При небольших собственных потерях было взято 30 пленных³. В бою 6-м мпп было уничтожено 2 танка и 20 грузовиков и взято много пленных. Ранним утром 6-я бронированная рота 6 мпп, усиленная 2 штурмовыми орудиями, проводила зачистку своего тылового района. Однако своего противника немцы уже не обнаружили. С 7:00 советская артиллерия обстреливает различные районы 6 мпп, особенно район 2-го батальона, достается и тыловому району: подбита 1 машина с боеприпасами 4-й роты 6 мпп. В 7:15 500 человек атакуют из района Ризское (3 км севернее шоссе) позиции 8-й роты 6 мпп юго-восточнее Кудрино, но безрезультатно. В 7:30 начинается атака вместе с 3–4 танками на левом фланге 2-го батальона 6 мпп вдоль шоссе. По докладу атаку отбили,

1 В оригинале текста указана 79 сд, однако правым, южным соседом дивизии была именно 73 сд.

2 Albert Schick Die 10. Panzer Division 1939–1943. S. 374.

3 NARA. T-315. R-406. F 0144.

2 танка уничтожены из орудий пто¹. В 8:20, по сообщениям авиаразведки для 2 тд, советская моторизованная колонна из 100 машин двигалась от Володарец параллельно фронту в южном направлении в Михальки. Еще одна моторизованная колонна примерно из 150 машин стояла на дороге Вязьма — Дорогобуж, голова колонны на железнодорожном переезде юго-западнее Вязьмы. В 10:30 у Пастиха зафиксирована колонна примерно из 200 машин и 40–50 танков. Авиационная разведка также сообщила о 50 советских танках на опушке леса севернее станции Гредякино, идущих в 10:30 в южном направлении и поворачивающих на восток². Безуспешная зачистка 6-й бронированной роты 6 мпп была продолжена северо-восточнее. В 9:45 взвод этой роты при поддержке саперного взвода 5-й роты 6 мпп зачистили рощу южнее Шапково (Шапкина гора), там были обнаружены 50–60 наших военнослужащих. В 12:00 взвод вернулся в свою роту³. В 13:00 обнаружена колонна из 80–100 грузовиков, ехавших с северо-востока на юго-запад на высоте северо-восточнее Жипино (район Красное Суравцево), «большая часть уничтожена огнем артиллерии и пехотных орудий»⁴. Складывается впечатление, что эта колонна, отправленная, видимо, командованием 19-й армии по маршруту Пупово — Жипино — Красное, была просто подставлена под огонь немецкой артиллерии. В 14:40 9 октября 19-я армия приказала одной неустановленной части продвинуться по дороге Чижово — Рожново — Пупово — Жипино — Брилино (Бородино)⁵.

Похоже, что наше окруженное командование слабо представляло себе общую обстановку и позиции немецких войск. Далее остатки колонны уходят в Жипино, где в 13:30 их накрывают немецкие штурмовики «Штука» по целеуказаниям дымовыми выстрелами 1-го дивизиона 78 ап, «с последовавшими возгораниями». Перед районом 2-го батальона 6 мпп наступила тишина. На удалении примерно 10 км на запад немцы увидели белые огни подходящих частей вермахта. Обруч котла сжимался все сильнее. На основании донесения летчиков разведки 1-й дивизион 78 ап производит огневой налет по Пупово.

Командование Предвяземского фронта отдает приказ о движении основных частей и тылов на ст. Гредякино. В 13:35 на дороге у Тихонова немецкая разведка отмечает 40 танков и столько же грузо-

1 NARA. T-315. R-408. F 1168.

2 NARA. T-315. R-90 F.1037

3 NARA. T-315. R-408 F.1168.

4 NARA. T-315. R-408 F.1168.

5 ЦАМО. Ф. 500. Оп 12454. Л. 398.

виков на марше в направлении Богдановки¹. Новикову поручают установить связь с находившейся на юге 73 сд. «Когда выяснилось, что 73-я стрелковая дивизия уже отрезана, то вместо этого Новиков разыскал штаб располагавшейся дальше к югу 108-й стрелковой дивизии. Из-за дальнейшего проникновения немцев в котел по направлению восток — запад Новикову был отрезан обратный путь в 29 сд»². Но в 14:15 с позиций в 300 м севернее Богдановки советская батарея все еще обстреливает центр Вязьмы³. В 17:30 2 тд отметила в журнале боевых действий: «Сосредоточение противника в Старой и возле нее уничтожается артиллерией и тяжелым вооружением. В общем складывается впечатление, что вражеские моторизированные колонны и большие группы гужевого транспорта, идущие с запада, начинают поворачивать на юго-восток. Они успешно разбиваются действиями 3-го дивизиона 74-го артиллерийского полка. Разведка боем легко танкового взвода полка в направлении Старая была вынуждена остановиться в 500 м от Старой. <...> Впечатление о противнике: бесплановые действия, количество перебежчиков увеличивается. Вражеский артиллерийский огонь в 18:45 ведется по Алексеевскому»⁴.

«Из лесов появлялись все новые и новые потоки людей, пешком, на повозках и на машинах», — так описывал сложившийся хаос А. М. Гольдман. «Дороги переполнились, все стремились обогнать друг друга, надеясь, что впереди ждет спасение. Немецкие самолеты непрерывно бомбили и обстреливали из пулеметов людское море, но вскоре небо заволочло темными свинцовыми тучами и начался сильнейший снегопад. Еще вчера был по-летнему теплый день, а сегодня шел густой зимний снег. И он пошел именно тогда, когда нужно было защитить наших людей от вражеской авиации. Это казалось каким-то чудом — сама судьба спасала нас от лютого врага. Дороги не могли вместить такого количества людей, и они заполняли поля, опушки, кустарники. Со всех сторон раздавалась стрельба и людской поток время от времени изменял свое направление. Иногда казалось, что кто-то впереди ведет за собой всех остальных. Однако через некоторое время выяснялось, что все это движение имеет совершенного хаотический характер и никакого руководителя впереди нет». Снегопад 10 октября подтверждается немецкими донесениями, как и общий хаос, возникший западнее Вязьмы.

1 NARA. T-315 R-566 F. 0158.

2 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 250. Л. 221–223.

3 NARA. T-315. R-566 F. 0163

4 NARA. T-315. R-90 F. 1037.

Но севернее шоссе Москва — Минск весь день 10 октября продолжается огонь советской артиллерии по району позиций и тыловому району 6 мпп 7 тд¹. По данным авиаразведки, 7-я рота 78 ап после обеда ведет огонь по позициям в 500 м восточнее Относова. Летчики разведки и наземные наблюдатели зафиксировали скопление советских частей перед правым районом 6 мпп (Пупово, Жипино, Ризское)². В 22:30 в районе Жибриковских хуторов один самолет произвел бомбардировку в непосредственной близости от кп 6 мпп, «однако без ущерба»³. В 23:00 10 тд доложила в 40 ак: «23:00 с обеих сторон автобана атака противника отбита».

Находившийся со штабом И. М. Файнгар, так описывает конец Предвяземского фронта: «...наша попытка прорваться через Вязьму не удалась. Командный пункт в Кручах был свернут. Мы вернулись на высотку, где командование дивизии совместно с представителями фронта решило вырваться из окружения, двинувшись в обход Вязьмы в сторону железнодорожной станции Гредякино. Сюда именно и устремился весь поток машин и людей, работники штаба, политотдела, части пехоты и непрерывно растущий обоз. Так как путь этот шел вообще по плохим дорогам в условиях начинавшейся осенней распутицы и поход носил резко концентрированную форму, то весь отряд естественно оказался прекрасной мишенью для многочисленных ударов вражеской авиации. При въезде в деревню Гредякино мы заметили бегущих навстречу бойцов, а вскоре неподалеку два фашистских танка, экипаж которых улюлюкал и звал к себе наших бойцов. Свернув быстро весь отряд в лес и устроив короткое совещание буквально в сотне метров от немцев, мы решили пробиваться на Ржев, но вскоре попали под действие ожесточенного минометного огня противника и непрерывных ударов автоматчиков и пулеметчиков. Дивизия и все, что к ней приставали, стали быстро распадаться на ряд небольших отрядов, и дивизия, как таковая, по существу, с этого момента перестала существовать. В отряде, в котором оказался я, был еще тов. Кон, комиссар 20-го полка тов. Мороз, который вскоре нас покинул, старшина Н. А. Алексеев и другие товарищи. Примерно через час после этого события мы набрели на 375 артиллерийский полк. От командного и политсостава дивизии с нами осталась всего горсточка людей»⁴.

11 октября 1941 г. 29 ст, бывшая 7 ДНО Бауманского района города Москвы, была расформирована. Причины такого поспешного расфор-

1 NARA. T-315. R-408. F.1168.

2 NARA. T-315. R-408 F. 1179.

3 NARA. T-315. R-408 F. 1169.

4 Архив ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 66. Д. 1. Л. 8.

мирования неизвестны, возможно, свою роль сыграла «телеграмма Сталину», следов которой пока обнаружить не удалось.

И. М. Файнгар не рассказывает о том, как ему удалось выбраться из Вяземского окружения. Многие бывшие с ним в штабе Предвяземского фронта товарищи погибли. Погиб и командир дивизии комбриг Иван Васильевич Заикин.

Иван Федорович Пряхин в день своего рождения 10 октября 1941 г. участвовал в ночной атаке, в ходе которой был разгромлен гарнизон немцев в районе станции Семлево. «Подарком» на 35-летие стало тяжелое ранение. 27 октября он с группой командиров вышел из окружения в районе Дорохово и был направлен в штаб 5-й армии в Кубинку, а оттуда на лечение в Москву¹. В конце 1940-х гг. был преподавателем общей тактики в Военно-политической академии им. В. И. Ленина. В 1955 г. уволен в запас.

Александр Михайлович Сучков был тяжело ранен, по разным данным, 4 или 9 октября 1941 г., и подобран местными жителями. До января 1942 г. находился на лечении с. Великополье Смоленской области. Участвовал в работе подпольного Великопольского райкома ВКП(б). Заметим, что Великополье совсем рядом со Знаменкой, нельзя исключить, что он находился вместе с передовым отрядом 19 сп 29 сд. Всего за время его работы в подполье было организовано 12 партизанских отрядов. 19 января 1942 г. в районе действия партизанских отрядов был высажен парашютный десант. По решению подпольного райкома партии А. М. Сучков был эвакуирован в госпиталь в Москву. В 1943 г. он был назначен командиром 195 сд, освобождал Днепродзержинск. В ходе Березнеговато-Снигиревской наступательной операции, в боях за город и железнодорожный узел Вознесенск 23 марта 1944 г. А. М. Сучков погиб².

Александр Михайлович Гольдман вышел из окружения 25 октября в расположение 33-й армии с документами и оружием в группе 60 бойцов.

Памятник на 242-м километре

Вновь дадим слово А. М. Гольдману, который был непосредственным участником создания памятника ополченцам-бауманцам на 242-м километре шоссе Москва — Минск.

1 Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь. Т.5. М., 2014. С. 126.

2 Там же. С. 559–560.

«В 1963 году впервые после войны собрались ополченцы-бауманцы, был избран Совет ветеранов дивизии. С самого начала Совет считал своей важнейшей задачей создание памятника погибшим товарищам в том месте, где в октябре 1941 года дивизия провела свой главной и единственный бой.

К 25-летию битвы под Москвой 1 ноября 1966 года в газете «Московский комсомолец» была опубликована статья «Под Вязьмой», написанная по поручению Совета ветеранов Р. Д. Вагаповым, Д. Н. Винниковым и А. М. Гольдманом. В ней описывался короткий, но героический путь 7-й Бауманской дивизии».

На статью откликнулся журналист Олег Лишин из Петрова-Дальнего, который сообщил, что он с женой Адой организовал большой отряд из ребят комсомольского и пионерского возраста. На сборе отряда они прочли статью и единогласно постановили изготовить и установить памятник. «Они только просят, чтобы кто-то из ветеранов-бауманцев поехал с нами и указал место, где он должен стоять».

«На заседании Совета разгорелись горячие споры. Дело в том, что до этого предпринимались неоднократные попытки создать памятник, но все они разбивались, сталкиваясь с большими трудностями. По существующим правилам нужно было получить множество согласований <...>. А тут вдруг ребята из Петрова-Дальнего решили взять и поставить памятник. В конце концов на совете победило мнение, что мы не имеем права мешать пионерам и комсомольцам исполнить свой патриотический долг».

«1 мая 1967 года я взял двух дочерей и поехал на автобусе с Лишними и их прекрасными ребятами к Вязьме. Для памятника мы выбрали место на высоком косогоре у Минского шоссе вблизи от столбика с надписью «242 км». Я рассказал ребятам, что именно здесь в октябре 1941 года 7-я Бауманская дивизия наступала с запада на Вязьму, чтобы прорвать кольцо вражеского окружения. Три дня совершали ребята походы по окрестным местам, нашли в болотах много трофеев и установили свой самодельный памятник ополченцам-бауманцам». Первый памятник был сделан из фанеры и дюралья и был совсем простым.

Второй памятник был открыт 15 декабря 1971 г. на том же месте. «Высшее Техническое училище им. Баумана, из которого в 1941 году в 7-й Бауманской дивизии сражалось более четырехсот человек, летом 1971 года направило студенческий строительный отряд на постройку памятника на 242-й километр Минского шоссе. Все лето студенты-бауманцы под руководством нашего бывшего председателя

Совета Ильи Ивановича Журавлева сооружали памятник, который безвозмездно создал молодой московский скульптор Фролов»¹.

Сейчас на том же месте стоит третья версия памятника. Монумент 1971 г. перенесен неподалеку, в деревню Относово. На его месте, как утверждают, по просьбе жены Н. В. Кожухаря, появилась массивная композиция по мотивам его подвига: бетонный солдат-ополченец, обращенный на запад, сжимает в руках противотанковую гранату.

1 Гольдман. А. М. Памятник на 242-ом километре. 37–41.

В. В. Беспояско

Участники Вяземской оборонительной операции октября 1941 г. в партизанском движении

Аннотация: Автор поднимает вопрос о судьбах защитников Отечества, оказавшихся на территории, занятой врагом. Исследованы судьбы воинов, вставших на путь борьбы с захватчиками в партизанских отрядах, в подполье, подпольных госпиталях, созданных на занятой врагом территории, в пределах страны и за рубежом. Обосновывается предложение отметить районы партизанских краев и зон почетными званиями на федеральном и региональном уровне. Потомки участников Вяземской оборонительной операции октября 1941 г. продолжают исследование.

Обозначенная в названии тема привлекла внимание исследователей и общественности только в последнее время, хотя отдельные примеры участия «окруженцев» в партизанском движении были известны давно. Напомню: речь идет об участниках Вяземской оборонительной операции октября 1941 г. — воинах 19-й, 16-й, 20-й и 32-й армий, отдельных дивизий 24-й и 33-й армий, сдерживавших германские войска группы армий «Центр» на дальних подступах к Москве, на Смоленской земле, со второй половины июля, в августе и сентябре, оказавшихся в окружении 6–13 октября 1941 г.

Понятие «окруженец» заимствовано из списков личного состава партизанских подразделений. Перед нами предстают многогранные судьбы «окруженцев». Это бойцы и командиры:

- прорвавшиеся из окружения и после проверки продолжившие службу в РККА;
- погибшие в боях, при прорыве и в стычках с врагом при попытках преодолеть линию фронта;
- попавшие в плен, зачастую не имевшие ни времени, ни сил, ни возможности решать дилемму: погибнуть или выжить в условиях бесчеловечных зверств фашистов и их наемников;
- преодолевшие длительные переходы без еды и воды, находившиеся на сборных и временных пунктах за колючей проволокой под открытым небом поздней осенью — в октябре и ноябре, как в Дорогобуже на аэродроме и в помещении бойни;

— находившиеся в пересыльных лагерях (дулагах), тоже не всегда под крышей всю зиму (как в Вязьме в дулагах-231, -184, -230), с едой — баландой раз в сутки, и в концлагерях;

— попавшие в плен ранеными, что означало гибель при этапировании, а в лучшем случае — размещение в госпитале, чтобы подлечиться и с какой-то степенью вероятности сбежать из-под немецкого контроля;

— создавшие или зачисленные в партизанские отряды;

— пересидевшие пару месяцев «в зятках», чтобы сориентироваться и пополнить ряды партизан.

В Смоленских архивах (ГАСО, ГАНИСО) имеются списки партизанских отрядов и бригад, но они содержат сведения в основном с 1 января 1943 г., а к этому времени личный состав партизанских отрядов и бригад из-за потерь и перемещений, согласно расчетам, мог смениться дважды.

О том, что в Вадинских лесах были в партизанских отрядах воины, например, 19-й армии, говорится в воспоминании партизана, написанном от руки на четверти листа: «Боеспособные ПО [партизанские отряды. — В. Б.] проявились в январе 1942 г. ПО имени Сталина в Ярцевском районе, численность 69 чел., из них большая часть — бойцы и командиры — окруженцы. Организатором и командиром этого ПО был ст. л-т Калинин И. А., комиссаром — ст. политрук Стрикин, пом. прокурора 19-й армии. ПО действовал самостоятельно до 2.04.42 г., — до реорганизации ПО в ОПП [особый партизанский полк. — В. Б.]. Член ПО К. Щербаков».

Потомки московских ополченцев, восстанавливая списки дивизий народного ополчения (ДНО), продвинулись и в поиске тех ополченцев, которые после безуспешных попыток выбраться из окружения продолжили борьбу с врагом партизанскими методами.

Многие жители Москвы в июле 1941 г. по зову сердца проявили свой патриотизм: не подлежа призыву, высказали желание вступить в ряды народных ополченцев. В условиях неблагоприятных известий о положении дел на фронтах в начале Великой Отечественной войны они в составе ДНО постигали азы военного дела, готовились к боевым действиям. Но некоторые (6, 9 ДНО) уже в августе — сентябре получили боевое крещение в ходе Смоленского сражения как в обороне, так и в наступлении.

Самым серьезным испытанием для ополченцев, как и для всех воинских соединений и частей Западного направления, стал первый этап битвы за Москву — Вяземская оборонительная операция 2–13 октября 1941 г.

Германские вооруженные силы, используя экономический и военный потенциал поверженных европейских стран, к октябрю 1941 г. смогли сконцентрировать достаточно танковых и механизированных соединений, а также частей инженерной, артиллерийской и авиационной поддержки, чтобы мощным ударом танковых кулаков осуществить прорыв фронта в непредвиденных местах с целью полного охвата и уничтожения всей группировки РККА на Западном стратегическом направлении, рассчитывая в дальнейшем на беспрепятственное продвижение на Москву.

Войска Западного и Резервного фронтов РККА, оказавшиеся в окружении, осуществили ряд прорывов, понеся при этом серьезные потери. Лишь нескольким десяткам тысяч воинов удалось в октябре 1941 г. прорваться из окружения в составе воинских частей своей дивизии или просочиться отдельными группами на ближние к Москве рубежи. Большинство ополченцев пали или числились пропавшими без вести. 2, 7, 8, 9 и 13 ДНО были признаны погибшими на фронте. В дальнейшем мы убедимся, что именно из названных дивизий больше всего ополченцев стали активными участниками партизанского движения в тылу врага.

Те воины, в том числе ополченцы, которые оказались на временно оккупированной территории и избежали пленения, решили сражаться до конца. Они создали партизанские отряды и продолжили борьбу с врагом.

Большинство из них в условиях приближающейся зимы группировалось по несколько человек вокруг номинальных руководителей из числа командно-начальствующего состава или активных бойцов, обладавших лидерскими качествами. Так из числа «окруженцев» и московских ополченцев формировались партизанские группы и отряды.

Партизанское движение в России в угрожающие для независимости страны времена имеет глубокие корни. Исторически при нападении врагов на русские земли весь народ вступал в непримиримую борьбу с захватчиками: воинские подразделения, партизанские отряды и население — каждый своими методами.

Политработники ДНО ориентировали ополченцев на то, что в исключительном случае неудачи при прорыве кольца окружения надо идти в партизаны. Это соответствовало требованиям директивы правительства страны (Совнаркома СССР) и ЦК ВКП(б) советским и партийным организациям. 3 июля 1941 г. в выступлении по радио главы государства указывались задачи партизанских отрядов и диверсионных групп: борьба с частями вражеской армии, взрыв мостов, дорог, порча телефонной и телеграфной связи, поджог складов, обо-

зов, лесов. Позже штабы партизанского движения уточнили: места обитания партизан оберегать, парализовать связь и транспортные артерии в тылу врага, взаимодействовать со штабами фронтов, передавать разведанные, пускать под откос эшелоны с живой силой и боевой техникой противника. А 18 июля 1941 г., когда враг был уже на территории Смоленской области, вышло Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу врага».

Так что партизанское движение, уже состоявшее из сети подполья и партизанских отрядов партийно-комсомольского актива и истребительных батальонов, стихийно пополнялось местными жителями, а также «окруженцами» — бойцами и командно-политическими кадрами РККА, в том числе московскими ополченцами. Их партизанские отряды объединялись между собой или вливались в территориальные отряды, создавая партизанские объединения, имеющие региональное подчинение.

Дмитрий Попов — руководитель смоленских коммунистов и Западного штаба партизанского движения — сообщал, что в ноябре — декабре 1941 г. численность военнослужащих в партизанских отрядах на Смоленщине достигала 60%. Это значительно выше, чем в зонах других фронтов (20%).

Долгое время потомки московских ополченцев занимались восстановлением списочного состава ДНО. Только сейчас активные потомки добровольцев 2, 6, 9, 13 ДНО начали исследовать судьбы тех ополченцев, которые после октября 1941 г. продолжили непримиримую борьбу с врагом в составе партизанских отрядов. И оказалось, что даже те, кто попал в плен, оставались непокоренными и занимались подпольной работой, а те, кому удавалось сбежать из плена, уходили в партизанские отряды как в нашей стране, так и за рубежом, в том числе становясь командирами боевых отрядов в движении Сопротивления.

Расскажем об ополченцах в рядах партизанских отрядов на территории Смоленской области.

Московский инженер, 53-летний ополченец В. И. Воронченко (1 ДНО), сбежав из колонны пленных на своей малой родине — в Дорогобужском районе, организовал партизанский отряд «Дедушка», быстро разраставшийся как за счет других партизанских групп и отрядов, так и за счет жителей района и «окруженцев» и превратившийся в 1-ю партизанскую дивизию «Дедушка» (6 тысяч партизан!). Нами установлено, что в составе «Дедушки» были московские ополченцы из 1, 2, 6, 7, 8, 9 ДНО и госпиталя 32-й армии.

Партизанский отряд «ФД», в дальнейшем — партизанский полк им. 24-й годовщины РККА, организовали московский ополченец Ф. Д. Гнез-

дилов (9 ДНО); комиссар Г. А. Абаев (6 ДНО) и начальник штаба Г. П. Макаров (9 ДНО). С апреля 1942 г. вместо раненого Ф. Д. Гнездилова командиром в течение года был Ф. П. Шмелев (8 ДНО). В полку были ополченцы 2, 6, 8, 9 ДНО, а также «окруженцы» и местные жители.

В партизанском отряде «13» С. В. Гришина, выросшем в партизанский полк и осуществлявшем рейды по Смоленской области и Белоруссии, действовали московские ополченцы из 1, 2, 4, 5, 8, 17 ДНО.

В составе партизанской бригады им. С. Лазо воевали московские ополченцы из 9 и 13 ДНО.

Приведем данные о партизанских отрядах в районах Поугорья.

Организаторами партизанских отрядов в Семлевском, Всходском и Знаменском районах Смоленщины стали ополченцы Н. Ф. Бобровский, Е. С. Верещак, Н. Г. Воронин, С. В. Жуков, Н. Е. Останькович — 2 ДНО; А. А. Сафронов — 9 ДНО; С. А. Московский, Б. В. Емельянов, К. К. Зубенко — 13 ДНО. Как и командиры партизанских отрядов «Северный медведь» и «Смерть фашизму», они вошли в командный состав 1-го особого партизанского полка, командовать которым был прислан майор В. В. Жабо. В этом полку были также жители указанных районов и ополченцы 1, 2, 8, 9, 13 ДНО. Ополченцы-партизаны в составе полка майора В. В. Жабо отбили наступление врага у д. Желанье, освободили железнодорожную станцию Угра и контролировали участок железной дороги от станции Угра до станции Вязьма.

Московские ополченцы-партизаны в составе партизанских отрядов активно участвовали в боях против врага:

— парализовали связь и транспортные артерии в тылу врага, уничтожали склады, взрывали мосты и пускали под откос эшелоны с боевой техникой и личным составом врага;

— взаимодействовали со штабами фронтов, участвовали в крупных партизанских операциях, в том числе «Рельсовая война» и «Концерт».

Московские ополченцы-партизаны создавали в тылу врага, на временно оккупированной территории Смоленщины, партизанские края и партизанские зоны.

Всего на территории Смоленской области в границах до 1944 г. во вражеском тылу были восстановлены советские органы власти в 26 районах, в 319 сельсоветах. Освобожденная территория трех партизанских краев составила 17 800 кв. км, на которой действовали 21 500 партизан.

Западному штабу партизанского движения подчинялось несколько партизанских краев.

1. Дорогобужский (с Южным Ельнинским) партизанский край: территория 10 000 кв. км; от Ельнинского до Знаменского (ныне

Угранского) района; численность партизан — 10 500. Дорогобуж был освобожден от врага (это в тылу германских войск!) 15 февраля 1942 г. Освобожденная территория расширилась с рейдом в Смоленскую область соединений РККА. На этой территории действовали все вышеперечисленные партизанские отряды, части и соединения. Партизанские соединения взаимодействовали с воинскими соединениями 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта П. А. Белова и десанниками 4-го воздушно-десантного корпуса, а также оказывали им содействие при их выходе из вражеского тыла.

2. Вадинский партизанский край: территория 3000 кв. км; численность — 6000 партизан. В 6 партизанских соединениях и отрядах в борьбе с врагом принимали участие московские ополченцы 2, 6, 9, 13, 18 ДНО.

3. Московские ополченцы действовали и в Северо-Западном партизанском крае (территория — 4800 кв. км; численность — 5000 партизан). Представители 2, 5, 6, 9 и 13 ДНО входили в состав 13 партизанских соединений и отрядов.

Вне партизанских краев московские ополченцы создавали партизанские зоны:

— в Темкинском районе партизанский отряд «Батя» организовал московский ополченец В. А. Головенков (2 ДНО), а партизанский отряд «Красный орел» — московский ополченец С. А. Леонтьев (9 ДНО);

— в Сычевском районе партизанский диверсионный отряд организовал московский ополченец И. К. Миронов (9 ДНО). Отряд погиб.

В партизанском отряде в Тумановском районе воевал ополченец М. У. Жужлин (2 ДНО). Московские ополченцы участвовали также в партизанских отрядах, действовавших на Калининском и Брянском фронтах. В результате участия партизанских отрядов и соединений в партизанских операциях «Рельсовая война» и «Концерт» на территории Смоленской области подорвано 19 132 рельса!

Московские добровольцы участвовали также в партизанском движении на территории Белоруссии.

Ополченцы Москвы, в основном из 2 и 13 ДНО, а также 1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 17, 18 и 21 ДНО (всех ДНО!) входили более чем в 35 партизанских соединений. Так, попав в октябре 1941 г. в плен под Вязьмой, раненный московский ополченец из 7 ДНО, уроженец Башкирии Николай Яковлевич Киселев совершил побег из поезда на территории Белоруссии, создал в поселке Илья подполье и партизанский отряд и ушел в лес в партизанскую бригаду «Народный мститель», показал себя умелым организатором и ответственным коммунистом. Ему поручили сложнейшее задание, и он выполнил его: 1000-километровым

маршем из еврейского гетто в глубоком тылу (в оккупированном врагом Вилейском районе) в течение 40 суток вывел на освобожденную советскую территорию группу из 218 обреченных на гибель в гетто мирных граждан, в основном стариков, женщин и детей. Потомки спасенных чтят память московского ополченца-партизана — Израильский институт катастрофы и героизма присвоил Н. Я. Киселеву почетное звание «Праведник народов мира».

На территории Украины (в Черниговской, Винницкой и Житомирской областях), кроме местных жителей, воевали участники партизанского движения из России, в том числе 4 московских ополченца из 2 ДНО:

— Иван Гордеевич Кругленко (Салай), 1891 г. р., член ВКП(б), Тимирязевский РВК, партизанский отряд Черниговской области;

— Семен Терентьевич Марченко, комиссар 1282-го стрелкового полка 2 ДНО, сформировал партизанский отряд, переоформленный в партизанскую бригаду им. Ленина (Винница). Этот отряд уничтожил 2365 немецких солдат и офицеров, разрушил 4 завода, пустил под откос 4 вражеских эшелона, разрушил более 22 автомобильных и железнодорожных мостов;

— Василий Иванович Палей, 1908 г. р., командир взвода 2 ДНО, партизанский отряд в Черниговской области;

— Сергей Иванович Приймак, 1921 г. р., лейтенант 1284-го стрелкового полка 2 ДНО, партизанский отряд в Житомирской области. Ко времени прихода ополченца в родной город фамилия Приймак была широко известна как фамилия командира крупного партизанского соединения; шансов побывать дома у него не было — он был повешен немцами.

Ополченцы-партизаны содействовали освобождению нашей страны от врагов и после встречи с частями РККА пополняли ее ряды.

Во французском движении Сопротивления приняли участие, бежав из плена в разных местах и в разное время, московские ополченцы: в Париже — Г. А. Абаев (6 ДНО); в партизанском отряде в Марселе — Н. С. Лишневский (2 ДНО); в партизанском отряде «За Ленинград» — П. А. Калмыков (13 ДНО).

В Италии в рядах движения Сопротивления широко известен 1-й Русский ударный партизанский батальон Партизанской республики Монтефьорино, организованный и действовавший под командованием Capitano Russo — В. Я. Переладова (7 ДНО). В ополченцы он пошел с 3-го курса Планового института. В итальянском Сопротивлении участвовал также В. А. Ермолаев (13 ДНО).

В Чехии московский ополченец Б. И. Шлячков (2 ДНО) участвовал в борьбе с врагом в составе партизанского отряда «Мистер Ян Гус» партизанской бригады майора А. В. Фомина.

В Венгрии партизанский отряд организовал, вовлекая в него венгров, Р. С. Гарашин, который до участия в партизанском движении был московским ополченцем Ростокинского района (13 ДНО).

В Польше после побега из плена московский ополченец В. Б. Евстигнеев (2 ДНО) продолжил борьбу в партизанском отряде Михаила Щербины под г. Вышково.

Московские ополченцы участвовали и в подпольной работе: так, артист театра кукол ополченец-подпольщик С. И. Задонин (2 ДНО) передавал сведения из штаба самой мощной вражеской группы армий «Центр». Казнен в 1943 г.

В Кричевском концлагере (Беларусь) подпольную работу вели 2 деятеля искусств из 8 ДНО: певец, дирижер, пулеметчик Г. П. Лузенин и солист на радио, бас А. И. Окаемов (казнены в 1943 г.), а также сбежавший перед казнью И. В. Мордовин, в прошлом ополченец 1 ДНО.

Находясь в плену, подпольной работой в Германии (в Майнце, Берлине — 2 человека и в концлагере «Дора», Нордхаузен) занимались московские ополченцы 2 и 13 ДНО.

Партизаны-медработники московских ДНО продолжили выполнение своего долга согласно присяге Родине и клятве Гиппократы в партизанских отрядах:

— К. Ф. Антропова (Веземьева), военврач 3 разряда, 2 ДНО 32-й армии, побег из плена в партизанский отряд «Ураган» в Орше, врач партизанского отряда в 1943–1944 гг.;

— И. Ф. Батраков, военфельдшер, начальник аптеки 214 ппг 32-й армии, 1-я партизанская дивизия «Дедушка»;

— М. П. Беликова, санинструктор 38-го стрелкового полка 13 ДНО, партизанский отряд «Смерть фашизму» в составе особого партизанского полка майора Жабо;

— Т. П. Гладышева (Степачева), медсестра 60-й стрелковой дивизии 1 ДНО, партизанский отряд «Смерть фашизму» в составе особого партизанского полка майора Жабо, а затем — в составе Красной армии дошла до Эльбы;

— Н. Н. Заварзина (Данилова), медсестра 9 ДНО, 2-я Рогнединская партизанская бригада, партизанский отряд «Брянский лес»;

— Е. Н. Карпунина, медсанбат 9 ДНО 24-й армии, партизанский отряд на Брянщине;

— Николай Павлович Шастин, 1900 г. р., из семьи хирурга в Иркутске. Дзержинский РВК г. Москва, 32-я армия, военврач 2 разряда

(майор). С 29 сентября 1941 г. — в 23 орму. Медсанбат 2 ДНО (на оккупированной территории). За август — сентябрь 1942 г. 3786 операций раненых, смертность — 2,5%. С октября 1942 г. — в 33-й армии, ведущий хирург 467-го полевого подвижного госпиталя. Награжден орденом Красной Звезды.

Ополченцы-партизаны и подпольщики осуществляли свою боевую деятельность более чем в 100 партизанских отрядах и соединениях. Сами партизанские отряды на разных этапах реорганизовывались, объединялись, разоблачались, перемещались, поэтому не все связи пока вскрыты в динамике.

Активную работу по сбору сведений о партизанах из числа участников Вяземской оборонительной операции октября 1941 г. проводят потомки московских ополченцев 2 ДНО Л. Е. Муждабаева и 9 ДНО О. В. Ромашова. Установлены судьбы ополченцев — участников партизанского движения из разных ДНО (с учетом результатов поиска в августе — сентябре 2021 г.):

<i>Наименование подразделения</i>	<i>На 1.08.2021.</i>	<i>Найдено в августе и сентябре 2021 г.</i>	<i>На 1.10.2021.</i>
1 ДНО	5	+5	10
2 ДНО	46	+7	53
4 ДНО	3	+ 1	4
5 ДНО	2	+ 1	3
6 ДНО	12	+ 4	16
7 ДНО	7	+ 3	10
8 ДНО	9	+ 3	12
9 ДНО	39	+ 1	40
13 ДНО	37	+ 3	40
17 ДНО	1	+ 4	5
18 ДНО	4	–	4
21 ДНО	–	+ 2	2
5 ДНО (осенняя)	–	+ 1	1
282 сд БрФ	–	+ 1	1
врачи (вне ДНО)	–	+ 1	1
принадлежность к № ДНО устанавливается	4	+ 5	9
Итого:	169	+ 42	211

Сегодня мы, потомки участников Вяземской оборонительной операции октября 1941 г., потомки московских ополченцев и жители Смоленщины вправе ставить вопрос о региональных почетных званиях «Город/населенный пункт воинской доблести» и в первую очередь о Рубеже воинской доблести московских дивизий народного ополчения.

Рассматривая тему участия в партизанской и подпольной борьбе московских ополченцев, обратим внимание на огромный вклад в Великую Победу 1945 г. партизанского движения, о чем писал руководитель Центрального штаба партизанского движения генерал-лейтенант П. К. Пономаренко: «По своим масштабам, политическим и военным результатам партизанская и подпольная борьба, а также массовое сопротивление населения всем мероприятиям фашистских оккупантов в их тылу приобрели стратегическое значение и превратились в один из решающих факторов разгрома фашистского нашествия».

В основе Великой Победы — стремление народов страны к освобождению от фашистской оккупации, к изгнанию вон в свое логово для полной и безоговорочной капитуляции. Это стремление реализовано через единство триады — боевого фронта, трудового фронта, партизанского фронта. Как присвоены на федеральном уровне почетные звания «Город воинской славы», «Город трудовой славы», так должны быть почитаемы и «Города, районы партизанской славы»! В первую очередь — из числа партизанских краев, в создании которых активно участвовали московские ополченцы.

389-й гаубичный артиллерийский полк в Вяземской оборонительной операции

Аннотация: Целью исследования является восстановление списков личного состава и реконструкция истории боевого пути 389-го гаубичного артиллерийского полка, фонд которого отсутствует в Центральном архиве Министерства обороны РФ. Социально-демографический анализ сведений о 719 воинах полка, а также анализ советских и немецких документов позволил восстановить боевой путь полка от формирования в Среднеазиатском военном округе в мае 1940 г. до гибели в Вяземском котле в октябре 1941 г. Данный боевой путь отражает основные особенности Вяземской оборонительной операции в целом.

Рассуждая о масштабных военных операциях и крупных формированиях, мы чаще всего не можем увидеть человека на войне. Недостаточное внимание к человеку и его судьбе — одна из особенностей как отечественного военного учета, так и отечественной военной истории в целом. Целью данного исследования является восстановление списков личного состава и реконструкция боевого пути 389-го гаубичного артиллерийского полка.

Согласно данным ОБД «Память народа», 389-й гаубичный артиллерийский полк входил в состав 194-й стрелковой дивизии, до 26.08.1941 г. — 194-я горнострелковая дивизия, а его боевой путь продолжался с 15 июля по 12 октября 1941 г¹. В Перечне № 5 данный полк упоминается только в составе 194-й горнострелковой дивизии, т. е. в период до 26.08.1941 г².

В Центральном архиве Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО) фонд 389-го гаубичного артполка отсутствует, приказа о его расформировании не обнаружено. Списки политсостава 194-й стрелковой

1 Память народа: Объединенная база данных. Москва. URL <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения 10.10.2021).

2 Перечень № 5 стрелковых, горнострелковых, мотострелковых и моторизованных дивизий, входивших в состав Действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Приложение к директиве Генерального штаба 1956 г. № 168780. М.: [Б. и.], 1956. С. 87.

дивизии были уничтожены в начале 1942 г. по приказу политуправления 49-й армии¹. Были обнаружены документы вышестоящих частей и соединений — 194-й стрелковой (горнострелковой) дивизии, 49-й армии, Западного и Резервного фронтов, а также документы других полков 194-й стрелковой (горнострелковой) дивизии. По состоянию на 26 сентября 1941 г. 389-й гаубичный артполк находился в составе 194-й стрелковой дивизии 49-й армии Резервного фронта², а по состоянию на 19 октября 1941 г., после доукомплектования данной дивизии, уже не упоминался в ее составе³.

В Российском государственном военном архиве (далее — РГВА) имеется фонд 389-го гаубичного артполка, в который входят приказы за 1940 г., протоколы партийных и комсомольских собраний за 1940 г. и начало 1941 г., донесения военкомов за 1940 г. Списков личного состава полка не обнаружено.

В результате архивного поиска был проведен анализ социально-демографических сведений о воинах 389-го гаубичного артполка, источниками которых стали документы ОБД «Память народа» и «Мемориал», документы вышестоящих частей в ЦАМО, фонда 389-го гаубичного артполка в РГВА, а также сведения от родственников и из личного архива автора (см. более подробно о методике поиска⁴). По состоянию на 11 октября 2021 г. обнаружены данные о 719 персоналиях, что составляет более 50% штатной численности полка. Эти данные обобщены в виде персональных учетных карточек на сайте 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения г. Москвы, 157 из них сопровождаются фотографиями⁵.

По месту рождения бойцов данные распределяются следующим образом: 64% воинов полка составили уроженцы РСФСР — в основном Алтайский край, Архангельская, Вологодская, Воронежская области, Москва и Московская область, Новосибирская (ныне — Новосибир-

1 Акты на уничтожение переписки и описи на передачу личных дел частей и соединений отделения кадров Политотдела 49-й Армии // ЦАМО. Ф. 404. Оп. 9733. Д. 189. Л. 3; 8–9.

2 194-я стрелковая дивизия. Исторический формуляр // ЦАМО. Ф. 1451 Оп. 1. Д. 1. Л. 25а; Приказ частям 194 сд от 26.09.1941 // ЦАМО. Ф. 1451. Оп. 2. Д. 8. Л. 20.

3 Приказ частям 194 сд от 19.10.1941 // ЦАМО Ф. 404. Оп. 9711. Д. 3. Л. 95.

4 Брунова Е. Г. 389-й гаубичный артиллерийский полк в начале Великой Отечественной войны: реконструкция боевого пути на основе социально-демографических данных и документов вышестоящих частей // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 111–122.

5 389-й гаубичный артиллерийский полк // 13-я Ростокинская дивизия народного ополчения г. Москвы [сайт]. Москва, 2021. URL <http://13dno.ru/main/389gap.php> (дата обращения 10.10.2021).

ская и Томская), Омская (ныне — Омская и Тюменская) и Чкаловская (ныне — Оренбургская) области. На втором месте — уроженцы Казахской ССР (15%), на третьем — Украинской ССР (10%), на четвертом — Узбекской ССР (5%). В составе полка были красноармейцы, призванные в 1940 г. из только что присоединенных к СССР областей Западной Украины.

Основная трудность установления судьбы воинов 389-го гаубичного артполка заключается в том, что многие из них учтены в составе других полков, дивизий и партизанских отрядов, в которые они входили после октября 1941 г. Кроме того, по ряду персоналий имеется недостаточно социально-демографических данных, чтобы можно было проследить судьбу воина. Например, в сведениях, извлеченных из протоколов партийных и комсомольских собраний, указана только фамилия и партийная принадлежность, очень редко — воинское звание и должность. Таких персоналий в списке личного состава — 270 человек (37,5%), их пришлось исключить из дальнейшего анализа. В то же время по некоторым воинам, фамилии которых были первоначально извлечены из довоенных источников, удалось восстановить недостающую информацию, и такая работа продолжается.

Вторая категория, влияющая на результаты анализа, задачей которого является восстановление событий октября 1941 г., — это воины, которые погибли в бою или выбыли по иным причинам (ВМН, осуждены и т. п.) в составе других частей после 1 ноября 1941 г., что означает, что по состоянию на эту дату они были живы и в строю.

С учетом этих двух поправок были получены следующие результаты по состоянию на 1 ноября 1941 г.:

1. Самая многочисленная группа, около 40% из установленных персоналий 389-го гаубичного артполка (184 человека), значатся пропавшими без вести. Месяц пропажи без вести в большинстве случаев указан как октябрь, ноябрь или декабрь 1941 г.

2. Чуть меньшая группа — 34% (152 человека) были живы на 1 ноября 1941 г. Некоторые из них прошли всю войну в составе других частей и партизанских отрядов, другие погибли или выбыли по иным причинам после ноября 1941 г.

3. На третьем месте — воины, попавшие в плен — 25% (112 человек). Из них четыре человека погибли в плену, судьба пятерых неизвестна, остальные были освобождены. Место пленения, указанное при фильтрации после освобождения, в подавляющем большинстве документов — в районе Вязьмы. Даты пленения находятся в диапазоне с 4 октября по 11 ноября 1941 г.

4. Среди обнаруженных персоналий отсутствуют раненые, погибшие в бою, умершие от ран или болезни и выбывшие по иным причинам ранее 1 ноября 1941 г. При изучении фондов вышестоящих частей — 194-й стрелковой дивизии и 49-й армии — было обнаружено, что безвозвратные потери данной дивизии за период с июля по октябрь 1941 г. не зафиксированы. Например, списки потерь командного начальствующего состава 194-й стрелковой дивизии начинаются с октября 1941 г., причём в деле указано, что октябрь отражен лишь частично¹. Следовательно, безвозвратные потери дивизии за июль — октябрь 1941 г. не были своевременно зафиксированы в полном объёме, а восстанавливались позднее, как правило, по послевоенным донесениям. Можно предположить, что некоторые сведения о безвозвратных потерях дивизии в указанный период не были восстановлены вовсе. По всей вероятности, воины, погибшие и умершие от ран за этот период, не были учтены ни советской, ни немецкой стороной.

389-й гаубичный артполк был сформирован в мае 1940 г. в составе 194-й стрелковой дивизии в Среднеазиатском военном округе первоначально в составе двух дивизионов². Место дислокации на момент формирования — Сталинские лагеря в районе г. Чирчик Ташкентской области Узбекской ССР. В июле 1940 г. из 299-го артиллерийского полка той же дивизии в новый полк был передан третий дивизион со всем личным составом и материальной частью³. Первым командиром полка был майор Матвей Зеликович Слепаков⁴. В октябре 1940 г. командиром полка был назначен капитан Ефим Наумович Брехес, а начальником штаба — капитан Иван Петрович Меднис⁵. Полк состоял из девяти батарей в составе трех дивизионов. Первый и второй дивизионы были укомплектованы орудиями 122 мм 1930 г. выпуска, а третий дивизион — гаубицами 152 мм 1938 г. выпуска.

В первые дни Великой Отечественной войны 194-я горнострелковая дивизия перешла на штаты военного времени. Приняв мобилизованных военнообязанных из военкоматов Ташкентской области и добровольцев, в начале июля 1941 г. дивизия отбыла в действующую армию по железной дороге. В Можайске дивизия получила

1 Списки потерь комначсостава 194-й стрелковой дивизии (частично октябрь 1941 г. июль 1942 г.) // ЦАМО. Ф. 1451. Оп. 2. Д. 5.

2 Протоколы партийных собраний 389 гап // РГВА. Ф. 36491. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–7.

3 Краткий боевой путь 299-го артиллерийского полка // ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2410. Д. 45. Л. 190а.

4 Книга приказов по 389 гап 08.05.40–6.06.40 // РГВА. Ф. 36491, Оп. 1. Д. 9. Л. 1–2.

5 194-я стрелковая дивизия. Исторический формуляр // ЦАМО. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 1. Л. 84.

пополнение из Москвы и Московской области, затем на автомашинах и по железной дороге проследовала в район, расположенный в 40–50 километрах северо-западнее Вязмы и заняла полосу обороны по восточному берегу р. Днепр по линии Холм-Гутарово (иск.), Ларино, Ащурково, Кузьмино, Сумароково, Аксентьево, Михалево. 4-я батарея 389-го гаубичного артполка располагалась в полосе обороны 616-го горнострелкового полка: Холм-Гутарово (иск.), Ларино (иск.), Сумароково, Михалево. Другие батареи полка находились в полосе обороны 470-го горнострелкового полка: Сумароково (иск.), Ручкова, Карачево, Шалое, Спорное¹.

В течение августа — сентября 1941 г. по восточному берегу Днепра были возведены сплошные траншеи полного профиля, блиндажи, командные и наблюдательные пункты, оборудованы основные и запасные артиллерийские огневые позиции, проволочные и минно-взрывные заграждения. Располагаясь во втором эшелоне обороны, вплоть до конца сентября 1941 г. дивизия не принимала участия в боевых действиях². Сама дивизия в этот период подверглась существенным организационно-структурным преобразованиям: в августе 1941 г. она была возвращена на штаты стрелковой дивизии, а в конце сентября преобразована в сокращенную стрелковую дивизию³; сменились командир и начальник штаба дивизии; из шести полков дивизии один был переведен в другую дивизию, один расформирован, а в трех полках, включая 389-й гаубичный артполк, сменились командиры. Капитан Е. Н. Брехес отбыл на учебу в Москву, а командиром полка был назначен начальник штаба капитан И. П. Меднис⁴.

В ночь с 30 сентября на 1 октября 1941 г. в связи с резким ухудшением обстановки на Юго-Западном и Брянском фронтах командование 49-й армии получило Директиву Ставки Верховного Главнокомандования № 002488, предписывающую переброску данной армии по железной дороге для прикрытия орловского, курского и харьковского направлений. 194-я стрелковая дивизия должна была выдвинуться маршем в район ст. Семлево, приступить к погрузке в эшелоны 2 октября 1941 г., проследовать по железной дороге и за-

1 Боевой приказ штаба 194 гсд № ОП-08 от 06.08.1941 // ЦАМО. Ф. 404. Оп. 9711. Д. 3. Л. 8.

2 Шилов К. К. Речицкая Краснознаменная: Боевой путь 194-й стрелковой Речицкой Краснознаменной дивизии. Москва: Воениздат, 1984. С. 8–9.

3 194 сд. Исторический формуляр // ЦАМО. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

4 Там же. Л. 84–84а. См. также Приказ частям 194 сд от 26.09.1941 // ЦАМО. Ф. 1451. Оп. 2. Д. 8. Л. 20. Согласно данному приказу в состав 194 сд по состоянию на 26 сентября 1941 г. входил и 389 гап, что противоречит данным из Перечня № 5, упомянутым выше.

нять оборону на подступах к Харькову. Рубеж обороны по восточному берегу Днепра предписывалось передать 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения г. Москвы, которая накануне приказа о передислокации была преобразована в 140-ю стрелковую дивизию второго формирования¹. Пока 194-я стрелковая дивизия готовилась к погрузке в эшелоны, началось масштабное наступление немецких войск на Москву — операция «Тайфун». Обстановка на Брянском фронте резко ухудшилась, и была получена новая Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 2703, в соответствии с которой 3 октября 1941 г. командование 49-й армии приказало 194-й стрелковой дивизии сосредоточиться в районе Карачева². К этой дате резко осложнилась обстановка уже на Западном и Резервном фронтах, эшелоны со 194-й стрелковой дивизией подверглись бомбардировке, а сама дивизия оказалась раздроблена на три части (две из которых вскоре соединились) вдоль железной дороги к юго-востоку от ст. Семлево. Один отряд дивизии занял оборону в районе Сухиничей, другой, вместе с командованием 49-й армии, — в районе Калуги³.

Согласно оперативным сводкам штаба Резервного фронта, в период с 1 по 4 октября 1941 г. 140-я стрелковая дивизия принимала рубеж обороны от 194-й стрелковой дивизии и 905-го стрелкового полка 248-й стрелковой дивизии; в 18:00 4 октября 1941 г. 389-й гаубичный артполк выдвинулся на погрузку в Семлево⁴, однако уже через 12 часов, в 6:00 5 октября 1941 г. сообщалось, что «...194 сд убыла полностью 26 эшелонов»⁵. В то же время не удалось обнаружить никаких документов, подтверждающих передачу 140-й стрелковой дивизии оборонительного рубежа от частей 49-й армии. Так, в Журнале боевых действий 616-го стрелкового полка 194-й стрелковой дивизии имеется запись от 1 октября 1941 г.: «Дер[евня] Михалево. Боевых действий с противником нет. По данным разведки противник на уч[аст]ке Жуково — Кровопусково готовит наступление»⁶. Следующая запись от 3 октября 1941 г. гласит: «Ст. Семлево. Полк получил

1 Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 2488 от 1 октября 1941 г. 01.30 // ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 2. Л. 393–396.

2 Боевой приказ № 2 Штаб 49 от 03.10.1941 // ЦАМО. Ф. 404 Оп. 9711. Д. 2. Л. 29.

3 Хаблов В. С. Дивизии — «сестры» Великой Отечественной // Память ушедшего века: Сборник, посвященный началу Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии (1941–1945 гг.): Сб. статей в двух выпусках. Выпуск II. 1-е изд. Москва: ВНО КЦ ВС РФ им. М. В. Фрунзе, 2001. С. 5.

4 Оперативные сводки штаба Резервного фронта // ЦАМО. Ф. 219, Оп. 679, Д. 30. Л. 170–200.

5 Там же. Л. 205.

6 Журнал боевых действий 616 сп. ЦАМО. Ф. 7268. Оп. 0555725с. Д. 18. Л. 4.

задание следовать для погрузки на ст[анцию] Семлево. Совершили марш Михалево — Семлево (35 км). Боевой приказ № 07 Штаполк 2.10.41»¹.

Документы 140-й стрелковой дивизии (II) практически не сохранились, поскольку дивизия погибла в окружении. Однако потомками московских ополченцев собран и опубликован большой массив воспоминаний², ведется работа по восстановлению списков личного состава³ и реконструкции боевого пути дивизии⁴. Нигде в этих источниках не упоминается о контактах со 194-й стрелковой дивизией. В соответствии с боевым приказом 140-я стрелковая дивизия (II) должна была в ночь с 29 на 30 сентября 1941 г. выйти форсированным маршем на восточный берег р. Днепр в район устья р. Вязьма и обеспечивать взаимодействие с правофланговой 30-й армией. По воспоминаниям военного комиссара дивизии П. Г. Тарасова, утром 1 октября 1941 г. передовой отряд 140-й стрелковой дивизии вышел к восточному берегу Днепра в районе устья р. Вязьма и не обнаружил там советских войск. Разведгруппа, посланная в тот же день на поиски штаба 30-й армии, натолкнулась на немецкие танки и была обстреляна из пулеметов⁵. Маловероятно, что данная разведгруппа натолкнулась на немецкие танки 1 октября 1941 г. Скорее всего, описываемые события произошли позже — 3–4 октября 1941 г. В любом случае, П. Г. Тарасов также не упоминает ни о какой передаче оборонительных позиций со стороны 194-й или 248-й стрелковых дивизий.

Как справедливо отмечают И. Г. Михайлов⁶ и Ю. Т. Юшинский⁷, войска 49-й армии, выполняя приказ Ставки, фактически оставили рубеж обороны по восточному берегу Днепра, при этом 194-я стрел-

1 Журнал боевых действий 616 сп. ЦАМО. Ф. 7268. Оп. 0555725с. Д. 18. Л. 4.

2 Ростокинская дивизия. Воспоминания, письма, биографии / Сообщество родственников ополченцев 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения г. Москвы: сост. Г. В. Никулина, Л. Пименова, А. Г. Попов, Ю. Т. Юшинский. М.: [Б. и.], 2019. 768 с.

3 13-я Ростокинская дивизия народного ополчения г. Москвы [сайт]. Москва, 2021. URL <http://13dno.ru> (дата обращения 10.10.2021).

4 Юшинский Ю. Т. 13-я Ростокинская дивизия народного ополчения в Вяземской оборонительной операции. Хронология боевых действий. М.: ИД Академии Жуковского, 2019. 140 с.

5 Тарасов П. Г. 99 дней жизни 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения гор. Москвы. Формирование, обучение, боевые действия, гибель дивизии. Воспоминания военного комиссара дивизии. М.: ООО «САМ полиграфист», 2017. С. 32.

6 Михайлов И. Г. Рожденная и погибшая под Вязьмой: боевой путь 248-й стрелковой дивизии первого формирования. Вязьма: [Б. и.], 2010. С. 37

7 Юшинский Ю. Т. 13-я Ростокинская дивизия народного ополчения в Вяземской оборонительной операции. С. 21

ковая дивизия отбыла на новый рубеж обороны, а 248-я стрелковая дивизия вечером 3 октября 1941 г. получила приказ вернуться с погрузки, но подготовленные и укрепленные рубежи были уже захвачены противником раньше, чем туда пришла смена — московские ополченцы. Возможно, 389-й гаубичный артполк также был возвращен с погрузки для поддержки 140-й стрелковой дивизии, однако документальных подтверждений этому обнаружить не удалось. В любом случае, имеет место несогласованность действий советских войск на уровне дивизий и армий и нарушение связи с вышестоящими частями.

Последнее письменное упоминание о 389-м гаубичном артполке в советских документах касается его третьего дивизиона, который участвовал в попытке прорыва группы советских войск из окружения в районе деревни Богородицкое. Это воспоминание генерала В. Р. Вашкевича, командира 2-й стрелковой дивизии¹, и его отметки на боевом приказе от 11 октября 1941 г., где перечисляются артиллерийские резервы².

Прорваться из Вяземского котла удалось немногим. В Журнале боевых действий 106-й пехотной дивизии вермахта приводятся данные по военнопленным, захваченным при зачистке в районе Вязьмы: «13 октября 1941 г. 106 пд захвачено 6160 пленных из следующих дивизий: 194-я, 2-я, 13-я, 18-я, 38-я, 112-я, 134-я, 214-я, 101-я танковая»³. Необходимо отметить, что на эту дату немецким войскам было известно местонахождение 194-й стрелковой дивизии — в районе Калуги, а также ее состав (299-й артполк, 405-й, 470-й и 616-й стрелковые полки), т. е. было известно, что 389-й гаубичный артполк в состав данной дивизии уже не входит. Это следует из отчета разведывательного отдела XII армейского корпуса вермахта, который наступал севернее Калуги в первые две недели октября 1941 г⁴.

Сам 389-й гаубичный артполк упоминается в пометках на карте 8-й пехотной дивизии вермахта из приложения к отчету о боевых действиях — в перечне полков группировки советских войск, окруженных под Вязьмой, при этом в перечне дивизий нет 194-й стрелковой дивизии, а в перечне полков нет других полков 194-й стрелковой дивизии⁵. Полк также упоминается в донесении от 17 октября 1941 г.

1 Лопуховский Л. Н. 1941. Вяземская катастрофа. Страшнейшая трагедия войны. М.: Яуза-Каталог, 2019. С. 474–475.

2 Там же. С. 632.

3 106 Inf. Div. Ia. Kriegstagebuch // NARA. T315. Roll 1246. Starting frame 29.

4 A.K. XII. 1C // NARA. T314. Roll 502. Starting frame 1152.

5 8 Inf. Div. Ia. Kriegstagebuch // NARA. T315. Roll 460. Starting frame 001058.

9-го армейского корпуса вермахта, наступавшего южнее Минского шоссе, наряду с 55-м, 120-м и 740-м гаубичными артполками и 396-м корпусным артполком¹.

По всей вероятности, военнопленные, захваченные в районе Вязьмы и обозначенные в немецких документах как воины 194-й стрелковой дивизии, были в основном воинами 389-го гаубичного артполка. Это подтверждается также данными из немецкой картотеки советских военнопленных и фильтрационных документов освобожденных военнопленных из 389-го гаубичного артполка: место пленения — район Вязьмы, даты пленения — с 4 октября по 11 ноября (в основном 10–15 октября) 1941 г. Например, начальник санчасти полка, военврач 3-го ранга А. С. Вятских попал в плен 15 октября 1941 г. в районе Вязьмы и при освобождении указал последнее место службы — 389-й гаубичный артполк 194-й стрелковой дивизии². В то же время некоторые освобожденные из плена воины 389-го гаубичного артполка указали принадлежность полка как 140-я стрелковая дивизия или 13-я дивизия народного ополчения. Например, начальник финчасти полка техник-интендант 1-го ранга С. Н. Фемистоклов попал в плен 14 октября 1941 г. в районе Вязьмы, последнее место службы — 389-й гаубичный артполк 140-й стрелковой дивизии 32-й армии³. После войны С. Н. Фемистоклов вернулся к семье в Узбекскую ССР. Его дочь вспоминает: «Я помню, что папа упоминал Вязьму и Богородицкое. Их должны были переодеть. Они не успели даже толком одеться, не успели разобрать оружие, как налетели немецкие самолеты и на бреющем полете стали их расстреливать. Они бежали по свекольному полю в лес. Много полегло бойцов. Из леса пытались прорваться на грузовиках, но высота была немцами пристреляна. Когда грузовики вернулись, в кузове было кровавое месиво. Погибло очень много. Оставшиеся стали пробираться небольшими группами. Папа рассказывал, что они прятались в стогу в какой-то деревне, но хозяин из страха их выдал. Так он попал в плен...»⁴

Командир 389-го гаубичного артполка капитан И. П. Меднис попал в плен 13 октября 1941 г. в районе Вязьмы, был освобожден в 1945 г. и уволен в запас, затем отбыл в Омскую область по месту проживания семьи, дальнейшая судьба неизвестна. Начальник штаба полка

1 А.К. IX. 1с // NARA. T314. Roll 408. Starting frame 441.

2 46-я армия. Донесение об освобожденных из плена № 67450. 22.05.1945 // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 1395. Л. 5.

3 Управление 20 сп. Донесение об освобожденных из плена № 119266. 03.08.1945 // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 1503. Л. 145.

4 Личный архив Е. Г. Бруновой.

капитан И. П. Шелаев значился пропавшим без вести в августе 1942 г. в составе 46-й мотострелковой бригады, однако данный приказ был отменен в 1948 г. с формулировкой «осужден к 10 г. ИТЛ». Военный комиссар полка батальонный комиссар С. Д. Рябухин 30 сентября 1941 г. был переведен на должность военного комиссара артиллерийского отдела полевого управления 49-й армии и пропал без вести в октябре 1941 г. Фамилия военного комиссара полка, назначенного после 30 сентября 1941 г., не установлена. Командир первого дивизиона капитан Г. М. Салуянов воевал в составе партизанских отрядов в Смоленской области, затем в других частях Красной армии, закончил войну в звании гвардии полковника, награжден орденами и медалями. Командир второго дивизиона капитан Б. Н. Герасин погиб 19 февраля 1943 г., будучи начальником артиллерии 11-й отдельной мотострелковой бригады. Командир третьего дивизиона капитан Е. Ф. Баранчиков, начальник транспортной службы полка старший лейтенант Л. В. Кравец, оперуполномоченный Особого Отдела НКВД младший лейтенант госбезопасности Е. В. Шилов и др. пропали без вести в октябре 1941 г. Начальник продовольственного снабжения полка лейтенант Т. А. Зиневич, командир огневого взвода лейтенант А. И. Кузьмин, помощник оперуполномоченного Особого Отдела НКВД младший лейтенант М. Г. Чернов и др. попали в плен осенью 1941 г. в районе Вязьмы, освобождены, в основном в 1945 г. Начальник обозно-вещевого снабжения полка Г. К. Еделькин попал в плен 14 октября 1941 г. в районе Вязьмы и погиб в плену 1 декабря 1942 г.

Некоторые выводы:

1. Многие обнаруженные данные носят косвенный характер и нуждаются в дополнительном исследовании.

2. Результаты социально-демографического анализа, а также отсутствие фонда 389-го гаубичного артполка в ЦАМО и отсутствие данных о безвозвратных потерях полка в документах вышестоящих частей позволяют предположить, что в первых числах октября 1941 г. полк не отбыл вместе со 194-й стрелковой дивизией, а остался на днепровских рубежах, сражался вместе со 140-й стрелковой дивизией второго формирования и погиб в Вяземском котле в первой половине октября 1941 г.

3. По состоянию на 11 октября 1941 г. третий дивизион 389-го гаубичного артполка принимал участие в попытке прорыва из Вяземского котла в районе дер. Богородицкое.

4. Воины 389-го гаубичного артполка, считающиеся пропавшими без вести, по всей вероятности, погибли в боях в Вяземском котле в период с 7 по 14 октября 1941 г.

5. Документы полка были намеренно уничтожены или случайно утрачены в окружении.

6. Судьба 389-го гаубичного артполка отражает некоторые ключевые факторы Вяземской оборонительной операции — несогласованность действий советских войск на уровне дивизий и армий, недостаточное владение оперативной обстановкой на уровне армий и Резервного фронта в целом.

Е. В. Видная

Историческая память в выставочной работе Сергиево-Посадского музея-заповедника (из опыта создания краеведческой выставки «По зову сердца на защиту родной Москвы!»)

Аннотация: Статья знакомит с опытом создания краеведческой выставки «По зову сердца на защиту родной Москвы!», посвященной 80-летию народного ополчения и битвы за Москву, раскрывая основные направления поисково-исследовательской деятельности и отражая основные приемы, формы и методы работы сотрудников Сергиево-Посадского музея-заповедника. Особое значение уделяется антропологическому фактору, что дает возможность через судьбы загорских ополченцев проследить роль дивизий народного ополчения в битве за Москву. Статья в большей степени посвящена проблеме взаимовлияния и взаимодействия музея и исторической памяти. Автор считает ключевой проблему сохранения объективной исторической памяти в деле осмысления событий начального периода Великой Отечественной войны, что, несомненно, является одной из самых сложных задач современного музейного пространства.

80 лет отделяют нас от трагических и героических событий начала Великой Отечественной войны, когда решалась судьба не только Москвы, но и всего советского государства. Таким событием стал Вяземский котел, о котором в хрониках старались сообщить коротко и сдержанно, замалчивая огромные потери, гибель армий, ошибки командиров. Только в постсоветское время о трагедии под Вязьмой стали говорить открыто. Вместе с переосмыслением событий 80-летней давности встал вопрос о сохранении объективной исторической памяти.

В последнее время данная проблема стала предметом не только пристального внимания ученого мира, но и музейного сообщества. Тема Великой Отечественной войны приобрела новые формы воплощения в музейном пространстве. Современный музей выступает и в качестве места памяти, и в роли важнейшего института, который осуществляет целенаправленное воздействие на человека. Опираясь

на историческую память, музей воссоздает реалии, вовлекая человека в мир ожившей истории, вызывая высокие чувства сопричастности к значимым событиям прошедшего времени. Историческая память и музей оказывают друг на друга сильное взаимовлияние и взаимодействие. Знание, традиции, ценности, символы, образы, составляющие основу исторической памяти, в то же время являются элементами музейной деятельности. Такое взаимодействие способствует сохранению, актуализации и трансляции исторической памяти из поколения в поколение и отражает в музейной среде события и явления, которые оставили глубокий след в душе человека. Это в большей степени относится к музеям, посвященным истории Великой Отечественной войны. Им принадлежит особая роль в деле осмысления прошлого и формирования нового мышления, что, несомненно, является одной из самых сложных задач современного музейного пространства. Вот почему события 80-летней давности нуждаются в обстоятельном музейном осознании, обсуждении и популяризации.

Долгие годы тема Великой Отечественной войны для сотрудников научно-фондового отдела «История и культура Сергиево-Посадского края XX века» Сергиево-Посадского музея-заповедника является одной из главных. За четверть века было создано большое количество разнообразных краеведческих выставок, посвященных войне и победе, что способствовало подготовке постоянно действующей выставки «В годы войны (о вкладе загорчан в Победу)», расположенной в Краеведческом корпусе музея. Много значимых событий Великой Отечественной войны было изучено, но тема Загорского ополчения в выставочной работе отдела не получила должного развития. Первой, кто заинтересовался судьбой ополченцев, стала молодая журналистка О. В. Ромашова, прадед которой, В. А. Ильинский, погиб в составе 9-й дивизии народного ополчения под Вязьмой. Ольга скрупулезно стала изучать историю дивизии. У нее были единомышленники в Москве — потомки погибших московских ополченцев. Все чаще мы стали слышать об их достижениях в поисковой работе. Позже состоялось знакомство с членом правления региональной общественной организации содействия сохранения памяти воинов 2-ой стрелковой дивизии Народного Ополчения Сталинского района Москвы Л. Е. Муждабаевой. Работая в архивах, в военкоматах, с поисковиками, с музейными сотрудниками потомки ополченцев собрали богатый фактический материал, в том числе и о наших земляках. Тогда и родилась идея создать юбилейную выставку в год 80-летия народного ополчения и битвы за Москву и посвятить ее загорским

ополченцам. Безусловно, задачи, которые определили для себя создатели выставки, значительно отличались от задач, которые решали потомки ополченцев, но цель была одна — возрождение и сохранение исторической памяти. Уже тогда стало понятно, что выставка должна состоять из двух частей. Первая часть должна была знакомить посетителей с историей Загорского ополчения, вторую часть было решено посвятить возрождению и сохранению объективной исторической памяти.

Было принято решение разместить экспозицию в небольшом выставочном зале первого этажа Краеведческого корпуса и в примыкающем к залу помещении. Началась большая подготовительная работа. Нужно было в первую очередь подобрать интересный и разноплановый зрительный ряд, продумать художественное оформление выставки, которое бы эмоционально воздействовало на посетителя. Посещения музейных экспозиций и выставок в Москве и в Вязьме, позволили познакомиться с темой Московского народного ополчения. Стало ясно, что на выставке большую роль будут играть предметы военной археологии. Именно они создадут особый эмоциональный настрой для восприятия представленных документов, писем и фотографий ополченцев. За помощью мы обратились к поисковым отрядам Сергиева Посада, которые предоставили каски, осколки бомб, элементы винтовки, гильзы — все то, что находят на месте гибели красноармейцев, а также личные вещи немецких солдат. Некоторые экспонаты мы обнаружили и отобрали из коллекции Сергиево-Посадского музея-заповедника, среди них личные вещи загорчан-ополченцев, фотографии, графические работы художников-фронтовиков. Много значимых документов было обнаружено в общественном банке данных защитников Отечества, погибших, умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны «Мемориал», размещенного на официальном сайте Министерства обороны Российской Федерации, среди них немецкие личные карточки военнопленных, анкеты, списки и фотографии загорских ополченцев.

Безусловно, при создании выставки антропологический фактор стал ключевым. Для того, чтобы увидеть историческое явление «объективно», необходимо было показать судьбы рядовых людей, ополченцев, тем самым отразить события начального периода битвы за Москву изнутри, показав трагедию Вяземского котла глазами очевидцев. Историческим фоном выставки послужили материалы, посвященные событиям первых месяцев Великой Отечественной войны (формирование Московского народного ополчения, начальный период битвы за Москву, Вяземская оборонительная операция, Вязем-

ский котел). С помощью картосхем на выставке посетитель подробно знакомится с историей трех дивизий народного ополчения, в которых воевали загорчане: 2-я Сталинского, 9-я Кировского и 7-я Бауманского районов Москвы. Судьбы этих дивизий крайне коротки и трагичны. Участвуя в Вяземской оборонительной операции в составе 24-й, 32-й и 33-й армий Резервного фронта, в октябре 1941 года они понесли колоссальные потери и были расформированы. Центром же исследования стали загорские ополченцы, добровольцы и мобилизованные Загорским военкоматом, их судьбы, их отношение к происходящим событиям. Началась активная поисковая работа, в процессе которой мы столкнулись с рядом трудностей. Прошло 80 лет, не осталось очевидцев событий, только малочисленные потомки ополченцев были готовы поделиться своими воспоминаниями и предметами из семейного архива. Полученные сведения носили разрозненный характер, их надо было собрать, систематизировать и выработать общую концепцию будущей выставки. Благодаря проведенной работе была сформирована основная цель выставки: через судьбы загорских ополченцев, отраженные в документах и фотоматериалах, дополненных личными вещами, проследить роль дивизий народного ополчения в битве за Москву и пробудить, в первую очередь у подрастающего поколения, чувство гордости за героизм и мужество, проявленные нашими земляками в начале войны, что, несомненно, должно способствовать сохранению объективной исторической памяти.

На выставке отражены лишь некоторые судьбы ополченцев, чудом дошедшие до нас. Например, посетители могут познакомиться с судьбой резчика по дереву из деревни Кудрино С. В. Ворноскова, изделия которого стали украшением коллекции Сергиево-Посадского музея-заповедника. Рассматривая его фотографии, документы, письма, удивляешься, как человек, переживший окружение, четыре года плена и хозяйственных работ в Германии, ежедневно видевший смерть и голод, создавал прекрасные резные шкатулки и панно. Поражает судьба другого нашего земляка — многодетного колхозника из деревни Березняки И. С. Монахова, попавшего в Вяземский котел, но бежавшего из плена. Возвратившись в родной дом, он пошел в военкомат, чтобы не считали его дезертиром, попал в действующую армию и погиб в боях за Ленинград в декабре 1942 года. Братья Соленовы из деревни Сурупцево, служили в 9-й дивизии, но встретились только на фронте, чтобы навсегда расстаться: один из них попал в плен и чудом остался жив, а другой пропал без вести. Среди личных вещей студента 2 курса Бауманского института Б. Гадалова, которые в музей передала его сестра, Н. И. Гадалова, есть письмо. В нем Борис сообщает,

что служит в ополчении. В результате проведенной поисковой работы было установлено, что Борис Гадалов воевал в 7-й дивизии народного ополчения, вместе с другими студентами-бауманцами. Первый председатель Сергиевского горисполкома О. Г. Ванханен перед войной жил в Москве, на тот момент ему было 53 года. Узнав о формировании 2-й дивизии, Оскар Генрихович записался добровольцем, ушел защищать родную Москву и погиб, как многие другие ополченцы, в октябре 1941 года под Вязьмой. Но особым открытием для нас стали письма ополченца 2-й дивизии Владимира Александровича Пятикрестовского, учителя математики, завуча школы №13 г. Серпухова. В них он подробно сообщает по дням обстановку и события с начала формирования Серпуховского батальона и прибытия его в Москву до тяжелых боев под Вязьмой с точки зрения ополченца и рядового красноармейца. Писем 16, первое написано 7 июля — в день отъезда из Серпухова в Москву, а последнее датировано 30 августа и написано в ожидании боя, возможно, «последнего». Для исследователей они представляют особый интерес, из них мы узнаем подробности короткого боевого пути 2-й дивизии народного ополчения. После войны жена Пятикрестовского с дочкой перебрались в Загорск, так письма оказались в руках краеведов города.

Во время работы над выставкой было принято решение — один из разделов посвятить местным истребительным батальонам, рассматривая их как новое явление в истории всенародных войн и как базу для формирования вторых, «осенних», дивизий народного ополчения в середине октября 1941 года. Акцент был сделан на роли батальонов в прифронтовой зоне, к которой относился Загорск осенью 1941 года. Истребительные батальоны создавались для охраны дорог и населенных пунктов, а также для борьбы с провокаторами, паникерами и дезертирами. На выставке из коллекции Сергиево-Посадского музея-заповедника представлен фотоальбом Загорского истребительного батальона 1942 года, выполненный местным художником В. В. Рассказовым.

Через все разделы выставки проходит красной линией тема сохранения исторической памяти, психологически и эмоционально цепляя посетителя и вызывая чувство сострадания и участия к судьбам ополченцев, бесславно пропавших в лесах Вязьмы, к судьбам военнопленных, погибших в лагерях и госпиталях тысячами. В погружении посетителя в обстановку катастрофы Вяземского котла важную роль играет не только зрительный ряд, но и художественное оформление зала, для этого были использованы на первый взгляд совершенно несовместимые между собой материалы: ткани, ленты,

колючая проволока и маскировочная сетка. В этом случае очень важно, когда один музейный элемент дополняет другой, при этом каждый из них несет свою смысловую нагрузку. На выставке бордовый цвет ткани символизирует торжество идей защиты Отечества. Таковую торжественность приглушает маскировочная сетка как символ военного времени, что хорошо сочетается с предметами военной археологии, размещенными «как бы» на месте боя. Рядом лежит поверженный немецкий флаг, над ним картосхема Вяземской оборонительной операции. Помещение, примыкающее к залу, оформлено драпировками из зеленой и красной ткани с лентами, что ассоциируется у посетителей с развевающимся красным знаменем. Такое украшение входной зоны в сочетании с муляжами противотанковых ежей, с плакатами, с фотографиями и с большим баннером памятника всем ополченцам Москвы придает с одной стороны особую торжественность, а с другой стороны — суровость военного времени. Художественное оформление выставки дополнено живописными работами художников-фронтовиков, что создает особый настрой для восприятия главного акцента выставки, места всенародной скорби и памяти. В вертикальной витрине помещена капсула с землей самого первого братского захоронения мемориала Богородицкое поле и репродукция иконы «Одигитрия Вяземская ратная», написанная по благословию схиигумена Михаила (Балаева), насельника Троице-Сергиевой лавры, участника боев за освобождение Вязьмы в марте 1943 года. На ней воины Красной армии изображены как мученики.

В помещении, примыкающем к залу, размещены материалы о тех людях, которые сохраняют историческую память для будущих поколений. Благодаря их деятельности, непопулярная тема «Ополчение» стала популярной, появились в Москве и на Вяземской земле памятники, были сняты фильмы, написаны книги, созданы сайты. Их много, и каждый занимается «своим», преумножая общее дело.

Это и региональная общественная организация содействия сохранения памяти воинов 2-ой стрелковой дивизии Народного Ополчения Сталинского района Москвы, которая объединила потомков ополченцев. Организация проводит большую поисковую работу, снимает документальные фильмы, издает книги, создает выставки, проводит круглые столы и лекции.

Это и Смоленская областная общественная организация «Поисковое объединение «Долг», объединяющая 72 отряда. Ежегодно центр «Долг» организует и проводит от 15 до 25 вахт памяти и поисковых экспедиций.

Это и музейный комплекс «Богородицкое поле», который занимается перезахоронением погибших солдат, ведет большую поисковую и исследовательскую работу.

Это и наша землячка О. Ромашова, которая с 2011 года активно занимается сбором информации о 9-й дивизии народного ополчения. Ольга работает в архивах и военкоматах, ведет сайт, пишет стихи, издает книги.

На выставке можно увидеть портреты тех, кто активно занимается сохранением исторической памяти, а также результаты их нелегкого, но такого нужного всем нам труда: фотографии памятных мест и поисковых экспедиций, книги и стихи. Но самое главное, на выставке звучит «Да исправится молитва моя» П. Г. Чеснокова в исполнении Дм. Хворостовского, а на большом экране телевизора нескончаемой лентой идут восстановленные общими усилиями списки загорских ополченцев.

Выставка «По зову сердца на защиту родной Москвы!» — это начало большого поискового пути. Любой посетитель может на ней оставить воспоминания о «своем» ополченце. Очень надеемся, что каждый, кто придет на выставку, поймет главное, для чего она создавалась — мы, потомки загорских ополченцев, должны гордиться своими предками, вставшими осенью 1941 года в составе ополчения на защиту родной Москвы.

Список использованных источников:

- Бельков О. А. Великая победа и современность // Власть. 2015. Т. 23. № 5. С. 5–8.
Божченко О. А. Музей в формировании исторической памяти. Автореферат дисс. ... канд. культурологии. СПб., 2012
Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 16–21.

И. Я. Воложанцева, В. Г. Капралова

Прифронтовое село Шатово: ноябрь-декабрь 1941 г.

Аннотация: В статье приводится хронология событий, связанных с боевыми действиями 60-й стрелковой дивизии (1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы), насмерть дравшейся с фашистами в окрестностях деревни Шатово Серпуховского района в период битвы за Москву (октябрь-ноябрь 1941 г.). Даны сведения о дивизионном медицинском пункте, организованном в д. Шатово военврачом 1 ранга Николаем Павловичем Благовещенским. Рассматривается причина появления в 60-й стрелковой дивизии одного из основоположников отечественной космонавтики Юрия Васильевича Кондратюка.

Деревня Шатово располагается в 10 км западнее Серпухова. До войны в деревне насчитывалось около 200 дворов. Для того времени это было большое село. Об этом свидетельствует чудом сохранившаяся фотография начала прошлого века. На ней Шатовская сельская пожарная команда, состоящая из 27 человек. Семь дорог связывало деревню с другими населенными пунктами. Рядом с деревней проходила узкоколейная железная дорога. В год по ней перевозили до 150 тысяч пассажиров. Осенью 1941 г. благодаря этой узкоколейке будут спасены тысячи жизней раненых бойцов Красной армии.

11 июня 1941 года в деревне Шатово случился страшный пожар, уничтоживший 21 дом, а через 10 дней началась война. В октябре война подошла к самой деревне.

30 сентября 1941 года — начало операции «Тайфун» немецкой группы армий Центр, направленной на окружение и уничтожение Москвы. В первые две недели октября Красная армия понесла огромные потери. В результате Вяземского окружения были уничтожены Западный и Резервный фронты. В обороне Красной армии образовалась брешь в 500 км, которую нечем было закрыть. Создалась реальная угроза захвата Москвы.

13 октября 1941 г. была оставлена Калуга. Части 49-й армии под командованием Ивана Григорьевича Захаркина, неся огромные по-

тери, были вынуждены отойти в направлении Тарусы и Серпухова. В битве за Москву образовалось Серпуховское направление. Серпухов в октябре-декабре 1941 г. был для немцев желанной добычей, его захват решил бы судьбу наполовину окруженной Тулы и позволил бы охватить Москву кольцом окружения с юга. Генерал Захаркин был вызван в Генеральный штаб в Москву, где получил приказ Верховного: «При любых условиях Серпухов врагу не сдавать».

В связи со сложившейся ситуацией в состав 49-й армии была срочно передана 60-я стрелковая дивизия (1-я дивизия Народного ополчения Ленинского района Москвы). Как известно, из Вяземского окружения (2–12 октября 1941 г.) 60 сд выходила отдельными группами, сосредотачиваясь в районе с. Тарутино. Из донесений о численном и боевом составе 60-й сд от 12–17 октября 1941 г. следует, что на 12 октября 1941 г в дивизии числился 401 военнослужащий, 13 октября — 1050 военнослужащих, 15 октября — 3940 военнослужащих. В итоге на 16 октября с учетом доукомплектования, в том числе за счет групп других подразделений, вышедших из окружения, в 60 сд числилось 5062 человека, вооружение было у 2876 бойцов¹.

20-го октября 60 сд вступила в бой за Тарусу и Высокиничи. Удержать эти населенные пункты не удалось. За 10 дней боев дивизия потеряла больше половины вооружения, осталась 1241 единица оружия. 60 сд передислоцируется в деревню Шатово, ее задача — удержать врага на линии Малеево-Екатериновка-Неботово.

Первое упоминание д. Шатово в военных документах 1941 г. относится к 28 октября. Из журнала боевых действий штаба 60-й стрелковой дивизии: «к 12:00 28.10.41 60 сд занимает оборону по приказу № 07: Калугино, Павловка, Шатово... 1283 сп к 20:00 занял оборону на участке Романовка-Павловка-Шатово»².

Передовая линия фронта проходила в 4–5 км от Шатово. Бойцы 60 сд в течение двух месяцев насмерть стояли на этом рубеже. День и ночь шли непрерывные бои. Из журнала боевых действий штаба 60 сд от 4.11.41 г.: «1285 сп после упорных боев 2.11.41, понеся большие потери, отошел и занял оборону 500 м сев-зап. Екатериновки. Потери: ранено 159 человек, убито по неполным данным 6 человек... 1281 сп после упорных боев, понеся значительные потери, отошел на западную окраину Екатериновки. Потери: ранено 80 человек, уби-

1 Серпухов — город воинской доблести. ГАУК МО «Серпуховский историко-художественный музей», отдел истории, археологии и пикториальной фотографии (Материалы подготовлены ученым секретарем СИХМ Павлихиным А.В. и завотдела Гафуровым Е.К.).

2 Журнал боевых действий штаба 60-й дивизии. ЦАМО, 1182–1–10.

то 20, пропало без вести 13 человек... 1283 сп после боев отошел на западную окраину д. Боровна. Потери: ранено 68 человек, убито 9 человек, артиллерия на прежних оп. Полевые дороги для передвижения не пригодны».

Согласно оперсводке №28 штаба 60 сд, 01.11.41 к 22:00 в д. Шатово располагался штаб дивизии¹. Командовал дивизией до середины ноября полковник Никита Григорьевич Брилев. После его ранения и контузии в бою за деревню Шатово с 13 ноября дивизией командовал полковник Михаил Арсентьевич Зашибалов.

К середине ноября 1941 г. ситуация на фронте в районе Серпухова сложилась крайне тяжелой. Из воспоминаний М. А. Зашибалова: «В Ленинскую дивизию я приехал 11 ноября 1941 г. в самое тяжелое время для Москвы. В это время дивизия дралась с немцами северо-западнее г. Серпухова, в 20 км от него. Занимала она деревни — Екатериновка, Павловка, Неботово, Шатово. В день моего приезда немцы повели наступление на Екатериновку и Неботово, имея целью прорвать оборону дивизии и выйти к реке Наре, перерезать шоссе Серпухов — Москва. Так говорилось в перехваченном приказе. Наступление немцев развивалось успешно. В первой половине дня немцы овладели Екатериновкой. И вот я приехал в такой тяжелый момент, из госпиталя на костылях. Мне в штабе армии сказали, что связи с дивизией нет. Часть дивизии как будто разбежалась, а часть наступает и дерется. Штаб дивизии был неизвестно где. Я сел в машину и поехал искать штаб. Приехал я в штаб дивизии, который находился в Шатово... Людей в дивизии тогда было — в 1281 сп около 1200 штыков, из них народного ополчения, москвичей, около 600 штыков. 1283 сп — 1300 штыков, из них человек 500 — народного ополчения. 1285 сп имел всего 700 штыков, из них 200 — народного ополчения, т.к. он потерял много во время этого панического отступления»².

В связи с тем, что в Шатово располагался штаб дивизии, деревня постоянно подвергалась артиллерийскому и минометному обстрелу, налету вражеской авиации³. Вот как вспоминает это время житель деревни Алексей Алексеевич Макаров, 1927 г.р.: «...Война уже шла, это было на Октябрьскую, наш край бомбили, так как там был штаб. У моего деда жил в половине дома начальник политотдела, подпол-

1 Оперсводка №28 штаба 60 сд. ЦАМО, 1182–0000001–0008

2 Стенограмма беседы с Героем Советского Союза генерал-майором Зашибаловым Михаилом Арсентьевичем. Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР 1941–1945 гг. Архив ИРИ РАН.

3 Стенограмма беседы с инженер-майором Юмашевым И. С. Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР 1941–1945 гг. Архив ИРИ РАН, 2–1–69–15

ковник в годах. В дом деда попала легкая бомба, развалило кухню. У деда погибло две снохи, жена, мальчик Витя получил ранения, немного пожил и умер. Подполковника ранило в голову, его повезли в Серпухов в госпиталь, по дороге он умер. Во время бомбежки деду выбило стеклами оба глаза, моей матери один глаз и сильно порезало ноги. В медпункте им сделали перевязку и отправили в больницу в Серпухов. В доме Кузнецова стояли связисты, в его дом попала тяжелая бомба. Погибли все, кто в это время находился в доме: две дочери, связисты — человек 17–20. После бомбежки собирали останки тел и хоронили в общую могилу»¹.

Еще одно детское воспоминание о жестоких боях в районе д. Шатово жительницы г. Серпухова Нины Алексеевны Брагиной, 1933 г.р.: «Под Серпуховым уже шли бои. После одного из боев вместе с дедом Архипом мы с ребятами пошли под деревню Шатово за мясом убитых лошадей. Шли на самодельных лыжах — досках с загнутыми мысами. На месте боя горел танк. Военные собирали раненых. Мы переворачивали убитых немцев, искали и находили в карманах шоколад. Мертвых не боялись. У одного убитого бойца Красной армии нашли окровавленный комсомольский билет, взяли его, потом отнесли в штаб, думали, что нас похвалят, а нас сильно нарутали — нельзя было брать документ. Второй раз дед пошел туда один, но вернулся пустой — с лошадиных трупов жители окрестностей начисто срезали все мясо»².

В д. Шатово располагался дивизионный медицинский пункт, где оказывалась первая врачебная (в том числе хирургическая) помощь, было организовано переливание крови и введение противостолбнячных сывороток (ни одного случая столбняка в дивизии не было), проводилась сортировка и эвакуация раненых в медсанбат 491, размещившийся в здании текстильного техникума города Серпухова. В период осенней распутицы, когда полевые дороги были не пригодны для передвижения, важную роль сыграла узкоколейная железная дорога, пролегающая по направлению г. Серпухов — село Угодский Завод (ныне г. Жуков Калужской обл.). По узкоколейке из Шатова вывозили раненых, обратно из Серпухова по той же УЖД подвозили снаряды на передовую.

Медицинской службой 60-й дивизии руководил военврач 1 ранга Николай Павлович Благовещенский. Биография этого человека достойна отдельного рассказа. Николай Павлович родился в 1882 году

1 Архив авторов. Аудиозапись беседы с жителем деревни Шатово Макаровым Алексеем Алексеевичем

2 Дети войны. Дети о войне. Протвино, 2016.

в городе Владимире. В 1905 году окончил медицинский факультет Московского университета, после чего работал в Читинском военном госпитале, боролся с эпидемией тифа на Кавказе. В середине 1911 года для повышения квалификации был направлен за границу. Окончил высшую медицинскую школу Парижа, поступив сразу на третий курс, стажировался во французских, немецких и бельгийских клиниках. За три недели до начала империалистической войны 1914 г. Благовещенский вернулся в Россию, был мобилизован на фронт. После Октябрьской революции 1917 г. был назначен заместителем главного врача г. Москвы, в 1919 г. был направлен на юго-восточный фронт Гражданской войны, в 1920 г. в связи с заболеванием сыпным тифом был эвакуирован в Москву. После выздоровления Николай Павлович работал начальником санитарно-пропускного пункта по борьбе с сыпнотифозной эпидемией, с 1929 по 1932 г. занимался становлением медицины на Севере и в районах Средней Азии. К началу Великой Отечественной войны Благовещенский — первый врач-консультант Центрального комитета точного машиностроения.

Уже на третий день войны Николай Павлович подал рапорт Наркому обороны Тимошенко о добровольном желании отправиться на фронт, 5 июля 1941 получил приказ о назначении главным врачом первой дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы и сразу приступил к формированию медико-санитарных подразделений дивизии. Николай Павлович вспоминает, что еще перед Вяземским окружением ему удалось сделать поголовную прививку всей дивизии против всех тифов и этим он объясняет, что в дивизии не было ни одного случая инфекционного заболевания. Кроме того, по его инициативе был организован наряду с медсанбатом промежуточный дивизионный медицинский пункт при штабе дивизии, не предусмотренный военно-санитарным ведомством. На этом пункте был врач терапевт, врач хирург и два военных фельдшера, которые были всегда рядом с ним¹. Именно такой дивизионный медицинский пункт был в д. Шатово, куда в течение двух месяцев дислокации 60 сд везли раненых из Екатериновки и Малеево. По приказу генерала Захаркина раненых с линии фронта вывозили только ночью. Поток раненых ежедневно исчислялся сотнями. Только за ноябрь 1941 г. через медицинский дивизионный пункт д. Шатово прошло 1755 раненых².

1 Стенограмма беседы с дивизионным врачом 1 ДНО Ленинского района подполковником медслужбы Благовещенским Н. Н. Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР 1941–1945 гг. Архив ИРИ РАН, 2–1–69–16.

2 Объяснительная записка. К сведениям по форме № 9 ОВВ о раненых и больных в 49-й армии за ноябрь м-ц 1941 г. ЦАМО, 404–9728–1–10.

Нельзя не упомянуть имя еще одного ополченца 60-й стрелковой дивизии, оставившего свой след на шатовской земле — Юрия Васильевича Кондратюка (Александра Шаргея), гениального ученого, пионера ракетно-космической техники. Значение трудов Юрия Кондратюка для мировой космонавтики трудно переоценить. В начале прошлого века он рассчитал оптимальную траекторию полета к Луне. Эти расчеты были использованы в Лунной программе «Аполлон» космического агентства США НАСА. Судьба этого гениального человека необычайно трагична и по сей день хранит много загадок и неразгаданных тайн¹. В первые дни войны Кондратюк записывается добровольцем в 21-ю дивизию народного ополчения г. Москвы. Выйдя из вяземского окружения в октябре 1941 года, рядовой связист Юрий Кондратюк оказывается в составе 194 сд, которая два месяца вместе с 60-й дивизией держит оборону на подступах к Серпухову. Восстанавливая по дням хронологию событий ноября 1941 года, происходящих в деревне Шатово, возможно, мы подошли к разгадке причины, по которой связист Кондратюк оказался в составе 60 сд. Как было сказано выше, в результате авианалетов и гибели отделения связистов на несколько дней была нарушена связь полков 60 сд со штабом дивизии и штабом 49-й армии. В подтверждение этого приводим воспоминания капитана артиллерийского дивизиона 969 арт. полка 60 сд, располагавшегося в 400–1000 м от д. Шатово, Григория Петровича Пугачева: «Когда в нашей дивизии прервалась связь, то все растерялись. Так как одни дрались в полном окружении, другие уходили. А когда делались запросы в штаб дивизии, то он молчал, так как штаб был от полков отрезан. Стрелковые полки были почти целиком разогнаны и выходили мелкими группами. Артиллерийский полк оставался всегда на одном месте целиком. Лошадей у них перебили при бомбежке. Бомбардировка была страшная. Сейчас даже трудно себе представить, что там делалось, т.к. самолеты гонялись чуть ли не за каждым человеком, а нашей авиации не было. Когда у артиллерийского полка вывело лошадей из строя, они должны были драться до последнего, так как вывозить орудия было не на чем»². Именно в это время Юрий Васильевич Кондратюк был переведен из 194 сд в 60 сд и назначен заместителем командира взвода связи.

1 Б. И. Романенко. Звезда Кондратюка-Шаргея. Краткий документальный биографический очерк. Калуга, Калужская облорганизация Союза журналистов России, 1998. 184 с.

2 Стенограмма беседы с капитаном Пугачевым Г. П. Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР 1941–1945 гг. Архив ИРИ РАН, 2–1–69–30.

Кондратюк погибнет 23 февраля 1942 года в составе 60 сд на «Кривцовском плацдарме» на границе Тульской и Орловской областей.

История д. Шатово навсегда связана с подвигом бойцов 60-й стрелковой дивизии, которые за время дислокации в деревне не отдали врагу ни пяди подмосковной земли. Три месяца продолжалось Серпуховское сражение. Потери с обеих сторон были огромные. Изучение архивных документов ЦАМО РФ, в том числе донесений о потерях 49-й армии, позволяет нам предположить, что общие потери 49-й армии и других подразделений, участвующих в битве за Москву на Серпуховском направлении, составляют не менее 100 тысяч бойцов. Безвозвратные потери — не менее 24 тыс. красноармейцев. Только за ноябрь 1941 г. потери 49-й армии составили 29205 человек, безвозвратные потери — 14533 человека, потери 60 сд за этот же период — 2366 и 1033 чел., соответственно¹.

1 Донесение о потерях личного состава 49-й армии. ЦАМО, 404–9743–5

А. С. Журков

Боевые действия 19-й стрелковой дивизии 24-й армии Резервного фронта в июле-октябре 1941 года

Аннотация: В статье автор рассматривает историю и боевой путь 19-й стрелковой дивизии от момента формирования до участия дивизии в период летне-осенней кампании 1941 года. Наиболее подробно автор рассматривает боевые действия дивизии в Ельнинской и Вяземской оборонительной операциях 1941 года.

В Великой Отечественной войне принимало участие огромное количество дивизий и других воинских соединений. Некоторые из них стали гвардейскими или получили другие почетные наименования. Эти звания присваивались за выдающиеся заслуги, массовый героизм личного состава, за достижение успехов, которые привели к важным победам. Как любую награду, так и воинское звание, нужно было заслужить пройдя горнило войны... Страшной, бесчеловечной, жестокой войны...

Одной из дивизий, прошедшей трудными дорогами войны с первых ее дней и до самого окончания, стала 19-я стрелковая Воронежско-Шумлинская Краснознаменная, орденов Суворова и Трудового Красного Знамени дивизия. В истории этой дивизии за годы войны было много славных, героических, трагических страниц.

Боевой путь дивизии начался на Смоленщине, в боях за Ельню, потом она участвовала в битве под Москвой, затем в оборонительных боях под Харьковом. С 1943 года 19-я стрелковая дивизия прошла дорогами освобождения по территории Украины, Югославии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии и закончила войну в районе города Бенешов, в Чехословакии. После Великой Отечественной войны дивизия вошла в состав Северо-Кавказского военного округа.

В послевоенные годы это соединение прошло несколько преформирований и на сегодняшний день является 19-ой мотострелковой дивизией. В данном исследовании автор рассматривает период с июля по октябрь 1941-го года — один из самых тяжелых в боевом пути дивизии за годы Великой Отечественной войны.

Главным источником информации о боевом пути 19-й стрелковой дивизии с момента ее формирования и за весь период Великой Отечественной войны являются документы дивизии, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны в г. Подольске (далее ЦАМО). В ЦАМО имеется отдельный фонд дивизии номер 1087, содержащий различные документы: исторический формуляр, отчеты о боевых действиях, донесения, приказы, сводки штаба дивизии и вышестоящих штабов за весь период Великой Отечественной войны. Кроме этого, в фондах армий и фронтов, куда в период летне-осенней кампании 1941 года входила дивизия, имеется значительный массив документов оперативного характера, отражающих боевой путь дивизии. Это фонды 28-й, 24-й, 43-й армий, фонды Резервного и Западного фронтов.

Документы общего исторического характера содержат крайне мало информации о боевом пути дивизии в период с июня по октябрь 1941 года. В «Кратком историческом формуляре дивизии», составленном в 1946 году, описание боевых действий дивизии начинается фактически с ноября 1941 года (1). В журнале боевых действий 19-й стрелковой дивизии за 1941–1944 годы уделено небольшое внимание боям за город Ельню в августе-сентябре 1941 года и вообще нет информации о ее участии в Вяземской оборонительной операции. Вновь описание действий дивизии начинается только с ноября 1941 года (2). Тем не менее, комплексный подход к анализу документов оперативного характера разных фондов позволяет нам достаточно подробно изучить боевые действия дивизии на Смоленщине в 1941 году.

В отечественной историографии пока нет отдельных исследований и работ по истории 19-й дивизии. Краткие сведения о ее боевом пути содержатся в разных справочниках и энциклопедиях, посвященных истории Вооруженных Сил СССР-России и истории Великой Отечественной войны. Например, отдельные статьи об истории дивизии содержат «Советская военная энциклопедия» (1976–1980) (3), «Советская энциклопедия» (1985) (4), «Краснознаменный Северо-Кавказский» (5), «Под Ельней в сорок первом» (6) и другие.

Задачей данного исследования является описание боевых действий 19-й стрелковой дивизии в период летне-осенней кампании 1941 года, — одного из самых трудных и мало изученных периодов в боевом пути дивизии за всю ее историю.

19-я стрелковая дивизия была сформирована 21 июля 1922 года в Тамбове и изначально имела в своем составе 55-й, 56-й, 57-й стрелковые полки, 19-й артиллерийский полк и другие подраз-

деления. Все эти полки воевали на фронтах Гражданской войны с первого ее дня (7).

55-й стрелковый полк изначально назывался отряд Суркова, по имени командира, и был организован в январе 1918 года. Он состоял из добровольцев, рабочих и крестьян Орловской губернии. Затем, 1 октября того же года состоялось переименование отряда Суркова в 158-й стрелковый полк, который летом 1919 года был снова переименован в 55-й стрелковый полк. Летом 1939 года 55-й полк снова был переименован и стал именоваться 32-м стрелковым полком. Также это воинское соединение было награждено Почетным революционным боевым Красным Знаменем за выдающиеся заслуги, за взятие нескольких городов, за героизм и мужество личного состава в боях с белыми бандами (8).

56-й стрелковый полк был сформирован 15 сентября 1918 года. Он тоже состоял из добровольцев, крестьян и рабочих, но уже Смоленской губернии. Первым командиром этого полка был Шокке, а комиссаром — Хасаков. Летом 1939 года 56-й полк был переименован в 315-й стрелковый полк (9). В историческом формуляре говорится, что сведений о боевых действиях 57-го стрелкового полка не сохранилось (10).

20 января 1923 года приказом НКО 19-я стрелковая дивизия была преобразована в территориальную дивизию и дислоцировалась в Воронежской губернии. 22 июня 1923 года 19-я стрелковая дивизия была переименована в 19-ю Тамбовскую стрелковую дивизию. В 1924 году весь ее состав был брошен на спасение урожая от сельскохозяйственного вредителя в Воронежской губернии (место дислокации дивизии). За исключительные заслуги и спасение урожая правительство наградило дивизию орденом Трудового Красного Знамени. Это воинское соединение первым в Красной армии получило высокую награду на трудовом фронте.

16 июня 1925 года дивизии присвоено почетное наименование «Воронежская», и она стала называться «19-я Воронежская стрелковая ордена Трудового Красного Знамени дивизия» (11).

В 1939 году полки дивизии стали самостоятельными соединениями. Новая 19-я стрелковая была развернута на базе 55-го стрелкового полка, в ее состав вошли 32-й, 282-й, 315-й стрелковые полки, 90-й артиллерийский полк и другие части и подразделения (12). В 1941 году 10 февраля командиром дивизии стал Яков Георгиевич Котельников (13).

Неожиданно напав на Советский Союз, войска фашистской Германии, благодаря своей стратегии «блицкриг», то есть молниеносной войны, быстро продвигались по его территории. Однако в июле 1941 года в районе Смоленска немецкое наступление задержалось

на два месяца. Началось Смоленское сражение, длившееся с 10 июля по 10 сентября 1941 года.

Одним из самых важных эпизодов Смоленского сражения являются бои под Ельней. В июле 1941 года Ельнинский выступ, который образовался в ходе Смоленского сражения, рассматривался немцами как плацдарм для наступления на Москву. Поэтому командование Красной армии старалось как можно быстрее его ликвидировать. Бои за Ельню начались 19 июля 1941 года. В этот день немцы взяли город. Попытки отбить Ельню начались с утра 20 июля. Вернуть город удалось только 6 сентября 1941 г. В этих боях участвовала 19-я стрелковая дивизия.

На 22 июня это воинское соединение находилось в Масловских лагерях, недалеко от Воронежа, где проходили летние сборы и обучение личного состава. Согласно Директиве Ставки ГК № 0043 от 27 июня 1941 года, 19-я стрелковая дивизия была включена в состав 30-го стрелкового корпуса 28-й армии Орловского военного округа. Дивизия убыла на фронт 30 июня (14). В район Ельни в первой декаде июля сначала прибыли 32-й и 282-й стрелковые полки дивизии, а 315-й стрелковый полк прибыл позже. Дивизия получила приказ подготовить оборонительный рубеж (15). К 18 июля 1941 года планировалось закончить эти работы и привести части дивизии в боевую готовность (16). 19-я стрелковая дивизия занимала оборону на фронте до 40 километров, между участками обороны были промежутки до 11 километров, совершенно не занятые войсками. Все это делало оборону дивизии неустойчивой (17).

17 июля 1941 года 19-я стрелковая дивизия перешла в подчинение 26-го механизированного корпуса 24-й армии и в этот же день вошла в ее состав, хотя последующие события показали, что дивизия продолжала выполнять приказы 28-й армии (18). Возможно, неразбериха с подчинением дивизии и большая протяженность ее обороны стали главными причинами, почему на участке дивизии немецким войскам удалось прорваться к Ельне.

19 июля немецкие части начали наступление в направлении Ельни силой до 60 танков, к 21:00 овладели городом и вышли на рубеж Самодурово (2 км ю.-в. Ельни). Со следующего дня начались боевые действия по возвращению войсками 24-й армии самой Ельни и ликвидации Ельнинского выступа. Эти бои растянулись до первой декады сентября, в ходе них 19 сд понесла большие потери.

Советское командование подготовило и провело 5 наступательных операций по ликвидации Ельнинского выступа. Рассмотрим коротко боевые действия 19-й стрелковой дивизии в этот период.

Спустя уже нескольких часов после потери Ельни части 19 сд провели контратаку с целью возвращения города (19). С утра 21 июля дивизия проводит несколько контратак, но все они безуспешны. Так, в боевом донесении штаба Фронта Резервных армий № 9 от 22 июля в частности указывалось: «Неорганизованные и слабые попытки 19 сд уничтожить противника успеха не имели. Дивизия за время боев у Ельни потеряла 571 человека; из них убитых — до 100 чел., раненых — 321, пропавших без вести — до 150 человек» (20).

Для возвращения Ельни была создана оперативная группа 28-й армии, командованию которой на тот момент подчинялась 19 сд. Командующий группой генерал — майор Егоров поставил перед дивизией задачу: «...к 15:00 21.7 сосредоточиться 315 сп в районе Макарова и наступать ударной группой на Ярославль, Мойтево, прижимая противника к противотанковым рвам» (21).

Попытки вернуть Ельню 22–23 июля не увенчались успехом. С 23 июля задача по возвращению Ельни и ликвидации Ельнинского выступа перешла к командованию 24-й армии. В состав новой армейской группы вошли: 19, 120 сд, 106, 105 тд и часть сил 102 и 103 тд. Перед 19-й дивизией с танковой группой 102-й танковой дивизии была поставлена задача нанести удар в направлении Лаврово, Мойтево, Погибелка, Селиба, окружить и уничтожить группировку противника в городе Ельня и перейти к упорной обороне на новом рубеже (22).

В течение нескольких дней до 27 июля 19 сд с другими дивизиями и частями усиления входила в центральную группировку 24-й армии в районе Ельни. Бои за город приобрели упорный и затяжной характер. Перед 19 сд постоянно ставились наступательные задачи, дивизия имела незначительное продвижение, но все попытки вернуть Ельню завершались неудачами. 27 июля командующий 24-й армией отдал частный боевой приказ № 05/ОП, в котором указывалось: «В связи с имеющимися большими потерями на левом фланге 19 сд на участках 32 и 315 сп, до разгрома врага на главных направлениях командиру 19 сд этими частями активно сковывать противника...» (23).

Боевым приказом командующего войсками 24-й армии № 05/ОП от 28 июля войска 24-й армии приступили к осуществлению нового наступления на Ельню. Замысел приказа сводился к следующему — частями северной и южной группировок нанести удар по сходящимся направлениям западнее Ельни и уничтожить Ельнинскую группировку противника. Войска центральной группы, в состав которой входила и 19 сд, должны были сковывать Ельнинскую группировку, а в случае успеха преследовать отступающего противника (24). Но

уже 30 июля следует новый приказ: «19 сд... атакуя противника в направлении Прилепы, Ярославль, Прилепы (1.5 км северо-восточнее Ельня), Ельня с северо-востока, окружает и уничтожает противника, не допуская его прорыва на северо-восток» (25).

В течение двух следующих дней 19-я дивизия с тяжелыми боями незначительно продвигалась в направлении Ельни, но темпы ее наступления, как и темп наступления всех войск 24-й армии не удовлетворял командование. 1 августа последовал Боевой приказ командарма — 24 № 08/ОП на окружение и уничтожение противника в районе Ельни. Перед 19 сд усиленной артиллерией ставилась задача 1 августа атаковать противника в направлении Подселье, Клематина, Макарова, Юрьева и далее к северо-западной окраине Ельни; к исходу 2 августа овладеть рубежом Прилепы, Юрьева, Налеты и 3 августа овладеть Ельней с северо-запада (26). Выполняя данный приказ части 19 сд овладели Клематиным, но, вероятно, не имея значительной поддержки, отступили на исходные позиции. Такие действия командира 19 сд генерал-майора Котельникова вызвали резкое недовольство командующего Резервным фронтом Жукова. В своем частном боевом приказе от 3 августа комфронта Жуков так охарактеризовал действия 19 сд: «19 сд, заняв в дневном бою Клематино, ночью бросила занятый пункт и отошла в исходное положение. Такие ничтожные результаты наступления являются следствием невыполнения командирами дивизий и полков моего приказа о личном примере и расправе со всеми, кто вместо наступления и стремительного движения вперед, отсиживается в кустах и щелях, со всеми теми, кто ведет себя трусливо и не служит личным примером храбрости и отваги» (27).

После оставления Клематина по приказу командующего Резервным фронтом Жукова генерал-майор Котельников был отстранен от командования 19-й стрелковой дивизией. Временно исполняющим должность командира дивизии был назначен полковник Утвенко (бывший командир 315 сп).

Безуспешные попытки овладеть Ельней и срезать Ельнинский выступ заставили советское командование более тщательно готовить новое наступление на Ельню. В состав армии включались новые стрелковые дивизии, действующие на фронте части получили время на отдых и перегруппировку сил. Несколько дивизий, в том числе и 19 сд, получили задачу организовать ночные поиски, захватить пленных и уточнить состав Ельнинской группировки противника.

7 августа командующий 24-й армией генерал-майор Ракутин подписал боевой приказ № 12/ОП на наступление. Согласно данному

приказу южную группировку составляли: 19, 120 сд и 105 тд, усиленные артиллерией. Перед ней ставилась задача: наносить удары в направлении на юго-восточную окраину Ельни и к исходу 8 августа выйти на юго-восточную окраину города. 19 сд, в частности, должна была выйти в начале на рубеж Прилепы, Налеты, а затем, юго-восточной окраины Ельни (28).

Вновь наступление на Ельню советских войск наткнулось на упорную оборону противника, вновь советские части несли большие потери, но не считаясь с этим, командование фронтом и командующий армией требовали выполнения поставленных задач любой ценой, за малейшее проявление трусости и дезертирства грозили расстрелом. Только к исходу 11 августа полки 19 сд вновь смогли занять населенный пункт Клематино, который оставили 1 августа.

В связи с большими потерями дивизия получила пополнение в 1600 человек (29). Несмотря на это, полки дивизии оставались малочисленными. Новый командир дивизии 13 августа обратился с просьбой о пополнении личным составом. 11–13 августа бои на фронте дивизии приобрели встречный характер, отличались ожесточенностью и упорством. Обе стороны несли большие потери. Так, например, в оперативной сводке № 38 штаба 19-й дивизии от 14 августа отмечалось следующее: «По своему составу полки очень малочисленны и к исходу дня 13.8.41 напр(имер) 32 сп насчитывал всего лишь 56 человек (через сутки в составе полка осталось 32 активных бойца. Прим. А.Ж.), в других полках несколько больше. Утром 14.8.41 убит командир 315 сп Майор Бояринцев (вступил в должность 6 августа. Прим. А.Ж.) и комбат 1, командование полком возложено на лейтенанта. В частях дивизии очень тяжелое положение с командным составом в звене батальон-рота» (30).

В оперативной сводке № 39 от 15 августа штадива 19 отмечалось, что из-за малочисленности части дивизии под напором противника вынуждены были отступить, но через несколько часов контратакой вновь заняли оставленный рубеж обороны. В ходе этих боев был тяжело ранен командир 315-го полка майор Серов (31).

Вновь основные бои дивизии развернулись за населенный пункт Клематино. Левофланговый сосед дивизии 309 сд не всегда успешно поддерживала действия дивизии, это заставило полковника Утвенко в жесткой форме потребовать от командира 309 сд активных действий в районе Клематина (32). К 15 августа на фронте 19 сд наметился некоторый успех, части дивизии имели продвижение вдоль дороги Ельня-Мархоткино и в один из дней уничтожила до 400 фашистов, захватила много пленных и трофеев (33).

16 августа дивизия получила приказ во взаимодействии со своими соседями, 103 и 309 сд выйти на рубеж Прилепы-Юрьево. И вновь дивизия наткнулась на упорное сопротивление противника, в некоторые дни продвижение вперед составляло всего несколько сотен метров, например, 20 августа на правом фланге частям дивизии удалось продвинуться на 200 метров, на левом до 700, при этом дивизия несла большие потери. Полки по существу стали сводными батальонами (34), поэтому с 21 августа обескровленные части дивизии закрепились на достигнутых рубежах и перешли к обороне.

Натолкнувшись на упорное сопротивление немецких частей на Ельнинском выступе и имея большие потери в личном составе войска 24-й армии прекратили бесплодные атаки. Командование фронтом приступило к подготовке новой операции. Целью операции было нанести удар фланговыми группировками армии и соединиться западнее города Ельня с целью ликвидации Ельнинской группировки противника. 19-я дивизия входила в состав центральной группировки, задача которой была фронтально наступать на Ельню. В частности, 19-й дивизии была поставлена задача наступать севернее дороги Ельня-Мархоткино и выйти на рубеж совхоз, Беззабот, Ново-Тишово, Кукуево. Начало наступления было назначено на 18:00 30 августа.

В этот день части дивизии повели наступление в направлении Григано, Мойтево, но вновь натолкнулись на укрепленную немецкую оборону, бои приняли упорный и ожесточенный характер. Так, например, хутор Григано и лес в районе этого хутора части дивизии должны были занять на второй день наступления, а в реальности заняли только к вечеру 3 сентября, т.е. на пятые сутки наступления. Тяжелые бои развернулись за деревни Чужеумово, Лукьяново, Клематино. В это время фланговые клинья 24-й армии все более сжимали Ельнинскую группировку врага, 5 сентября наступил перелом — немецкое командование приступило к выводу своих частей с Ельнинского выступа. 6 сентября части 19 сд вышли на рубеж отметка 236,6, Лысовка (северо-западнее Ельни), почти выполнив приказ от 30 августа. Ельнинская операция завершилась (35).

Это была первая успешная наступательная операция Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Освобождению Ельни придавалось большое пропагандистское значение, эта победа должна была укрепить дух всей Красной армии, вселить уверенность в будущую победу. С другой стороны, потери 24-й армии в период с 30 августа по 7 сентября составили: «убитых 2736 чел., раненых 13030 чел., пропало без вести 1116 человек — всего 16882 человека, из них командиров полков — 5 чел., начальников штабов — 4, командиров

батальонов — 5» (36). После боев под Ельней дивизия продолжала вести частные наступательные операции по улучшению своих позиций, получала пополнение, отдыхала вплоть до октября (37).

С 29 сентября 1941 года части 19-й стрелковой дивизии вели бои с целью улучшения своих позиций. С 9:00 утра 1 октября части дивизии вновь начали наступление на своем фронте. Продвижение было незначительным. 315-й и 282-й стрелковые полки продвинулись на 100–200 метров (38). В течение дня 2 октября противник вел артиллерийско-минометный обстрел позиций дивизии. С 3 октября по всему фронту дивизии развернулись ожесточенные бои. Всего на фронте дивизии наступало до двух полков пехоты противника. Части дивизии вступили в бой, оказывая ожесточенное сопротивление. К исходу дня бои шли на рубеже Петрово, Нортики и западнее Щеплево. В 23–55 в приказе по армии 19 сд ставились следующие задачи: во взаимодействии с 103 и 139 сд окружить и уничтожить противника в районе Петрово, Нортики, Леонидово, Щеплево (39). «...В бою за Щеплево убит наштадив 19 подполковник Богуславский и командир 305 пап полковник Комаров...» (40).

4 октября части дивизии, отражая атаки противника, вели ожесточенные бои на рубеже Петрово, Нортики, 1 км западнее Щеплево, удерживая за собой данные населенные пункты. К исходу дня 4 октября практически перестал существовать 32 сп. Остатки полка примкнули к своему левому соседу 315 сп (41). С утра 5 октября противник силою до двух полков при поддержке танков повел наступление, особенно сильное против правого фланга дивизии на участке 315 сп. Части дивизии с боем стали отступать в восточном направлении. Командиру дивизии было дано разрешение отвести части на противотанковый рубеж западнее города Ельня.

В 17:50 вечера этого же дня дивизия получила приказ сдать свой участок обороны 103-й стрелковой дивизии и в ночь с 5 на 6 октября, занять оборону в 18–25 километрах северо-восточнее Ельни (42). В первой половине дня 6 октября дивизия должна была выйти на рубеж Белогорский, Прихабы (15–20 км северо-восточнее Ельня), где и занять оборону. Оторваться от преследования противника дивизии не удавалось, поэтому полки продолжали вести ожесточенные бои в кольцевом окружении (43). 7 октября части 19 сд вышли в район Семлево, прикрывая отход частей 24-й армии (44). После 7 октября документальных источников о боевых действиях 19-й дивизии крайне мало. Из немецких разведсводок 4-й танковой группы можно предположить, что 8–9 октября части дивизии вели боевые действия в районах Юрино — Селище и Селиваново — Андрианы (45). Вероят-

но, 9–13 октября частям дивизии удалось прорвать вражеское кольцо и небольшими силами выйти из окружения.

К 20 октября 19 сд насчитывала 830 человек. Постановлением Военного Совета Западного фронта № 01323 от 21 октября 19 сд восстанавливалась по штатам сокращенной стрелковой дивизии. Пункт восстановления — Подольск. Ответственность за восстановление дивизии была возложена на командира 19 сд полковника Утвенко. Срок восстановления — 24 октября. На 30 октября 1941 г. дивизия была укомплектована на 60% и насчитывала 6685 человек и продолжала находиться в резерве Западного фронта (46). 9 ноября дивизия получила приказ выступить на фронт и с 11 ноября вошла в состав 43-й армии (47).

Память о воинах 19-й стрелковой дивизии сохранилась в названии одноименной улицы в городе Воронеже. В городе Ельня, Смоленской области в сквере Боевой славы установлен памятный камень в честь дивизии.

Список использованных источников

1. Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО) Ф. 949. Оп. 1. Д. 2. Л. 55.
2. ЦАМО Ф. 1087. Оп. 1. Д. 11. Л. 4–4 об.ст.
3. Советская Военная энциклопедия. Пред. Гл. ред. Комиссии А. А. Гречко.— Воениздат. — М.: Воениздат, 1976. (В 8 томах) Т. 2. — С. 362.
4. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. Главный редактор генерал армии, профессор М. М. Козлов. и др. — М., Советская энциклопедия, 1985. С.179.
5. Краснознаменный Северо-Кавказский / под ред. А. Дегтярева. — 2. — М.: Воениздат, 1990. — 380 с.
6. Лубягов М. Д. Под Ельней в сорок первом. (Военная хроника). — Смоленское областное книжное издательство «Смядынь», 2001. — 520 с.
7. ЦАМО Ф. 1087. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.
8. Составлено по: ЦАМО Ф. 949. Оп. 1. Д. 2. Л. 72 ; Ф. 1087. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2.
9. Составлено по: ЦАМО Ф. 949. Оп. 1. Д. 2. Л. 64 ; Ф. 1087. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
10. ЦАМО Ф. 1087. Оп. 1. Д. 11. Л. 2 об.ст.
11. Составлено по: ЦАМО Ф. 1087. Оп. 1. Д. 11. Л. 2 об.ст. — 3. Д. 14. Л. 68.
12. ЦАМО Ф. 1087. Оп. 1. Д. 11. Л. 3 ; Д. 14. Л. 68.
13. Великая Отечественная. Комдивы. Военный биографический словарь. Том IV. — М.: Кучково поле, 2015. С.391–392.

14. ЦАМО Ф. 1087. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.
15. Там же Д. 6. Л. 39.
16. Там же Д. 6. Л. 16.
17. Там же Д. 6. Л. 17.
18. Там же Д. 6. Л. 26 ; ЦАМО Ф. 1238. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
19. Там же Д. 6. Л. 34.
20. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 37. — М.: Воениздат, 1959. С. 128.
21. Там же С. 263.
22. Там же С. 244.
23. Там же С. 246.
24. Там же С. 247. 248.
25. Там же С. 249.
26. Там же С. 251.
27. Там же С. 136.
28. Там же С. 256. 257.
29. ЦАМО Ф. 1087. Оп. 1. Д. 8. Л. 35.
30. Там же Д. 8. Л. 24. 40. 42.
31. Там же Д. 8. Л. 41.
32. Составлено по: ЦАМО Ф. 1087. Оп. 1. Д. 6. Л. 151, 152, 152 об. ст.
33. ЦАМО Ф. 219. Оп. 679. Д. 62. Л. 51.
34. ЦАМО Ф. 1087. Оп. 1. Д. 8. Л. 52.
35. Составлено по: ЦАМО Ф. 219. Оп. 679. Д. 62. Л. 80 об.ст. — 96 об.ст. Там же Д. 63. Л. 97 об.ст. — 107 об. ст.
36. ЦАМО Ф. 219. Оп. 679. Д. 63. Л. 107 об.ст.
37. Составлено по: ЦАМО Ф. 219. Оп. 679. Д. 63. Л. 106–138 об.ст.
38. Составлено по: ЦАМО Ф. 219. Оп. 679. Д. 40. Л. 12–15, 24–27, 29, 29 об.ст., 37–38 ; Д. 74. Л. 86–90, 94–104, 107–110, 172–176. Оп. 683. Д. 8. Л. 345 ; Ф. 378. Оп. 11015. Д. 5. Л. 249–251.
39. Составлено по: ЦАМО Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 186–189, 194–198 ; Д. 40. Л. 28, 28 об.ст., 30–31, 34–35, 37–40, 49–50 ; Д. 63. Л. 141–143 ; Д. 74. Л. 123–129, 130–135, 138–139. Ф. 378. Оп. 11015 Д. 5. Л. 294–296.
40. ЦАМО Ф. 219. Оп. 679. Д. 63. Л. 142.
41. Составлено по: ЦАМО Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 194–203 ; Д. 40. Л. 32, 32 об.ст., 41–43 ; Д. 74. Л. 155–163 ; Ф. 398. Оп. 9308. Д. 21. Л. 595. 595 об.ст. ; Ф. 378. Оп. 11015. Д. 1. Л. 4.
42. Составлено по: ЦАМО Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 205–208, 211–213. Д. 40. Л. 36, 44–45.
43. Составлено по: ЦАМО Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 214–216 ; Д. 65. Л. 259–263 ; Ф. 378. Оп. 11015. Д. 1. Л. 8.
44. ЦАМО Ф. 378. Оп. 11015. Д. 1. Л. 10.

45. Составлено по: Сводки разведотдела командования 4 танковой группы 26 сентября — 14 октября 1941 года. Военно-исторический архив // № 11. 2006. С.26 ; ЦАМО Ф. 378. Оп. 11015. Д. 1. Л. 13.
46. Составлено по: ЦАМО Ф. 208. Оп. 2579. Д. 2. Л. 210 ; Д. 5. Л. 171, 180, 181, 196. Битва под Москвой. Хроника. факты. люди: В 2-х кн. — М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2001. Кн. 1. С. 468.
47. ЦАМО Ф. 1087. Оп. 1. Д. 9. Л. 43.

А. М. Иванов, И. Д. Музыченко

Уничтоженное, разрушенное и поврежденное имущество в годы Великой Отечественной войны на примере православных святынь города Вязьмы и Вяземского района

Аннотация: данная статья посвящена деятельности Русской Православной церкви в период Великой Отечественной войны и раскрывает факты уничтожения, разрушения и повреждения православных святынь на примере г. Вязьмы и Вяземского района Смоленской области.

Накануне Великой Отечественной войны в Смоленской области оставалось 4 действующих церкви¹. Любые проявления религиозности преследовались жесточайшим образом. По-прежнему велась активная атеистическая борьба. Во время войны, в связи с резко усилившимся религиозным настроением народа, Иосиф Сталин разрешил открыть некоторые давно стоявшие «мертвыми» храмы. Открытие храмов на территории оккупированной Смоленщины носило массовый стихийный характер и в первую очередь зависело от местных жителей. Служащие вермахта не препятствовали открытию церквей и предоставляли это на усмотрение населения, относясь к этому либо хорошо, либо безразлично. Так, например, 12 ноября 1941 г. была освещена деятельность Троицкого собора² и как сообщает газета «Новый путь» от 30 ноября 1941 г. «усилиями верующих, с помощью городской управы часть кафедрального собора отремонтировали и ведутся богослужения»³. Икона Иверской Божьей Матери, находившаяся в Троицком соборе была сохранена верующими и водворена на прежнее место, так же были сохранены и другие древние иконы. В общей сложности к концу оккупации

1 Амельченков В. Л. Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны. Смоленск, 2006. С. 56.

2 Государственный архив Смоленской области (далее ГАСО). Ф. 1620. Оп. 2. Д. 2. Л. 15.

3 Новый путь. 30 ноября 1941 г. № 14 С. 4.

в г. Вязьма (март 1943 г.) действовал Свято-Троицкий собор¹ и 7 храмов в Вяземском районе².

Многие храмы пострадали или были уничтожены в ходе военных действий. Например, Никольский храм в городе Вязьме был разрушен Красной армией в 1941 г. при отступлении преимущественно для того, чтобы лишить фашистов ориентиров.

За время оккупации немецко-фашистскими войсками в городе Вязьме из 13 церквей были взорваны или сожжены, в том числе имеющие ценность как памятники старины: Богородицкая, Ямская и Введенская церкви и женский монастырь. Остался только кафедральный собор, который был заминирован и подготовлен к взрыву³. Троицкую церковь немцы превратили в скотобойню, а затем взорвали. В Пятницкой церкви оккупанты организовали конюшню⁴.

В ноябре 1942 г. была образована Смоленская областная чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причинению ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. В ее обязанности входило определение ущерба причиненного государственным, кооперативным и общественным предприятиям и учреждениям⁵.

27 ноября 1944 г. председателем комиссии Александром Ивановичем Гайдуковым — председателем Горплана, членами комиссии: депутатом Горсовета Алевтиной Ивановной Киселевой и зав. общим отделом Горисполкома Марией Александровной Медведевой с участием эксперта — старосты Троицкого собора И. А. Добрынина — был составлен акт о нанесении ущерба церковным зданиям, имеющимся в Вязьме. В акте причинами нанесения ущерба и убытков говорится следующее: «... при отступлении из г. Вязьмы немецких частей под командованием Шеферма, Раппорта и Меркера были взорваны здания церковей похоронившие под ними ценное имущество»⁶.

Данный акт был составлен с целью определить стоимостную оценку уничтоженного, разрушенного и поврежденного имущества на-

1 ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 2. Л. 15.

2 Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 408.

3 ГАСО. Ф. Р-1630. Оп. 2. Д. 29. Л. 90. // Все судьбы в единую слиты. По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков. Смоленск, Маджента, 2003. С. 99.

4 ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 369а. Л. 29.

5 Иванов А. М. Вязьма православная. Смоленск, 2016. Сер. Библиотека историко-литературного журнала «Странникъ». С. 20.

6 ГАСО. Ф. 1630. Оп. 2. Д. 145. Л. 6.

несенного церковным зданиям и имуществу культовых сооружений, а также степень разрушения зданий и % поврежденного, что видно из таблиц 1 и 2.

Таблица 1

Стоимость уничтоженного, разрушенного и поврежденного имущества в денежном выражении¹

<i>Вид уничтоженного, разрушенного и поврежденного имущества</i>	<i>Восстановительная стоимость полностью уничтоженного, разрушенного имущества в рублях</i>	<i>Размер затрат, необходимых для восстановления частично поврежденного имущества в рублях</i>	<i>Общий размер ущерба в рублях</i>
Здания религиозных культов	37 593 000	22 566 800	60 159 800
Церковная утварь и облачение	115 000	-	115 000

Таблица 2

Перечень отдельных видов разрушенного, уничтоженного и расхищенного, поврежденного имущества²

<i>Вид имущества</i>	<i>Полностью разрушенное</i>	<i>Частично поврежденное (единицы измерения м3)</i>	<i>Стоимость причиненного ущерба (в рублях)</i>	<i>Степень разрушения в %</i>	<i>% поврежденного</i>
Собор		13800	2760000	50 %	50 %
Введенская церковь		9760	2537600	65 %	65 %
Егорьевская церковь		8150	2771000	85 %	
Спаская церковь		7330	2052400	70 %	
Фроловская церковь		10100	2222000		55 %
Духовская церковь		9300	2343600		63 %
Мужской монастырь		9870	2842560		72 %

1 Составлено автором: ГАСО. Ф. 1630. Оп. 2. Д. 145.Л. 6–6-об.

2 Составлено автором: ГАСО. Ф. 1630. Оп. 2. Д. 145.Л. 6-об-7.

Екатерининская церковь		7870	2329520		74 %
Ямская церковь		8820	2708120		79 %
Никитская церковь	7600	-	3040000		
Пятницкая церковь	8200	-	3280000		
Ильинская церковь	9160	-	3664000		
Воскресенская церковь	8760	-	3404000		
Воскресенская кладбищенская	6540	-	22890		
Троицкая церковь	9450	-	37800		
Троицкая кладбищенская	5800	-	2030000		
Дворцовая церковь	8870	-	39880		
Никольская церковь	9200	-	36800		
Павловская церковь	920	-	3220		
Женский монастырь	9650	-	38600		
Тюремная церковь	840	-	2940		
Церковь мужской гимназии	2300	-	2660		
Благовещенская церковь	3640	-	14560		
Фроловская кладбищенская	5600	-	22400		
Итого	94900	-	37593000		

Далее в описях идет имущество и его стоимость (в рублях): сосу-ды серебряные — 35 тыс., дарохранительница серебряная — 30 тыс., напестольная — 2 тыс. и т. д.

Составление перечня отдельных видов разрушенного, уничтоженного и расхищенного, поврежденного имущества было необходимо для выявления возможности восстановления и дальнейшего использования конкретных объектов для нужд жителей. Так, например, в акте обследования общежития Стройучастка г. Вязьмы читаем: «Общежитие на Базарной площади (Духовская церковь) расположено в трех комнатах, проживает 60 человек. Помещение требует ремонта в частности печей и дверей»¹. Нередко было так, разрушенные за годы

1 Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО) Ф. 38. Оп. 1. Д. 35. Переписка с органами НКВД, НКГБ, милиции и прокуратуры о следственных делах. 1944 г. Л. 7.

оккупации православные храмы не только не восстанавливались, но и разбирались на строительные материалы для восстановления разрушенных гражданских построек. В 1946 г. была разобрана ранее взорванная немцами Троицкая церковь в городе Вязьме¹. Кроме того, согласно официальным данным, на совесть немецкой армии также приходится 42 разрушенные церкви в тринадцати оккупированных районах Смоленской области. В результате, к концу 1945 г. в Вязьме действовал только один православный храм — Троицкий собор².

15 июня 1944 г. была составлена подробная опись имущества Троицкого собора и заключен типовой договор между вяземским городским Советом трудящихся в лице его полномочного представителя зам. горкомхозом Комелькиным В.А. и гражданами города Вязьмы о бессрочном бесплатном использовании здания собора и всего церковного имущества³.

В конце 1940 — начале 1950-х годов в процессе восстановления и перепланировки города Вязьмы по решению местных властей были разрушены православные храмы, которые по тем или иным причинам не вписывались в новый городской ансамбль. Например, в 1946 г. частично разобрали Духовскую церковь, на месте которой был воздвигнут памятник генерал-лейтенанту М. Г. Ефремову. Подобная участь постигла и Входа-Иерусалимский храм, мешавший прокладыванию транспортной сети города⁴.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны и период оккупации с октября 1941 г. по март 1943 г. в г. Вязьме и районе было уничтожено, разграблено и расхищено большое количество церковных ценностей, что нанесло невосполнимые потери г. Вязьме и Вяземскому району.

1 Иванов А. М. Вязьма православная. Смоленск, 2016. Сер. Библиотека историко-литературного журнала «Странник». С. 22.

2 Амельченко В. Л. Указ.соч. С. 148.

3 ГАСО. Ф. 985. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

4 Иванов А. М. Вязьма православная. Смоленск, 2016. Сер. Библиотека историко-литературного журнала «Странник». С. 23.

А. В. Кислицын

Обзор документальных источников группы армий «Центр» по первому этапу операции «Тайфун» на примере сражения за Вязьму

Аннотация: Обзор включает в себя анализ источников, объемов и содержания немецких военных документов, относящихся к операции «Тайфун» и в частности ее первому этапу.

Изучение военной истории и объективный анализ событий нельзя представить себе без анализа военных и исторических документов противника. Особенно сказывается необходимость в анализе немецких документов начального этапа войны, когда советские войска несли тяжелые поражения, документы уничтожались, целые дивизии сторали в окружениях и котлах. Для восполнения пробелов в исторических событиях используются сохранившиеся в различных архивах документы немецких частей и соединений.

В частности, рассматривая операцию «Тайфун» в ее начальной фазе, проработав картографический материал, я составил общую картину объемов и анализа.

Итак, в большом осеннем наступлении участвовало 6 армий и армейских групп из состава группы армий «Центр». В сражении за Вязьму из них участвовало 4 армии и армейские группы:

- 9-я армия;
- 3-я танковая армейская группа;
- 4-я армия;
- 4-я танковая армейская группа.

В составе этих четырех крупных войсковых соединений в боевых действиях на данном направлении участвовало 10 армейских корпусов и 5 танковых корпусов.

В общей сложности в составе этих корпусов в боях участвовало:

- 9 танковых дивизий;
- 31 пехотная дивизия;
- 3 моторизированных дивизии;
- 1 штурмовая дивизия;
- 1 дивизия СС.

Итого 45 дивизий.

Соответственно, если мы говорим об анализе документов, то необходимо найти и проработать документы:

- 1 группы армий;
- 4 армии и армейские группы;
- 15 корпусов;
- 45 дивизий.

Соответственно 65 отдельных частей и соединений.

Теперь проанализируем, какие же документы могут заинтересовать как с поисковой, так и с исторической точки зрения специалистов.

Виды документов:

- журналы боевых действий (от нескольких строк до нескольких страниц текста за каждый день);
- донесения нижестоящих частей (от одной обобщенной страницы до нескольких страниц в день);
- донесения в вышестоящие штабы (утреннее, дневное и заключительное донесение каждый день);
- документы разведотделов (отчеты о действии разведки, анализ картины положения противника, оценка сил противника, перечисления обнаруженных частей и соединений противника);
- протоколы допросов (подробная информация о перемещениях батальонов и полков, информация о местах формирования и оснащении частей);
- документы частей обеспечения (объемы поставок боеприпасов, фуража, расположение частей).

Как видно из перечислений, объемы документации очень велики.

Специалистами европейского отделения Международной Ассоциации общественных поисковых организаций «Народная память о защитниках Отечества» была проведена работа по поиску и анализу имеющихся источников.

Прорабатывались в качестве возможных источников следующие архивы:

- Немецкий центральный военный архив — Бундесархив
- Американский центральный архив — НАРА
- Центральный архив министерства обороны России — ЦАМО

В результате проведенной работы были обнаружены, проанализированы и классифицированы документы 46 из 65 вышеназванных единиц (частей и соединений).

Кроме того были найдены отдельные истории дивизий вермахта, которые также содержат частично информационные детали о событиях тех дней.

Из найденных 46 комплектов документов 14 переведены полностью на русский язык (за весь период Вяземского сражения) — в этот список входят документы:

- 4-й танковой группы;
- 5-го, 7-го, 8-го и 20-го армейских корпусов;
- 5-й и 11-й танковых дивизий;
- 78-й штурмовой дивизии;
- 5-й, 7-й, 8-й, 197-й, 267-й и 292 пехотных дивизий.

Еще 8 комплектов документов переведены частично и в данный момент находятся в работе:

- 2-я, 6-я, 7-я танковые дивизии;
- 6-я, 35-я, 87-я, 106-я и 129-я пехотные дивизии.

Итого уже предоставлено для работы около 30% найденного материала, еще 18% находится в процессе перевода, а весь найденный материал составляет около 10 тысяч страниц документов только за период со 2 по 14 октября 1941 года.

Анализ документов показал довольно широкий разброс в форме и объеме предоставленной информации в разных частях. Например, журнал боевых действий 197-й пехотной дивизии за 3.10.1941 содержит лишь следующую информацию (ее можно привести целиком):

«3.10.1941

Дивизия продолжает наступление на всем фронте.

9:00 332-й пехотный полк прорвал укрепления на Шуице и создал на восточном берегу реки плацдарм. После переправы через Шуицу началось быстрое продвижение к ближайшим населенным пунктам. Выгорь и Гарь взяты в течение второй половины дня.

Полки остановились только перед укреплениями на Снопоти в Кузминичи и Ильинский.

Около 19:00 332-й полк прорвал позиции на Снопоти и занял частями Селилово. Таким образом, это стало решающим событием».

В то же время журнал боевых действий 2-й танковой дивизии на 3 октября содержит три страницы текста в следующей частоте записей — выдержка из жбд:

«3.10.1941

00:30 Штаб дивизии в Дулево

2:00 3-й танковый полк сообщает о сильной атаке противника при поддержке артиллерии

2:45 дивизия запросила у корпуса прикрытия передовых частей истребителями с рассветом, поскольку на них продолжаются налеты авиации противника.

4:20 3-й танковый полк отбил многочисленные атаки. Командный пункт Люббе: Химы. Туда прибыла голова колонны 304-го стрелкового полка.

5:45 2-й мотоциклетный батальон подошел к Десне.

5:50 3-й танковый полк слева обстреливается из артиллерии. Полк в Суборово. Передовые отряды пробивают дорогу вперед.

6:10 3-й танковый полк сообщает: с 4:00 танковая атака

6:20 Передовые части группы Люббе в Дубровке.

6:25 3-й танковый полк атакует в направлении Семирево в полосе другой дивизии. В 6:47 эта информация передана дальше 11-й танковой дивизии.

1-я боевая группа действует на мосту и у противотанкового рва на Снопот

7:05 По радиции передано дополнение к донесению в 6:40 в корпус (с 4:00 вражеская танковая атака на Суборово): Передовая линия Дубровка, Сельсовет Суборово (СС) — там сейчас бой».

Наибольший интерес для изучения действий советских сил представляют документы разведотделов частей и соединений вермахта. Вот пример такого рода донесений:

«Папка отчетов разведотдела 2-й танковой дивизии с 15.6. 1941 по 4.4.1942

<...>

18:00 донесение разведотдела дивизии 3.10.1941:

За 217-й стрелковой дивизией находятся 2-й и 3-й стрелковые полки 5-й стрелковой дивизии, кроме того обнаружены 3-й стрелковый полк 17-й стрелковой дивизии и 3-й стрелковый полк 133-й стрелковой дивизии. Штаб 5-й стрелковой дивизии до сих пор находился в Попово. Все три дивизии в июле сформированы московским ополчением, моторизированы и оснащены оружием. С середины августа на строительстве укреплений северо-западнее Кирова, с 2.10 в бою...»

Важно отметить, что если дивизионные документы и дают многочисленные детали событий, то общую картину очень сложно оценить без работы с документами уровня армий и группы армий. Именно на этом уровне отмечаются проблемы, нереализованные возможности, споры между командующими и оценки возможного развития событий.

Так, например, журнал оперативного отдела 4-й танковой группы наполнен подобной информацией — только за 5 октября 1941 года записи составляют 3 страницы — я приведу только выдержки:

«...5.10.1941

6:45 Командир 40-го танкового корпуса сообщил о положении и намерениях командования корпусом:

После занятия Юхнова сильным правым крылом развернуться на Вязьму. Позже части, находящиеся восточнее Угры, идут на север (10-я танковая дивизия — цель Вязьма, 2-я танковая дивизия с обеих сторон Андреяны).

<...>

7:30 Командующий танковой группой выехал в штаб 46-го танкового корпуса. На совещании около полудня с командиром корпуса командующий танковой группой дал указание перебросить силы на правое крыло корпуса, чтобы в атаке на север состыковаться с 40-м танковым корпусом.

<...>

9:30 На совещании с начальником штаба 46-го танкового корпуса выяснилось, что 11-я танковая дивизия хорошо продвинулась вперед, в то время как 5-я танковая дивизия еще несколько беспомощна в неизвестных для нее условиях войны с русскими и постоянно находит сложности, там где у других уже таковых нет.

<...>

11:00 В очередном разговоре по телефону в 11:45 начальник штаба 4-й армии сообщил о мыслях в штабе группы армий в отношении замыкания котла у Вязьмы с учетом движения 3-й танковой группы. Возникает вопрос использования танковых дивизий 4-й танковой группы после замыкания котла на восточном фронте, в том числе есть мысли о переброске 46-го танкового корпуса через Мыгишино на северном направлении.

Так как необходимое для продвижения танковой группы шоссе полностью забито, в особенности наземными частями люфтваффе, командующий армией принял решение перекрыть движение по шоссе частей со стороны Рославля.

<...>

22:30 В телефонном разговоре между начальником штаба 4-й армии и начальником штаба танковой группы, последний выступил против планов армии, в соответствии с которыми 7-я пехотная дивизия будет пересекать шоссе. Было решено, что танковая группа имеет преимущество, а дивизия будет пересекать шоссе маленькими группами по ситуации..»

Документы, относящиеся к периоду операции «Тайфун» на Вяземском направлении достаточно стройно и подробно отражают не только события, но и настроения — так в начале операции планомерная, не вызывающая вопросов работа к середине октября сменяется нерв-

ными, а иногда истеричными записями о сложностях продвижения, обеспечения и других реалиях войны.

В заключение необходимо указать, что подобная работа европейским отделением МАОПО и мной лично ведется с охватом всей географии боевых действий и всего временного периода второй мировой — планомерно разбираются, анализируются и переводятся документы и материалы вермахта и СС, переводы совершенно бесплатно предоставлены для работы историков и поисковиков на страницах портала проекта «Ost Front» — <https://ahistory.info>

Список использованных источников

1. NARA RG242 T313 R340 — Журнал боевых действий оперативного отдела 4-й танковой группы
2. NARA RG242 T315 R90 — Журнал боевых действий 2-й танковой дивизии № 6
3. NARA RG242 T315 R91 — Отчеты разведотдела 2-й танковой дивизии
4. NARA RG242 T315 R1560 — Журнал боевых действий 197-й пехотной дивизии

Э. Л. Котова

Партизанская пресса Великой Отечественной войны: архивные материалы Литературного музея Смоленского государственного университета

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о рукописных газете и журнале, издаваемых в партизанских отрядах зимой — весной 1944 г., сохранившихся в архиве Литературного музея Смоленского государственного университета. Образно-тематический анализ партизанской прессы позволяет увидеть разницу в целях и задачах данных изданий. Батальонный журнал стремился поднять боевой дух партизан. «Боевой листок» отдельного взвода, напротив, был занят решением тактических вопросов ведения боя. В конечном счете оба издания удачно дополняли друг друга, помогая партизанам в невыносимо трудных обстоятельствах сражаться с опасным противником.

Литературный музей Смоленского государственного университета был открыт почти полвека назад, в 1973 г., благодаря энтузиазму преподавателей кафедры литературы и прежде всего Александра Александровича Палшкова. В 1980 г. музей получил звание народного музея Российской Федерации и до сих пор остается важным культурным и научным центром нашего региона. В его архиве хранятся редкие, подчас уникальные документы, в том числе связанные с историей Великой Отечественной войны. Многие узнать о событиях тех трагических лет позволяют не только научные труды, фотографии, воспоминания ветеранов и людей, переживших оккупацию или трудившихся в тылу, но и сохранившиеся средства массовой информации, которые и сегодня интересуют исследователей¹.

В 39-м фонде «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны» Литературного музея есть несколько важных экземпляров советской периодики тех лет. Обращает на себя внимание праздничный выпуск газеты «Красная звезда» от 10 мая 1945 г., на первой полосе

1 Журналистика Великой Отечественной войны. URL: <https://smol-history.ru/material/183> (дата обращения: 10.10.2021).

которого размещены обращение к народу И. В. Сталина, выступление премьер-министра Великобритании У. Черчилля и заявление президента США Г. Трумэна. Однако материалом нашего исследования стали партизанские газеты и журнал¹, подаренные музею Леонидом Васильевичем Котовым — историком, смоленским краеведом, всю жизнь занимавшимся изучением партизанского и подпольного движения времен Великой Отечественной войны².

Сохранившаяся в архиве партизанская газета 3-й роты 3-го партизанского батальона от 10 января 1944 г. создана в жанре «боевого листка»³. Газета выполнена в цвете на обратной стороне обоев и напоминает стенгазету, формат которой был хорошо знаком бойцам из опыта довоенной жизни. В нее вошло семь небольших заметок и пять цветных иллюстраций. Выпуск стал откликом на недавний бой, состоявшийся 6 января 1944 г. Характерно, что место схватки с фашистами не указано, видимо, потому, что читателям оно было хорошо известно. Первыми идут заметки командира роты Шебанова «Экономно расходовать припасы» и политрука Горячева «Роль командира в бою», посвященные тактике ведения боя. Оба автора поставили перед собой задачу извлечь из недавней стычки с противником прежде всего важный боевой опыт: надо сохранять хладнокровие, ближе подпускать врага, экономить патроны и стрелять прицельно; лучше выбирать огневые позиции для пулеметов и пр. Из других материалов, размещенных в «боевом листке», мы узнаем о конкретных эпизодах того январского боя. Командир 2-го взвода Гончаров откровенно признается, что после длительного отдыха и тщательной подготовки к зимним боям его взвод оказался не вполне готов к встрече с врагом: «Казалось бы были все предпосылки для успешного боя, однако вскрылось очень много недостатков, которые немедленно нужно изжить». Дух самокритики сквозит в анализируемых им фактах: «Во время занятия огневых позиций получалась большая скученность, что давало возможность противнику вести по нам массированный огонь. В бою не было взаимной выручки. Если некоторые бойцы поднимались в атаку, то они не получали своевременной поддержки со стороны своих товарищей, некоторые бойцы отставали от своих командиров на 10–15 метров. Не все пулеметы были готовы к боям в зимних условиях (пулемет Фурсова)». Лишь в завершении командир

1 Литературный музей Смоленского государственного университета. Ф. 39. П. 2. Оп. 1. Ед. хр. 10–12.

2 Котов Л. В. Смоленское подполье. М.: Московский рабочий, 1966. 240 с.

3 Боевой листок // Литературный музей Смоленского государственного университета. Ф. 39. П. 2. Оп. 1. Ед. хр. 11.

роты все-таки скупо перечисляет имена отличившихся в бою партизан — Поздняков, Капралов, Мусихин, Демидов.

Важно отметить предельно конкретный характер публикаций, в частности, указание имен бойцов, что, конечно, имело большое воспитательное значение. Бросается в глаза краткий материал с хлестким названием «Трус — это не партизан», размещенный в центральной части «боевого листка». Здесь поименно названы те, кто «ввиду своей трусости снизили результаты боя». Для большей убедительности редактор газеты Бориков снабдил заметку юмористическим шаржем, на котором изображены два бойца, спрятавшиеся за пень и стреляющие из винтовок в воздух, не видя цели. Рисунок выполнен непрофессионально, ученически и имеет ироническую подпись «Глаз», от которого, видимо, ничто не скроется.

После серии критических заметок следуют краткие зарисовки, посвященные отличившимся в бою партизанам («Хороший пулеметный расчет», «Мое обязательство», «Боевой урок»). Об их героизме речь не идет. Это слово будто исключено из партизанского лексикона. Участие в смертельно опасной схватке с фашистами воспринимается как работа: «В этом бою расчет Балусова работал исключительно хорошо»; «Нужно добиться, чтобы все пулеметы работали так, как работает пулемет Путята и Баландина»; «В будущих боях мой пулемет будет работать только на отлично». Примечательно, что субъектом действия в двух последних высказываниях является не человек, а пулемет, ему принадлежащий. Это говорит о том, насколько жизнь партизан и исход боя в целом зависели от оружия, ценившегося на вес золота. Невольно вспоминаются строки Михаила Кульчицкого:

Война — совсем не фейерверк,
а просто — трудная работа <...>¹.

Тематическая композиция «боевого листка» соответствует шаблонной структуре советской газеты. Сначала расположены программные материалы. За ними следуют заметки, посвященные конкретным фактам — в первую очередь обличительным (две заметки), потом содержащим положительный опыт (2 заметки).

Третий, заключительный тематический блок газеты носит юмористический характер. Он представлен тремя юмористическими шаржами из будничной жизни партизан. Рисунки имеют иронические

1 Кульчицкий М. «Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!» URL: <https://klassika.ru/stihi/kulchickij/mechtatel-fantazer-lentyaj.html> (дата обращения: 30.10.2021)

названия, почти везде указаны имена прототипов персонажей. Например, «У “охраняемого объекта”». Здесь изображен «бдительный» партизан Асмоловский, который, сидя за столом в деревенской хате при полном боевом вооружении, успеваешь стащить блин, пока хозяйка дома отвернулась к печи. На рисунке, названном «Сложная операция», показан боец, занятый, как можно догадаться, самогонноварением; в очереди к нему стоят партизаны Добыш, Фаломкин и Воронин, один из которых уже приложился к бутылке с горячительным напитком. Таким образом, бойцы предстают перед нами без прикрас, в объективном свете.

А как выглядит образ врага? В качестве эпиграфа к газете выбран традиционный лозунг: «Смерть немецким оккупантам!» Однако в помещенных здесь материалах никакой ненависти к ним не ощущается. В заметках враг десять раз назван «противником» и один раз для его обозначения использовано нарицательное «немцы». В результате образ врага оказывается лишь схематично намеченным: «при наступлении <он> ведет беспорядочный, неприцельный огонь, “огонь для паники”», «немцы, полагая что здесь нас всего трое, поднялись в атаку. Но пулемет Балусова заставил их залечь, причем некоторым из них уже не суждено было подняться». Никаких политических, националистических и пр. обличительных, сатирических выпадов против врагов нет. Даже о смерти врага говорится высоким слогом («не суждено подняться»). О чем это говорит? На наш взгляд, о спокойном отношении партизан к уже хорошо известному, но обезличенному противнику.

Сухой, подчас протокольный стиль партизанской газеты лишен лозунгов и лирических отступлений о смертельной опасности, призывов к самопожертвованию и пр. Наоборот, он включает в себя канцелярские обороты речи («управлять подчиненными», «результаты боя», «выполняя свои прямые обязанности»). Названия заметок, выделенные крупным шрифтом и цветом, выражают главную мысль текстов, что называется, бьют в цель, не допуская иных интерпретаций. В итоге все материалы направлены на достижение общей сверхзадачи — не вызвать ненависть к врагу или мотивировать на борьбу с ним, а нацелить на добросовестный, ответственный труд — борьбу с противником. Юмористическая нота в финале призвана поднять настроение бойцам, которые так нуждались в улыбке посреди суровых военных будней.

Совершенно иным по характеру и стилю является рукописный журнал, который был органом партийной и комсомольской организации 2-го партизанского батальона. Перед нами апрельский номер

за 1944 г¹. На его 14 страницах размещено 12 статей, которые сопровождаются цветными иллюстрациями, картой военных действий, таблицей о собранных партизанами батальона средствах в Фонд обороны страны.

Большинство размещенных здесь материалов носит явно агитационный характер. Хорошо просматривается их цель — поднять боевой дух партизан. Этим объясняются сквозные мотивы — призыв бойцов к ответственности, напоминание им о партизанской бдительности, обличение фашистских захватчиков.

Композиция журнала традиционна. Его открывает программная статья, в которой говорится о решении X сессии Верховного Совета СССР, прославляется «светлый гений» товарища Сталина. В той же высокой тональности написаны размещенные на страницах журнала «Клятва партизан» и заметка комиссара батальона Полякова «Молодой партизан!». «Я, гражданин Великого Советского Союза, верный сын героического народа, красный партизан, даю партизанскую клятву перед своими боевыми товарищами — красными партизанами, что буду смел, дисциплинирован, решителен и беспощаден к врагам, не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен», — так начинается «Клятва партизан» (Л. 3). Ее назидательный характер формирует образ идеального бойца и в то же время резко отрицательный образ врага.

Тематически к «Клятве...» примыкает статья «Строго храните военную тайну», стиль которой ориентирован на разговорную речь. Общие напоминания о большевистской бдительности сопровождаются здесь частными зарисовками. «Есть примеры, что некоторые партизаны доверяют очень много женскому персоналу, а иногда любят хвастнуть, что вот, мол, мы кто, и знай наших. Наоборот, каждый из нас должен твердо помнить, что доверять сведения военного характера мы не имеем права никому, даже самым близким друзьям» (Л. 8). Автор заметки, скрывающийся за инициалами А. К., резко противопоставляет образы храбрых партизан и немецких оккупантов, которые «не останавливаются ни перед какой подлостью, чтобы получить сведения о партизанах, потому что партизаны стоят у него поперек горла, не дают ему спокойно грабить <...> народ» (Л. 8).

1 Литературный музей Смоленского государственного университета. Ф. 39. П. 2. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1–10. Далее ссылки на листы архивного документа приводятся в тексте статьи после цитат.

В разделе «Обзор батальонной печати» рассказывается только о героически проявивших себя товарищах. Отдельные критические замечания можно встретить в статьях отчетного характера («О работе парторганизации», «О работе комсомола», «О сохранении оружия и боеприпасов» и пр.), которые образуют отдельный тематический блок. Но из них мы узнаем прежде всего об успехах партизанского батальона.

Возможно, столь мажорный настрой ответственного редактора А. Коробова и авторов статей, не все имена которых указаны, объясняется тем, что данный выпуск был приурочен к празднованию 1 мая — Международного дня солидарности трудящихся.

Несмотря на то, что в целом батальонный журнал носит официальный характер, на его страницах нашлось место партизанской поэзии. С филологической точки зрения эти тексты слабые, написаны с ошибками. Но в них звучит уверенность в победе! Приведем отрывок из стихотворения А. Коробова «Русь»¹:

Руси — народы всех веков
Патриотизмом славны.
Мы беспощадны, для врагов,
Но хлебосольны с равным.

Гостеприимен наш народ
Друзей мы уважаем.
А кто на Русь с мечом идет,
Того мечом встречаем.

Никто Руси не побеждал,
Тому в веках примеры
И опыт наш в боях не мал
И люди наши смелы. <...> (Л. 5).

Обращение автора к истории Древней Руси, к ее боевым традициям вызвано желанием провести параллель между прошлым и настоящим России, территория и богатства которой всегда искушали недружелюбных соседей, пытавшихся ее поработить. Обобщенный образ патриотичного, гостеприимного и, главное, непобедимого русского народа, история которого насчитывает несколько веков, призван вселить в бойцов веру в неизбежный успех.

1 Сохранена орфография и пунктуация подлинника.

Рядом со столь пафосным стихотворением размещена «Первомайская песенка Гитлера», написанная А. К. в традициях народных частушек:

Трудно жить в Европе стало,
Прямо ходу не дают.
Что им места, что ли мало
Где не сунуть всюду бьют (Л. 5).

Смысл текста уточняется размещенной рядом цветной карандашной иллюстрацией с метафорическим названием «Весна! Открывается первая рама». На ней изображен советский солдат, прикладом разбивающий стекло (возможно, зеркало) в роскошной раме. Изображение гротескно. Под ногами солдата изображена карта южных границ Советского Союза. Он одной ногой стоит в Крыму, а второй уже на территории Румынии, название которой нанесено на разбиваемом стекле (зеркале).

Задорная тональность четверостишия тем не менее тоже отвечает общему духу журнала, в котором органично соединяются статьи и заметки разных жанров.

Таким образом, сравнение двух периодических изданий партизанской прессы, созданных непрофессиональными журналистами в боевых условиях, позволяет сделать вывод о разных стратегических задачах, которые они выполняли. Батальонный журнал заботился о боевом настроении партизан, поэтому в нем сделан акцент на достижениях руководства страны, преимуществах Красной армии перед захватчиками, а также на обличении врагов. «Боевой листок», напротив, посвящен частным вопросам тактики ведения боя. В результате оба издания удачно дополняли друг друга, помогая бойцам партизанских подразделений в невыносимо трудных обстоятельствах сражаться с опасным противником.

И. Б. Красильников

Разрушение советской системы образования и культуры (на материалах Смоленской области)

Аннотация: В статье предпринята попытка раскрыть масштабы того ущерба, который нанесла немецкая оккупация системе образования и культуры Смоленской области. На основе архивных материалов автор приходит к выводу, что наша область была одной из самых пострадавших в годы Великой Отечественной войны.

К началу войны в Смоленской области существовала развитая структура образовательных и культурно-просветительных учреждений. Она охватывала все стороны процесса создания новой, социалистической культуры: ликвидацию неграмотности, осуществление всеобщего начального образования, переход к всеобщему семилетнему образованию, подготовку квалифицированных рабочих в системе профессионального обучения, создание рабоче-крестьянской интеллигенции через сеть высших и средних специальных учебных заведений, радиофикацию и кинофикацию, организацию разветвлённой сети библиотек, Домов культуры и клубов, театров и музеев, развитие художественной самодеятельности и т.д.

Представление о школьной сети Смоленской области в 1940/1941 учебном году даёт таблица.

Школьная сеть Смоленской области в 1940/1941 учебном году¹.

	Всего школ	Средних школ	Семилетних школ	Начальных школ	Учащихся
Смоленская область в границах 1940 года	3327	253 — 7,6%	864 — 26%	2210 — 66,4%	535660
Смоленская область в современных границах	2356	180 — 7,6%	656 — 27,9%	1520 — 64,5%	424400

1 Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 2355. Оп. 3. Д. 19. Л. 1; Д. 39. Л. 3.

Смоленская область была типичной в РСФСР. В 1940 году в области действовало 12 специальных школ, в которых обучалось 2610 учащихся¹. Существовали на Смоленщине и детские дома. В 1940 году в 45 детдомах содержалось 4520 воспитанников². Широкое распространение получили детские сады и ясли. В 1940 году работало 150 яслей на 5331 койку³. Кроме 58 детских садов Наркомпроса на 3873 ребёнка, действовали 59 ведомственных садов на 2900 мест⁴. В области работали 3 музыкальные школы. В 1940/41 году в них обучалось 354 учащихся⁵. Кроме детских школ, на Смоленщине существовали школы взрослых. Только в самом Смоленске насчитывалось 7 вечерних и 1 заочная школа⁶. В Рославле находилось 2 школы, 1 школа работала в Ярцеве.

Большая сеть школ требовала значительного числа учителей. В 1940/1941 году в области (в современных границах) работало 14308 учителей⁷. Если считать учителей в школах области в границах 1941 года, то их число увеличивается до 19,5 тыс.⁸. Проблему кадров решали несколькими способами. Важную роль играл созданный ещё в 1929 году (а затем воссозданный в 1933-м) Западный институт повышения квалификации народного образования (ИПКНО). Он располагал собственным двухэтажным зданием. В его состав входило 13 учебно-методических кабинетов. Ежегодно на курсах занималось 4000–4500 учителей. Кроме организации курсов, работники института участвовали в инспекторских проверках школ, изучали и обобщали опыт лучших учителей⁹.

В 1940 году в Смоленской области, как и по всей стране, стали создавать школы ФЗО и ремесленные училища. До этого в области существовало 17 школ ФЗУ, где обучалось 2,3 тыс. человек¹⁰. Всего в области было создано 29 учебных заведений по подготовке тру-

1 Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 2355. Оп. 3. Д. 48. Л. 2.

2 Там же. Д. 104. Л. 8, Д. 39. Л. 9.

3 Попов Д. М. Пять лет со дня освобождения Смоленской области от немецко-фашистских захватчиков. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1948. С. 9

4 ГАСО. Ф. 2355. Оп. 3. Д. 34. Л. 1.

5 Там же. Ф. 3098. Оп. 2. Д. 4. Л. 9.

6 Злобин И. А. Смоленск 1939 года (статистические данные) // Победы социализма. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1939. С. 101.

7 ГАСО. Ф. 2355. Оп. 3. Д. 39. Л. 3.

8 Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 5. Оп. 5. Д. 12. Л. 115.

9 ГАСО. Ф. 3286. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

10 Зорохович Я., Болотин И. О государственных трудовых резервах. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1940. С. 20.

довых резервов: 5 ремесленных и 2 железнодорожных училища (2000 учащихся), 22 школы ФЗО (6100 учащихся). 11 школ готовили плотников, ещё 9 — каменщиков. Всего в систему трудовых резервов страны было призвано более 20 тыс. человек (10,5% молодёжи в возрасте от 14 до 17 лет). Развивалась в области и система средних специальных учебных заведений. Всего в области перед войной их насчитывалось 49: 21 фельдшерско-акушерская школа, 9 сельскохозяйственных, 3 индустриальных, по одному финансово-экономическому, кооперативному, библиотечному и физкультурному техникуму, а также 12 педагогических училищ, включая 2 по подготовке воспитателей дошкольных учреждений¹. Только в педагогических училищах насчитывалось 2610 учащихся². В современных границах области находилось 40 средних специальных учебных заведений, в которых обучалось 10300 студентов³.

Высших учебных заведений в области насчитывалось 8. В них обучалось более 10 тыс. студентов⁴. Большинство вузов находилось в Смоленске — 6. Крупнейшими из них являлись педагогический и медицинский институты. Остальные вузы были небольшими. В Вязьме и Дорогобуже в 1940 году были открыты учительские институты, они создавались на базе местных педучилищ. В Вяземском институте имелось 2 факультета. На очном отделении обучалось 200 человек и на заочном 513⁵. Создание учительских институтов, готовивших кадры для семилетних школ, являлось частью подготовки к введению всеобщего семилетнего образования, которая намечалась на начало 1940-х годов.

На Смоленщине действовало несколько научно-исследовательских центров. Особое место занимал Смоленский краеведческий научно-исследовательский институт, созданный ещё в 1930 году. В его составе действовало 9 секций⁶. В 1932 году возникла Смоленская научно-исследовательская ветеринарная зональная станция. Перед войной она имела уже собственное здание, штат работников составлял 64 человека⁷.

1 Степанов. П. И. Преображённая Октябрьём. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1961. С. 375.

2 ГАСО. Ф. 2355. Оп. 3. Д. 21. Л. 71.

3 Народное хозяйство Смоленской области. Статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1963. С. 204.

4 Попов Д. М. Указ. соч. С. 8.

5 ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 697. Л. 44.

6 Сборник научных работ, посвящённых 25-летию СКНИИ. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1957. С. 4.

7 Ветеринария Смоленщины. Очерки истории ветеринарной службы Смоленской области. Смоленск: СМБПХЛ, 1997. С. 16.

За годы первых пятилеток на Смоленщине была создана сеть культурно-просветительных учреждений. Основными культурными центрами на селе были избы-читальни. Всего их насчитывалось в области 1212 (в новых границах 856)¹. В 1930-е годы быстро развивалась самодеятельность. Если в 1935 году в области было только 511 кружков самодеятельности², то уже в 1939 году в 1200 кружках принимало участие свыше 20 тыс. человек³. Значительную помощь в организации художественной самодеятельности оказывал Дом народного творчества. В области работало 1085 библиотек, в которых насчитывалось 1920 тыс. экземпляров книг (в старых границах — 1465 библиотек). Клубов в области было 2070. В 236 клубах были киноустановки. Только в государственной сети в 1940 году находилось 184 киноустановки (29 стационарных и 155 передвижек). Перед войной в области действовало 5 театров (в Смоленске, Рославле, Вязьме и 2 колхозно-совхозных). Особое место занимал Смоленский театр, в нём работало 216 человек⁴. Все театры имели собственные здания. Наряду с советскими пьесами большое место занимали классические произведения. Театры много гастролировали. На Смоленщине работало 8 музеев. Крупнейшим являлся Смоленский областной краеведческий музей. В 1941 году он располагал 65148 экспонатами и состоял из 9 экспозиций, в штате музея работали 99 сотрудников⁵.

В области развивалось радиовещание. Всего было зарегистрировано около 50 тыс. точек, в том числе 10 тыс. на селе. В 14 районах области имелось своё собственное вещание⁶. На Смоленщине издавались 4 областные, 54 районные газеты, 4 городские многотиражки. В Смоленске действовали отделения союза писателей и союза художников. Ежегодно проводились выставки, пользовавшиеся большим успехом⁷.

Как и повсюду в стране, на Смоленщине происходят значительные перемены в менталитете людей. До революции в области существовали сотни храмов, принадлежавших различным конфессиям. Так, в Велиже было 14 православных церквей, костёл, 6 часовен, 9 синагог⁸. В Вязьме насчитывалось 28 церквей, в Демидове 8 и т.д.⁹

1 ГАСО. Ф. 2361. Оп. 1. Д. 300. Л. 67.

2 Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2457. Л. 2.

3 Власов С. В. Указ. соч. С. 89.

4 ГАСО. Ф. 3098. Оп. 2. Д. 8. Л. 70.

5 Смоленский областной краеведческий музей // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1952. Вып. 1. С. 442.

6 ГАСО. Ф. 3574. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

7 Художники земли Смоленской. Л.: Художник РСФСР, 1967. С. 93.

8 Из истории Велижа и района. Смоленск, 2002. С. 134; ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 5. Л. 91.

9 ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 16. Л. 18, 27.

В 1930-е годы почти все храмы были закрыты. Большинство священнослужителей было репрессировано. В Смоленске в 1941 году остался только один действующий храм — кладбищенская церковь Спаса Нерукотворного на Окопах, но службы в ней не было, так как священник был арестован и сослан¹. Часть храмов использовалась под музеи, склады, клубы.

Великая Отечественная война прервала мирный труд советского народа. Свыше 100 тыс. (в течении первого месяца войны. — *Прим. ред.*) жителей области ушли на фронт, ещё 50 тыс. работали на строительстве оборонительных сооружений. Города области подвергались воздушным ударам. Так, в ночь с 28 на 29 июня была почти полностью разрушена центральная часть Смоленска. Пожаром было уничтожено здание филармонии². Быстро продвигаясь вперёд, немецкие войска уже 13 июля вступили на территорию области. Таким образом, Смоленщина очень быстро стала фронтовой. Это поставило на повестку дня вопрос об эвакуации населения и производительных сил из прифронтовой полосы. Уже 24 июня был создан Совет по эвакуации при Совнаркоме СССР. Его председателем был Л. М. Каганович, а затем Н. М. Шверник. На местах — в республиках, краях и областях — создавались специальные комитеты по эвакуации. В Смоленской области состав комитета был утверждён решением бюро обкома ВКП(б) и облисполкома от 8 июля 1941 года. Главой комитета стал зампредоблисполкома А. Г. Соколов. 11 июля облисполком принял решение № 2237 «Об эвакуации и создании эвакуопунктов»³.

В условиях временной стабилизации фронта (август-сентябрь) областное руководство перебралось в Вязьму. Здесь продолжала выходить газета «Рабочий путь».

В то же время надо отметить, что в некоторых районах местные власти растерялись и фактически бросили население на произвол судьбы. При приближении немцев многие руководители просто бежали на восток. Иногда это касалось даже тех чиновников, которые должны были остаться для организации подпольной и партизанской работы в Новодугинском, Тумановском, Шумячском, Стодолищен-

1 Меньшагин Б. Г. Воспоминания. Смоленск...Катынь...Владимирская тюрьма... Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1988. С. 203.

2 ГАСО. Ф. 3098. Оп. 2. Д. 4. Л. 3.

3 Кононов В. А. Эвакуация населения и материальных ценностей с территории Смоленской области в июле-сентябре 1941 года // Смоленское сражение 1941 года. Хроника, события. Судьбы. Смоленский государственный музей-заповедник. Смоленск, 2001. С. 147.

ском и Екимовичском районах¹. Многие избы-читальни были закрыты на замок². В этих условиях единственным источником информации становились слухи.

2 октября 1941 года немецкие войска, в полосе советских Западного и Резервного фронтов начали операцию «Тайфун» и 12 октября полностью оккупировали территорию Смоленщины. Областное партийное и советское руководство перебралось в Москву. В силу ряда причин на оккупированной территории области осталось более 1,5 млн. человек, в том числе не менее 100 тыс. в городах. Этим людям предстоял новый этап — жизнь и деятельность в условиях немецкой оккупации.

Однако в декабре 1941 года в ходе контрнаступления под Москвой началось освобождение Смоленской области, но окончательно область (западная часть Пониозовского района) была освобождена только 5 октября 1943 года. Таким образом, освобождение растянулось на 21 месяц. Можно выделить несколько этапов освобождения области.

1 этап занимает период с декабря 1941 по апрель 1942 года. В этот период было освобождено 16 юго-восточных районов полностью (в том числе: Дзержинский, Козельский, Сухиничский, Медынский, Ильинский, Мещёвский), ещё 16 юго-восточных и северо-западных районов частично. Всего освобождено 20% довоенной территории области. Оккупация здесь продолжалась, таким образом, 3–6 месяцев³. (В современных границах в этот период были частично освобождены 6 районов — около 5тысяч квадратных километров или 10% территории области).

2 этап освобождения: осень 1942 года — март 1943 года. В этот период были освобождены 7 восточных и 9 северо-западных районов (в том числе Гжатский, Кармановский, Сычёвский, Андреевский, Вяземский, Тёмкинский, Издешковский, Вхходский, Духовщинский, Дорогобужский, Пречистенский, Холм-Жирковский, Батурицкий). Оккупация здесь продолжалась 17–18 месяцев. (В современных границах полностью очищены 11 районов — около 19 тысяч квадратных километров территории. Таким образом, к лету 1943 года было освобождено почти половина области в современных границах).

3 этап освобождения: лето — осень 1943 года. В этот период освобождены остальные 27 районов (среди них — Смоленский, Карды-

1 Курбатова П. И. Смоленская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1958. С. 58.

2 ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 697. Л. 105.

3 Кубраков Н. Д. Борьба Смоленской парторганизации за восстановление сельского хозяйства в период Великой Отечественной войны. Смоленск: СГПИ. 1961. С. 6.

мовский, Починковский, Монастырщинский, Рославльский, Хиславичский, Стодолиценский, Краснинский, Ершичский, Шумячский). Оккупация продолжалась 25–26 месяцев¹.

Кроме того, по территории области проходила линия фронта, другим не менее важным фактором, повлиявшим на степень разрушения хозяйства, стало распространение партизанского движения. На территории области весной — летом 1942 года было образовано три партизанских края: Дорогобужский, Вадинский и Северо-Западный. Партизаны полностью или частично освободили в тот период территорию 21 района². Однако летом-осенью того же 1942 года фашисты ликвидировали партизанские территории. В результате карательных операций были уничтожены сотни деревень. Только «огненных» деревень, т.е. таких, всё население которых было уничтожено, а сама деревня сожжена, насчитывается более 200. Всего на территории области было уничтожено 250 тысяч домов колхозников. Часть населения бежала из партизанских районов в другие места. Так, за время оккупации количество дворов в группе западных и южных районов области даже увеличилось за счёт внутриобластной миграции³.

Смоленская область может считаться одной из наиболее пострадавших территорий Российской Федерации. Смоленская областная чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников была создана 12 марта 1943 года. В состав областной комиссии вошли: первый секретарь обкома ВКП (б) Д. М. Попов (председатель), председатель исполкома областного Совета депутатов трудящихся Р. Е. Мельников (зам. председателя), начальник УНКВД по Смоленской области П. П. Кондаков, работник облплана Я. С. Зорохович, работник облисполкома В. В. Неудахин и работник обкома партии М. М. Бландовский⁴. В городах и районах области работало 20629 местных комиссий, где было занято 90965 человек. Местные комиссии предоставили в распоряжение ГЧК 134382 акта по ущербу, причинённому оккупантами хозяйству области, и 2628 актов и протоколов свидетелей о совершённых злодеяниях.

1 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 8. Д. 623. Л. 1.

2 Живет в веках твой подвиг благородный. Героические страницы истории Смоленского края. М.: Московский рабочий. 1967. С. 257.

3 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 623. Л. 2.

4 Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 5. Д. 368. Л. 127.

Обработкой этих материалов в областной комиссии занималось 192 специалиста, которые подготовили к 25 января 1945 года докладную записку Смоленской областной комиссии и справку «Об ущербе, причинённом фашистскими захватчиками народному хозяйству области»¹.

Ущерб, нанесённый оккупантами народному хозяйству Смоленской области, был исчислен в сумму — 41 008 111 300 рублей². Это больше, чем в соседних областях. Так, в Калининской области ущерб составил 26,7 млрд. руб., а в Калужской — 16 млрд. рублей³. При этом указывалось, что данные по Смоленской области приводятся в старых границах. Очень важным фактором стал тот, что ущерб государственным предприятиям и колхозам исчислялся в государственных ценах, а ущерб личному имуществу граждан в рыночных ценах. Отдельно был выделен ущерб учреждениям образования и культуры. Всего по области разрушено:

- школ: 2425;
- специальных зданий детских учреждений: 96;
- клубов в городах и на предприятиях: 440⁴.

Общий ущерб, нанесённый учреждениям культуры и здравоохранения области, составляет около 41 миллиона рублей.⁵ Есть правда и другие цифры, определяющие размер ущерба. Так, один из членов областной чрезвычайной комиссии Я. С. Зорохович считает, что общий ущерб области составляет 34 млрд. рублей (очевидно, это ущерб в новых границах 1944 года), а ущерб учреждениям культуры и здравоохранения соответственно 640 млн. рублей⁶. На взгляд автора, это более точные данные. В соседней Калининской области сожжено и разрушено 1394 школы, 236 клубов и театров, 14 музеев, 122 дет-

1 Смоленская область в годы Великой отечественной войны. Документы и материалы. М.: Московский рабочий. 1977. С. 444–445.

2 Там же. С. 332.

3 Шуляков В. А. Деятельность местных органов Советской власти на освобождённой от немецко-фашистской оккупации территории в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 гг.). (На материалах Смоленской, Калининской и Калужской областей). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Смоленск. 1978. С. 30.

4 Там же. С. 336.

5 Смоленская область (Очерки экономической географии) Смоленск: Смоленское книжное издательство. 1959. С. 55.

6 Зорохович Я. С. Смоленская область (очерк экономики). Смоленск: Смоленское книжное издательство. 1948. С. 118.

ских учреждения¹. А в Калужской области — 775 школ, 518 изб-читален, 43 Дома культуры, 62 библиотеки, 30 детских учреждений².

Одна из проблем учёта ущерба в Смоленской области состоит в изменении её границ в 1944 году. Учёт многих показателей в данном случае был очень затруднён. В связи с вышеизложенным, можно выделить на территории области три группы районов.

Так, в группе юго-восточных районов осталось 55,5% довоенного населения и 81,7% хозяйств³. Негативным фактором здесь, как уже указывалось, был тот, что некоторые территории долгое время находились вблизи линии фронта. Население временно отселалось во внутренние районы. Некоторые населённые пункты подвергались артиллерийскому обстрелу. Так, в Козельском районе было уничтожено 7 сёл⁴. В Дунинском сельсовете (Медынский район) из 238 домов было сожжено 219. Большинство деревень было уничтожено в Степановском сельсовете того же района⁵. Одновременно в эту группу входят такие районы, как Барятинский, Думиничский и Кировский. Они долгое время находились вблизи линии фронта, в результате в них уцелело менее ¼ населения. В частности, в Думиничской районе осталось всего 16,6% (меньше всего в области). Это сдерживало восстановление. Тем не менее, в данной группе районов последствия оккупации были ликвидированы относительно быстро. Так, в Дзержинском, Козельском, Сухиничском районах сохранилось ¾ населения, в Ильинском и Медынском — 4/5, а Мещёвский район уже к осени 1943 года практически восстановил довоенную численность. Эта группа районов могла стать базой для восстановления области в целом, но в 1944 году эти административные единицы были переданы в Калужскую область.

Вторую группу составили центральные и восточные районы. Здесь долго находился фронт, было сильно развито партизанское движение. В Сычёвском районе фашисты сожгли 5239 домов колхозников⁶. В Знаменском районе было уничтожено более половины населённых пунктов. В самом райцентре после освобождения осталось только

1 Страницы народного подвига: (Калининская область в годы Великой Отечественной войны). М., 1974. С. 145.

2 Когда бушуют грозы. Калужская область в Великой Отечественной войне. Тула: Приокское книжное издательство, 1967. С. 129.

3 Зорохович Я. С. С. Указ. соч. С. 118.

4 Анисимов Н. Н., Сорокин В. Н. Козельск. Тула: Приокское книжное издательство. 1967. С. 145.

5 Якушева Т. И. Медынь. Тула: Приокское книжное издательство. 1974. С. 91.

6 ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 13. Л. 38.

7 домов. В Андреевском районе уничтожено 3844 дома, в Тумановском районе — 2037¹. В ряде районов были уничтожены целые сельсоветы. Так, в Батурином районе полностью сожжено 87 деревень, целиком опустошены Старосельский, Фрольцевский и Мало-Фоменковский сельсоветы. Во Всадском районе из 189 деревень полностью сожжено 124 и частично 46. В Гжатском районе опустошены целиком 7 сельсоветов: Акатовский, Батюшковский, Варгановский, Костровский, Коробкинский, Астаховский, Никольский. В Вяземском районе сожжено 118 деревень. В Глинковском районе гитлеровцами было полностью уничтожено 75 деревень, на территории семи сельсоветов не осталось ни одного населённого пункта². В Дорогобужском районе полностью уничтожены 6 сельсоветов, в Ельнинском, в Сычёвском, в Ярцевском районах — по 4 сельсовета³. В целом здесь осталось примерно половина населения и 71,2% хозяйств⁴. К осени 1943 года только в Вяземском и Новодугинском районах численность населения превысила $\frac{3}{4}$ довоенного. В то же время в Ярцевском и Сафоновском районах она была менее $\frac{1}{4}$, в Батурином, Всадском и Духовщинском районах осталось около $\frac{1}{3}$, а в остальных районах этой группы около половины населения.

Третью группу составляют западные и южные районы. Здесь сохранилось $\frac{3}{4}$ населения, а число дворов даже увеличилось (102% к довоенному уровню). Немцы здесь проводили особую политику. Население в течение почти трёх лет вело индивидуальное хозяйство. Линия фронта здесь долго не задерживалась, партизанское движение получило развитие только в некоторых районах. Быстрое отступление немцев также не позволило им разрушить данные районы. В Монастырщинском районе 11 деревень были сожжены полностью, 23 деревни сожжены наполовину, а всего в районе было сожжено 1835 домов⁵. Осенью 1943 года только в Ершицком и Пониловском районах (т.е. партизанской зоне) численность населения была менее половины от довоенной. В остальных районах она была больше. Причём в Рославльском и Починковском почти 70%, а в Монастырщинском и Хиславичском районах около 80% от довоенного уровня. В то же время надо отметить, что убыль населения здесь происходи-

1 Там же. Л. 54, 77.

2 Курбатова П. И. Смоленская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Смоленское книжное издательство. 1958. С. 110.

3 Зорохович Я. С. Указ. соч. С. 119–120.

4 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 623. Л. 2.

5 В бассейне Вихры. Очерки истории сёл и деревень Монастырщинского района. Смоленск: Смядынь. 1993. С. 299.

ла и за счёт тех, кто ушёл с немцами. Так, в Починковском районе, по данным К. Г. Маркевича, за время оккупации погибло около 700 человек, было угнано в Германию 953 человека, а добровольно уехало при отступлении немцев — 561. Причём в самом городе Починке погибло 64, угнано 37 и 66 — уехали добровольно с отступающими немецкими войсками¹.

Степень разрушения различных районов области стала понятной, конечно же, не сразу, но в целом она оказала большое влияние на дальнейшее развитие Смоленской области.

1 Маркевич К. Г. Город Починок и Починковский район в 1939–1945 годах. Смоленск. 2000. С. 49–50.

К. Ю. Курошева

Органы местной власти Смоленской области в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — сентябрь 1943 гг.)

Аннотация: В статье рассматривается роль органов власти Смоленской области в годы Великой Отечественной войны. Анализируются мероприятия партийного подполья, направленные на борьбу с врагом и раскрываются недостатки их работы.

Великая Отечественная война потребовала глубокой перестройки государственной системы власти с целью обеспечения обороноспособности страны.

Все недостатки предвоенной работы местных органов власти ярко проявились во время войны. В деятельности Советов господствовали приказные способы управления и принципы единоначалия. В исполкомах, роль которых значительно возросла, все решения принимались опросом. Местное руководство в трудное военное время в короткие сроки сумело перестроить свою работу на военный лад, что сыграло положительную роль в укреплении обороноспособности страны [3, С. 55].

В советской государственной структуре существовало «двоевластие», которое проявлялось в дублировании деятельности советских и партийных органов власти. Это давало резерв подготовленных чиновников, но вместе с тем в сложных ситуациях нужно было четко распределить их полномочия и степень подчиненности. В начале войны эта проблема была решена с помощью формирования новых государственных органов, которые четко распределили все обязанности и зоны ответственности для всех элементов вертикали власти СССР [4, С. 156].

30 июня 1941 г. в целях быстрой мобилизации всех сил на борьбу с врагом был создан Государственный Комитет Обороны (ГКО), который сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Все постановления ГКО имели силу законов военного времени. Также были созданы Комитет по учету и распределению рабочей силы, Совет по эвакуации и т. п.

Все эти меры нашли отражение и на территории Смоленской области, в которой шла перестройка работы органов власти на военный лад. Перестройка началась с перераспределения партийных кадров. Обкомы, горкомы и райкомы партии Смоленской области в самом начале войны послали в Красную армию около 11 тыс. коммунистов [8, С. 256].

Большое значение придавалось установлению в советских и партийных органах строгой дисциплины и военного порядка. Обком ВКП(б), а вместе с ним горкомы и райкомы партии стали похожи на подлинные боевые штабы. Все партийные и советские органы перешли на круглосуточную работу. Для наиболее эффективного руководства все решения о выполнении важнейших указов рассматривали и принимали совместные заседания обкома и облисполкома, а ответственность за их выполнение распределяли между их руководителями [7, С. 145].

Большую роль в обеспечении эффективного государственного руководства сыграло постановление «Об упорядочении работы обкома ВКП(б) и исполкома», которое было принято 5 августа 1941 г. на совместном заседании обкома и облисполкома. К этому времени западные районы Смоленской области были оккупированы и областные органы власти были перемещены в Вязьму [6, с.198].

На основании этого постановления для усиления руководства районами областным комитетом партии было создано семь оперативных групп, состоящих из работников обкома и облисполкома, которые распределили все функции между собой. Эти группы возглавлялись секретарями обкома ВКП(б) и руководящими работниками облисполкома. Все вопросы, которые были связаны с оказанием фронту помощи, решались быстро и оперативно [5, С. 88].

Среди направлений работы местных органов власти до периода полной оккупации области наиболее пристальное внимание уделялась вопросам мобилизации военнообязанного населения и эвакуации людей и материальных ценностей вглубь страны [3, С. 123].

Местным органам власти Смоленской области во время начального периода войны приходилось решать массу важнейших вопросов, которые ранее не входили в их компетенцию (обеспечение продовольствием Красной армии, эвакуация и т. д.). Одновременно, с увеличением функций органов, происходило сокращение партийно-государственного аппарата области. Обкомом ВКП(б) проводилась большая работа по подбору и выдвижению кадров на руководящие должности тех, кто проявил себя с положительной стороны. Наиболее острой была проблема нехватки руководящих кадров. Решить эту

задачу удалось за счет низовых советско-партийных организаций. В условия войны помог и опыт выдвигенческой работы, который осуществлялся в 1920–1930-е гг. Несмотря на отсутствие у этих людей управленческого опыта, выдвигенчество сыграло положительную роль [1, Л. 77].

Таким образом, в предоккупационный период органы власти Смоленской области предприняли меры для подготовки структуры, которая должна была организовать и обеспечить борьбу с врагом в оккупированных районах Смоленщины. Главными элементами структуры стали заранее сформированные партизанские отряды, подпольные комитеты ВКП(б) и ВЛКСМ. Для осуществления деятельности этой структуры и ее продвижения в захваченных районах области был оставлен значительный кадровый ресурс, важное место в котором занимали коммунисты и комсомольцы. В январе 1942 г. на территории Смоленской области, оккупированной гитлеровскими захватчиками, оставалось около 3060 членов и кандидатов в члены ВКП(б), а также около 20 тыс. комсомольцев [2, Л. 42].

В деятельности органов власти Смоленской области в первые месяцы войны можно выделить три этапа, определявшихся изменением хода военных задач, которые выдвигались на первый план.

До 13 июля, когда область еще не стала фронтовой, на первый план в деятельности советских и партийных органов вышла мобилизация всех ресурсов для нужд армии, перестройка всей своей работы на военной лад.

Вместе с проведением мобилизации партийные организации большое внимание уделяли и формированию истребительных батальонов, строительству оборонительных сооружений, эвакуации, помощи в снабжении Красной армии [6, С. 34].

С 13 июля начались военные действия в южных и западных районах области. На этом этапе важное значение имели вопросы, которые связаны с организацией отпора немецкой армии, ворвавшейся на территорию Смоленской области. Главной задачей было во что бы то ни стало «приостановить продвижение противника на подступах к городу Смоленску, не пустить его дальше в глубь страны... не оставить ничего из материальных ценностей противнику в занимаемых им районах и городах, уничтожить все, что не успели вывезти» [7, С. 123].

Областная партийная организация провела большую работу по оказанию всей необходимой помощи оборонявшим Смоленск частям и соединениям. Активно шла эвакуация промышленного оборудования, материальных ценностей, населения.

Начало создаваться партийное подполье. Еще 6 июля было созвано первое совещание по вопросу его создания. В совещании участвовали секретари обкома партии Ф. И. Крылов, З. Ф. Слайковский, В. И. Иванов, С. А. Деньгин и Д. М. Попов. Было решено в каждом районе области организовать подпольный партийный комитет, сформировать партизанские отряды, создать тайные продовольственные базы [7, С. 131].

Участник совещания Ф. И. Крылов пишет: «На первых порах нам было поручено вызвать в Смоленск первых секретарей райкомов ВКП(б) и рассказать им, как конкретно, практически создать подпольную парторганизацию в районе и готовить партизанские группы, создавать базы для партизанских отрядов. Мне лично удалось побеседовать со всеми секретарями райкомов ВКП(б)» [1, Л. 78].

Сразу же после совещания секретари обкома и ответственные партийные работники разъехались по районам. Вместе с ними выехали 16 инструкторов-организаторов, которых прислали из ЦК ВКП(б). На местах были проведены совещания первых секретарей райкомов, председателей райисполкомов и начальников районных отделений милиции, на которых обсуждались вопросы по созданию подполья.

Партийное подполье вначале создавалось по принципу пятерок, строго законспирированных. В пятерку входили проверенные малоизвестные в районе коммунисты. Во главе их, в целях конспирации, ставились люди из руководящего состава другой районной партийной организации. Такие группы были созданы в Монастырщинском, Починковском, Рославльском, Руднянском и других районах области. Схема эта, однако, себя не оправдала. Жизнь сразу же показала, что люди, плохо знавшие район и его население, терялись в сложной обстановке [8, С. 189].

Местные органы власти Смоленской области до последней возможности осуществляли управление. 4 октября 1941 г. состоялось последнее совместное заседание обкома с облисполкомом. 6 октября, когда немецкие войска начали захватывать окраины Вязьмы, председатели облисполкома и обкома партии покинули город. Смоленский партийно-советский актив сумел избежать окружения и влился в ряды Красной армии, в центральный аппарат и во властные структуры других областей и республик [8, С. 190].

12 октября 1941 г. всю территорию Смоленской области оккупировали немецкие захватчики.

С первых дней оккупации гитлеровской армией Смоленской области подпольные партийные комитеты развернули активную деятельность, они поднимали народ на вооруженную борьбу с врагом. Под-

польщикам пришлось преодолеть немало трудностей. Нужно было приобрести навыки подпольной деятельности, многому учиться заново. И коммунисты-подпольщики упорно учились конспиративной работе. Основными методами борьбы во время оккупации являлись: агитация, распространение сводок о положении на фронте и другой информации, террор против граждан, вставших на путь сотрудничества с захватчиками [8, С. 221].

Секретарь Духовщинского подпольного райкома ВКП(б) Цуранов в своих воспоминаниях рассказывает: «Иногда складывалась чрезвычайно сложная обстановка. Раньше при затруднениях мы обращались в вышестоящие организации, спрашивали совета и быстро получали указания. Теперь приходится большей частью самостоятельно принимать решения, проявлять максимум инициативы. В подполье не всегда предоставляется возможность посоветоваться с вышестоящим партийным центром» [8, С. 224].

В октябре 1941 г. за селом Желанье состоялось первое заседание подпольного райкома ВКП(б), на котором решался вопрос об организации борьбы с гитлеровскими захватчиками. Было принято решение собрать всех комсомольцев и коммунистов, которые остались в тылу врага, и взяться за создание подпольных партийных организаций. В сельские Советы были посланы уполномоченные подпольного райкома. За короткий срок ими было создано восемь подпольных партийных организаций [7, С. 187].

В начале ноября состоялось второе заседание подпольного райкома партии, на котором был утвержден районный штаб партизанского движения во главе с первым секретарем подпольного райкома ВКП(б) П. К. Шматовым.

Следует отметить, что большинство подпольных райкомов партии Смоленской области базировались в партизанских отрядах. Секретари и члены бюро райкомов, как правило, были командирами или комиссарами партизанских отрядов.

В Демидовском районе часть советского актива была объединена в отряд, возглавляемый Н. З. Колядой. Отряд был разделен на несколько групп, которые должны были вернуться в свои районы и начать создание партизанских отрядов [7, С. 189].

В Руднянском районе советский актив возглавил Е. Н. Мельников. Здесь коммунисты развернули массово-политическую работу среди населения. К началу 1942 г. в районе действовал партизанский отряд под командованием Н. А. Талерко.

В Краснинском, Касплянском, Духовщинском и Понизовском районах также действовали подпольные партизанские группы, офор-

мившиеся к 1942 г. в партизанские отряды, которые успешно вели вооруженную борьбу с врагом. В район Смоленска был заброшен диверсионный партизанский отряд имени Ленина под командованием М. С. Жуковского. В составе отряда была группа коммунистов, которые дали начало партийному подполью в городе [8, С. 229].

Обком ВКП(б) получал сотни заявлений от населения области с просьбой направить их участвовать в партизанской борьбе с противником. Просьбы большинства патриотов были удовлетворены.

Смоленским обкомом партии и политотделом Западной железной дороги были созданы подвижные партизанские отряды, что являлось новшеством в тактике партизанских действий. Можно сказать, что они даже предвосхитили тактику рейдирующих партизанских соединений, которая в последующем получит свое распространение [8, С. 230].

Руководство партизанским и подпольным движением осуществлял обком партии. Большую помощь ему оказывал Военный совет Западного фронта, при котором был создан отдел по работе среди частей Красной армии и партизанских отрядов, действующих в тылу врага, была установлена связь с обкомом партии «по вопросам подбора и подготовки партизанских кадров, по вопросам партийно-политической работы с действующими партизанскими отрядами» [3, С. 125].

Основным видом деятельности партийного подполья в первые месяцы войны было создание нелегальной сети партийных организаций, внедрение своих людей в аппарат оккупационных властей и организация партизанского движения.

В Дорогобужском районе подпольный райком партии сформировал партизанский отряд, который вскоре объединился с партизанским отрядом «Ураган». Всего в районе было создано около 20 подпольных партизанских групп, которыми руководили Б. М. Волин, Ф. Н. Деменков, А. Т. Калугин, С. В. Гришин и др. В декабре 1941 — январе 1942 гг. на базе этих групп были созданы партизанские отряды «Чайка», «Дедушка», «Дед», «Ураган», которые изгоняют оккупантов из района [7, С. 210].

Подпольные райкомы часто создавали нелегальные группы и организации из числа беспартийных патриотов. Например, в Духовщинском районе в 1942 г. была создана организация имени В. И. Ленина из беспартийных патриотов, насчитывавшая более 100 человек. Группы действовали на территории Духовщинского, Смоленского и Кардымовского районов [7, С. 211].

Партийное подполье функционировало не во всех районах области. В некоторых районах руководство партийного подполья было

уничтожено врагом еще в первые месяцы оккупации. Однако борьба развернулась и там. На смену погибшим пришли новые люди.

Ситуация изменилась с января 1942 г, когда началось освобождение территорий Смоленской области, восстанавливались аппараты обкома партии, ВЛКСМ и облисполкома. Сформировались райисполкомы, на территории сельских советов были проведены сессии и выборы председателей. Главной целью восстановленных органов являлось возобновление связи с подпольными райкомами и группами, а также активизация партизанского и подпольного движения [8, С. 231].

Сельские советы теперь стали решать и чисто военные задачи. Они занимались организацией строительства оборонительных сооружений и формированием групп самообороны, которые, как правило, возглавлялись председателями этих Советов.

Система Советов на территории области функционировала только в период освобождения района от немецких захватчиков.

Партийные органы, в отличие от Советов, действовали на Смоленщине и в период оккупации. С повторным захватом освобожденных территорий райкомы партии снова перешли на подпольную работу [8, С. 233].

Важно подчеркнуть, что руководство партийных и советских органов власти Смоленщины на освобожденной территории значительно отличалось от этих же органов предоккупационного периода. Кадровый состав практически не изменился, но это уже были люди, которые получили опыт ведения работы в подполье в условиях войны. Военная действительность провела отбор, произошел отсев предателей, слабых и неспособных. Взамен погибших в управленческий аппарат пришли новые силы [7, С. 222].

Во время второй оккупации (имеется в виду повторная оккупация территорий, освобожденных партизанами и частями регулярной Красной армии во вражеском тылу зимой 1942 г. в ходе Ржевско-Вяземской наступательной операции; освобожденные территории вошли в состав трех партизанских краев в границах Смоленской области. Летом 1942 г. партизанские края Смоленщины были разгромлены, а их территории повторно оккупированы — *Прим. ред.*) организация подполья претерпела изменения. Работа по пятеркам была прекращена в связи с тем, что она не оправдала ожиданий. Теперь костяк райкомов состоял из граждан, которые были оставлены на подпольной работе или присланы с Большой земли. Главным звеном райкома продолжало оставаться бюро райкома, на котором принимался план действий, обсуждалась полученная информация [8, С. 270].

Большинство партийно-советских работников, оставшихся на оккупированной территории, стойко и мужественно сражались с врагом. Многие из них погибли. Так, во вражеском тылу погибли 52 секретаря горкомов и райкомов и 24 председателя облизполкомов.

Важную роль для работы органов власти Смоленской области в период оккупации сыграли IX и X пленумы областного комитета партии. 16–17 апреля 1942 г. в Москве состоялся IX пленум областного комитета партии. На нем присутствовало большинство членов обкома, секретари подпольных райкомов. Первый секретарь обкома ВКП(б) Д. М. Попов выступил с докладом «О задачах областной партийной организации в Великой Отечественной войне». Были подведены итоги деятельности подпольщиков на территории Смоленской области. Пленум наметил конкретные задачи, направленные на дальнейшее повышение руководящей роли парторганизаций [8, С. 271].

В октябре 1942 г. в состоялся X пленум обкома партии в городе Кондрово. На первом плане стояли вопросы борьбы на оккупированных территориях Смоленщины.

Весной 1943 г. было освобождено около 60% территории области, на которых сразу же началось восстановление органов власти. Формирование и налаживание работы райисполкомов происходило в тяжелых условиях, поэтому местные органы приступили к своей работе спустя определенное время после восстановления. В освобожденные районы приезжали председатели облизполкома и обкома для оказания помощи в восстановлении органов. Весной 1943 г. на освобожденных от оккупантов территориях были проведены выборы в местные Советы [7, С. 224].

В сентябре 1943 г. стало ясно, что Смоленская область в скором времени будет освобождена полностью. Исполкомом областного Совета было принято решение «О первоочередных мероприятиях райисполкомов в освобожденных от немецких оккупантов районах Смоленской области». Согласно решению, райисполкомы первым делом должны были заняться восстановлением сельских Советов, провести сессии, выявить живущих на местах депутатов, избрать исполкомы Советов [8, С. 227].

25 сентября 1943 г. Смоленск был освобожден от немецких захватчиков. Уже к зиме 1943–1944 гг. органы власти Смоленской области были восстановлены почти на всей территории региона. Во всех районах возобновлена деятельность райкомов, создано 676 первичных партийных организаций [8, С. 230].

Большую помощь в формировании властных структур области оказали правительство и центральные партийные органы. За короткий

срок в область из других районов СССР было направлено на партийно-советскую работу около 948 коммунистов и 1500 беспартийных чиновников.

Таким образом, в военное время деятельность органов власти Смоленской области подверглась реорганизации. Перестройка работы Советов на военный лад позволила оперативно решать сложные военные задачи. Военные методы руководства остались и в послевоенный период. В последующем, после окончания войны, это приведет к централизации управления и господству административно-директивного способа решения всех важнейших вопросов.

Подпольные партийные организации героически выполняли поставленные перед ними задачи, успешно руководили партизанскими отрядами. В начале военных действий они терпели неудачи из-за отсутствия опыта, но к 1942 г. боевая активность партизан стала расти все больше и больше.

Список использованных источников

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) Ф. 6. Оп. 5. Д. 356. Л. 77.
2. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 144. Л. 42–43.
3. Варюхин Г. А. Об изучении местных Советов периода Великой Отечественной войны. // Ученые записки / Чуваш, пед. ин-т. Вып. 25. Чебоксары, 1966.
4. Великая Отечественная война: 1941–1945 гг.: военно-исторические очерки. М., 1998 г.
5. Диренок Е. Д. Советское государство в Великой Отечественной войне. Минск., 1950
6. Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск., 2015
7. Курбатова П. И. Смоленская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Смоленск., 1958.
8. Очерки истории Смоленской организации КПСС. Москва., 1985. С.302.
9. Логунова Т. А. Партийное подполье и партизанское движение в западных и центральных областях РСФСР. Июнь 1941–1943 гг. Москва., 1973.

Л. П. Муромцева

«Никто не забыт!». Попытка реконструкции биографии добровольца московского народного ополчения 1941 года

Аннотация: Исполнилось 80 лет со дня окончания Московской битвы. Одной из ее героических и одновременно трагических страниц является подвиг дивизий народного ополчения (ДНО) Москвы. Но до сих остается нерешенной задача восстановления пофамильных списков народных ополченцев, изучения их судеб. В начале октября 1941 г. неподготовленных к боевым действиям, плохо вооруженных ополченцев бросили в бой под Вязьму и Ельню. Итог известен: большинство ополченцев погибли, скончались от ран либо попали в плен. И тех, и других советская власть считала пропавшими без вести, а вдовы и дети долгие годы получали официальные извещения: «В списке погибших не значится, по документам не проходит». Вот об одном из таких ополченцев воентехнике 1-го ранга С. И. Захарове и пойдет речь в данной статье. На основе опубликованных источников и мало изученных архивных материалов автор не только нашла его могилу, но и попыталась проследить его боевой путь.

Все дальше в прошлое уходят от нас события Великой Отечественной войны. Вот уже исполнилось 80 лет со дня окончания Московской битвы. Однако все еще остается значительный круг вопросов, требующих научного подхода и дальнейшего изучения. Одним из них является участие дивизий народного ополчения (ДНО) в битве за Москву в 1941 г. Хотя теперь в Москве есть улица Народного Ополчения, и в честь ополченцев названа станция метро, установлены скульптурные композиции и мемориальные доски и стелы, посвященные каждой дивизии, изданы сотни книг¹, полная история московского

1 Пегова А. М. Ополчение на защите Москвы. М., 1978; Ткаченко Г. Н. Ополченцы в боях за Родину. М., 1981; Слухай И. А. Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны. М., 2013; Он же. «Я с вами равный среди равных...». Бессмертный подвиг московских ополченцев // Московский журнал. Приложение. М., 2016; С. 2–32; Каримов В. И. Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы. М., 2016; Он же. Они отстояли Москву. По зову сердца, по велению совести М., 2017; Московское народное ополчение 1941 года: история, подвиг, память. М., 2018; Вязьма в годы Великой Отечественной войны. Подвиг народного ополчения. Смоленск, 2018. Будницкий О. В. Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. № 3. С. 3–20; Селихов В. А. Они ушли в бессмертие. Ополченцы защитили Москву. М., 2021 и др.

народного ополчения еще ждет своего часа. Следует отметить, что эта история включает в себя целый комплекс проблем, наиболее важными из которых являются не только вопросы формирования, вооружения, военной подготовки добровольцев, но и «восстановление пофамильно списков рядового, младшего, среднего и старшего командного состава»¹, изучение их судеб.

Известно, что решение о создании народного ополчения стало актом отчаяния для партийно-государственного руководства СССР. На него повлияли наши неудачи на фронте, сдача Минска, стремительное отступление войск Западного фронта, исторический опыт (от Смутного времени и Отечественной войны 1812 г. до Первой мировой войны)², а также почин ленинградцев, о котором, конечно, стало известно в Кремле.

Началу организационных мероприятий по формированию ополченческих дивизий в Москве положило совещание в ЦК ВКП(б) в ночь на 2 июля 1941 г. и последовавшие за ним совещания в Московском горкоме и райкомах партии. Выступивший на заседании В. М. Молотов объявил собравшимся, что ГКО и ЦК ВКП(б) поддержал инициативу москвичей и ленинградцев о формировании частей народного ополчения³. В тот же день Военный Совет Московского военного округа принял постановление № 0031 «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения». Оно послужило основой постановления ГКО № 10 от 4 июля 1941 г. «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения»⁴. Документ был принят на следующий день после радиообращения председателя СНК СССР и председателя ГКО СССР И. В. Сталина к советскому народу, в котором говорилось о необходимости создания армий народного ополчения «в каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага»⁵. Слово сочетание «добровольная мобилизация» можно толковать по-разному. Но в действительности имели место и добровольчество, и мобилизация коммунистов и комсомольцев. Правда, тех, кто укло-

1 Михайлов И. Г. К вопросу о начальнике штаба 7-ой дивизии народного ополчения Бауманского района Москвы // Московское народное ополчение 1941 года: история, подвиг, память. М., 2017. С. 133.

2 Муромцева Л. П., Перхавко В. Б. «Любовь к отечеству, дух мужества и истинное ревнование славы». Народные ополчения России с древнейших времен до начала XX века // Военно-исторический журнал. 2021. № 7. С. 54–63.

3 Будницкий О. В. Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. № 3. С. 3.

4 Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 261–262.

5 Правда, 1941. 3 июля.

нился от участия в народном ополчении, формально не причисляли к дезертирам и не преследовали по законам военного времени.

Согласно постановлению в Москве план мобилизации составлял 200 тыс. человек, в области — 70 тыс. человек. Ими планировалось укомплектовать 25 дивизий ополченцев. Однако в ходе формирования дивизий выяснилось, что оружия и офицерских кадров не хватает, а для выполнения заказов фронта нельзя оголять предприятия. Командование МВО сократило число формируемых дивизий до 12 с общей численностью 140 тыс. человек, из них 20 тыс. составляли ополченцы Подмосковья¹. Мобилизация и формирование частей проводились по территориальному признаку. Каждый административный район Москвы формировал свою дивизию, которая доукомплектовывалась группами ополченцев из определенных районов Подмосковья. Предписывалось формировать дивизии за счет мобилизации жителей в возрасте от 17 до 55 лет в срок с 3 по 5 июля в Москве и с 3 по 6 июля — в Московской области. Работники райкомов партии, парткомов предприятий и учреждений, занимавшиеся формированием ДНО, порой относились к этому важному и патристическому делу формально, как к очередной политической компании. В результате нередко в ряды ополченцев записывали не только необстрелянную молодежь (с 17 лет), но и лиц пожилого возраста², имевших высокую квалификацию: железнодорожников, инженеров, техников, преподавателей вузов, ученых из НИИ, которых можно было бы использовать с большей пользой для страны на промышленных предприятиях, в конструкторских бюро, на транспорте. Тяжелая обстановка на фронте не позволяла проводить долгую подготовку добровольческих частей, поэтому после формирования они уже до конца месяца убыли в действующую армию прикрывать главное московское направление.

В сентябре де-юре (но не де-факто) на время московское ополчение прекратило существование: ДНО были реорганизованы в стрелковые дивизии неполного состава РККА. Переименование не привело, однако, к качественному улучшению их снабжения обмундированием, оружием и боеприпасами. В таком неподготовленном к боевым действиям состоянии эти дивизии и бросили в бой под Вязьму и Ельню. Итог известен: большинство бывших ополченцев, ставших одним росчерком пера воинами Красной армии, погибли, скончались от ран

1 Каримов В. И. Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы. М., 2016. С. 15.

2 Селихов В. А. Они ушли в бессмертие. Ополченцы защитили Москву. С. 64.

либо попали в плен. И тех, и других советская власть считала пропавшими без вести, а вдовы и дети не пользовались никакими льготами, хотя немецкие документы (лагерные дела) о них десятилетиями лежали в забвении в Архиве Министерства обороны в Подольске. Их уже в 1945–1946 гг. перевели с немецкого языка на русский. Оттуда военно-архивные чиновники раз за разом в ответ на запросы родных присылали стандартные отписки: «В списках погибших не значится, по документам не проходит».

Такое же официальное извещение получила и вдова воентехника 1-го ранга Сергея Ивановича Захарова Мария Васильевна Захарова (урожденная Филимоновская), дожившая до 87 лет, так до конца жизни ничего не узнавшая о судьбе мужа, офицера-ополченца. Но, помнится, она часто доставала из укромного уголка его предвоенный портрет, гладила по лицу, и скупые слезы катились из ее глаз. Все годы войны она продолжала верить, что он не погиб в рядах народного ополчения и вернется домой.

И только 22 июня 2001 г., в день 60-летия вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз, на историко-документальной выставке «Мы победим?!», проводившейся в выставочном зале федеральных архивов и посвященной этой скорбной дате, организация «Военные мемориалы» продемонстрировала посетителям результаты своей патриотической работы — электронную базу данных советских офицеров, в том числе из московских ДНО, ставших узниками фашистских лагерей на территории Польши и захороненных там в братских могилах. Среди этих материалов оказалось и личное дело пленного офицера-ополченца, бывшего начальника железнодорожной станции Загорск (ныне — Сергиев Посад) Сергея Ивановича Захарова (1892–1942). В его деле, как и у других военнослужащих, сохранилось немало данных: место и дата рождения, гражданская профессия, воинское звание и воинская часть, домашний адрес, семейное положение, имя, отчество и фамилия жены. С немецкой педантичностью была зарегистрирована и точная дата гибели — 16 октября 1942 г., когда Сергею Ивановичу едва исполнилось 50 лет¹. Теперь, зная точные сведения и используя другие группы документов, можно было приступить к воссозданию полной биографии одного из ополченцев 8-й дивизии.

Еще в конце XIX в. семья Захаровых переселилась из Смоленска в Сергиев Посад. Отец семейства Иван Захарович работал на железнодорожной станции товарным кассиром. Сам Сергей с детства мечтал

1 ЦАМО. Фонд «Картоотека военнопленных офицеров». С. И. Захаров.

стать машинистом. В начале прошлого века он, окончив реальное училище, поступил в школу телеграфистов, а потом стал работать по специальности на станции Сергиев Посад. Но, чтобы повысить служебный и социальный статус, надо было продолжать учебу. Пришлось Сергею поучиться и в железнодорожном техническом училище.

В начале Первой мировой войны молодого специалиста-железнодорожника отправили работать на одну из станций Северной железной дороги, находившуюся в Архангельской губернии. Туда к нему тайком от родных уехала верная данному слову Мария Филимоновская. Молодые поженились, и в семье один за другим стали появляться дети, родившиеся на самых разных железнодорожных станциях необъятной России: кто на Северной железной дороге, кто в Вологде, кто на станции Эмба в Казахстане..

Грянула революция 1917 г., за ней — братоубийственная Гражданская война 1918–1922 гг. Начальник железнодорожной станции Сергей Иванович Захаров при любых режимах честно выполнял свой профессиональный долг. Хотя порой приходилось нелегко, когда какой-нибудь лихой матрос-большевик или анархист, помахивая перед лицом револьвером, требовал под угрозой расстрела сию же минуту подать для его команды паровоз с вагонами.

После окончания Гражданской войны Сергей Иванович восстанавливал полуразрушенное железнодорожное хозяйство и обустроивал новые станции. Где только не пришлось ему потрудиться: и на Транссибирской магистрали, и на Турксибе, и на Магнитке. Шли годы, подрастали дети, их надо было учить, и семья Захаровых в начале 1930-х гг. вернулась в родной город, переименованный советскими властями в Загорск. Сергей Иванович стал начальником железнодорожной станции Загорск.

Когда же фашистская Германия напала на СССР, в 49-летнем возрасте, будучи больным и имея трех сыновей-фронтовиков (один из них, артиллерист Игорь Сергеевич Захаров, служивший в Красной армии с 1938 г. и прошедший с боями полстраны, погиб позже на Курской дуге, два его брата — Сергей и Ким Сергеевичи вернулись израненные с орденами и медалями домой) и трех дочерей (Лиду, Ольгу и Иду), трудившихся на строительстве оборонительных рубежей под Москвой и на военных заводах Загорска и Урала, Сергей Иванович отправился в начале июля 1941 г. добровольцем в ДНО.

Как специалисту-железнодорожнику, Сергею Ивановичу, находившемуся уже в годах, страдавшему от язвенной болезни желудка, никогда ранее не воевавшему, присвоили офицерское звание воентехник 1-го ранга, соответствовавшее званию «старший лейтенант».

Как воентехник 1-го ранга он, видимо, отвечал за снабжение своего 1301-го полка вооружением и боеприпасами, о чем свидетельствуют воспоминания других ополченцев, в частности Б. И. Гущина из 9 ДНО Кировского района¹. Служить Сергей Иванович попал во 2-й (затем переименованный в 23-й, а позже в 1301-й) стрелковый полк 8 ДНО Краснопресненского района Москвы. О том, что в состав 8-й дивизии входил батальон ополченцев из Загорска, вспоминал 8 февраля 1945 г. полковник Д. А. Юревич, являвшийся в 1941 г. начальником ее артиллерии². Еще один артиллерист из 975-го арtpолка 8-й дивизии, впоследствии профессор, В. А. Дунаевский, писал в своих воспоминаниях «О прошедшем»: «Если присоединившиеся к нам добровольцы из Воскресенского, Загорского, Коломенского, Ногинского, Подольского, Солнечногорского районов Московской области были люди достаточно закаленные, многим московским ополченцам, в частности некоторым студентам, было тяжело, хотя стенований ни от кого мне слышать не приходилось»³. Об этом же сообщал и ветеран этой дивизии Ю. М. Пошеманский, выпустивший книгу очерков об однополчанцах «Солдаты Красной Пресни», в которой говорится о зачислении в ее ряды жителей Подмосквья (в том числе Загорского района)⁴. В книгу Ю. М. Пошеманского включена и историческая справка о боевом пути 8 ДНО, составленная полковником Н. Г. Домницким⁵.

Штаб формирования дивизии находился на улице Заморонова в доме 29 и в Стрельбищенском переулке в доме 14. Сбор ополченцев проводился в основном в средних школах №№ 93, 89, 95, 105, а 2-й полк разместился в школах №№ 83 и 101. 8-я дивизия народного ополчения Краснопресненского района Москвы отличалась по своему составу. Вместе с рабочими «Трехгорки», металлического завода «Красная Пресня», вагоноремонтного завода в составе 8 ДНО сражаться с фашистами отправился цвет столичной интеллигенции. В дивизию входили роты, неофициально именовавшиеся «писательской», «научной», «актерской». В первой служили члены Союза писателей СССР, вторая состояла из профессоров, преподавателей и студентов МГУ им. М. В. Ломоносова, еще две роты сформировали из музыкантов Московской консерватории (в том числе из квартета им. Бетховена),

1 Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 70. Д. 2. Л. 4–5.

2 Там же. Ф. 2. Раздел I. Оп. 45. Д. 5. Л. 2 об.

3 Из воспоминаний профессора В. А. Дунаевского «О прошедшем» // Москва военная. С. 282.

4 Пошеманский Ю. М. Солдаты Красной Пресни. М., 1984. С. 19.

5 Домницкий Н. Г. 8-я Краснопресненская. Боевой путь (историческая справка) / Пошеманский Ю. М. Солдаты Красной Пресни. С. 5–15.

артистов театра Революции и др. Надо отметить, что дивизия на 80% состояла из людей с высшим и средним образованием. Формирование дивизии шло исключительно быстро. К 7 июля 1941 г. дивизия была в основном создана и насчитывала в своем составе 5334 человека¹. Облегчило формирование 8 ДНО то, что в командование дивизии и полков были подобраны опытные кадры: командиром дивизии был назначен комбриг Д. П. Скрипников, начальником штаба — полковник Ф. П. Шмелев, начальником артиллерии — подполковник Д. А. Юревич, заместителем командира дивизии по тылу — С. С. Златолин, начальником производственного снабжения — Д. Д. Плужников, заместителем начальника политотдела — член партии с 1924 г. Н. И. Соколов. Командиром 2-го полка стал полковник А. Я. Потапов, заместителем по политической части — преподаватель университета М. И. Стишов². Это был тот круг людей, с которыми общался или выполнял их приказы в июле — начале октября 1941 г. воентехник 1-го ранга С. И. Захаров. Те из них, кому посчастливилось выжить, оставили воспоминания, которые помогают сегодня восстановить боевой путь и оживить образ погибших³.

Наглядно представляешь себе, как, выдав одну винтовку на семерых, необученных ополченцев 2-го полка 8 ДНО направили 10 июля 1941 г. из Москвы на краткосрочную военную подготовку в район Бузланово — Никольское — Урюпино по Волоколамскому шоссе. О чем Сергей Иванович успел сообщить домой в письме, которое, к сожалению, не сохранилось? Помимо краткого текста в нем имел-

1 Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 45. Д. 2. Л. 1.

2 Слухай И. А. Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны. С. 149–150.

3 Воспоминания т. Соколова Н. И., зам начальника политотдела 8-й Краснопресненской ДНО // Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 45. Д. 3; Стенограмма беседы с батальонным комиссаром Стишовым М. И. // Там же. Ф. 2. Раздел I. Оп. 45. Д. 1; Стишов М. И. Формирование и боевой путь 8-й Краснопресненской ДНО (Воспоминания) // Там же. Ф. 2. Раздел I. Оп. 45. Д. 7; Стенограмма беседы с командиром взвода топографической разведки 975 артполка 8-й Краснопресненской ДНО т. Толстовым С. П. // Там же. Ф. 2. Раздел I. Оп. 45. Д. 6; Стенограмма беседы с начальником артиллерии 8-й ДНО Краснопресненского района полковником Юревичем Д. А. // Там же. Ф. 2. Раздел I. Оп. 45. Д. 5; Стенограмма беседы с ополченцем Краснопресненской 8-й дивизии народного ополчения т. Якобсоном П. М. // Там же. Ф. 2. Раздел I. Оп. 45. Д. 4. Дополняют эти источники воспоминания из Архива Государственного музея обороны Москвы (Архив ГМОМ): Воспоминания Черного Г. Г. фонды 8-й ДНО. Инв. № 2424/12; Воспоминания Савковой Р. А. Фонды 8-й ДНО. Инв. № 3717/1; Воспоминания Орловой К. К. Фонды 8-й ДНО. Инв. № 5103 н/в; Воспоминания Мавриной В. И. Фонды 8-й ДНО. Инв. №. 6446 н/в; Воспоминания Батраевой К. И. Фонды 8-й ДНО. Инв. №. 5432/7.

ся схематичный рисунок семерых шагающих ополченцев, и лишь у одного из них автор показал на плече ружье¹. Военная подготовка добровольцев оставляла желать лучшего. Начальник артиллерии 8 ДНО полковник Д. А. Юревич вспоминал: «Возрастной состав был пестрый — и старики, и молодежь, и студенты, и профессора. Но все очень добросовестно относились ко всякому делу, например, к началу занятий и никаких жалоб не было, все были очень дисциплинированы. Но, конечно, недостаток был тот, что состав был мало обучен»². В ходе боевой учебы выявилось, что для некоторых бойцов, особенно старших возрастов, нагрузки оказались не под силу. Пришлось отправлять их в Москву. В числе отчисленных из полка С. И. Захаров не значился. Он продолжал свой боевой путь³. Хотя по возрасту и целому букету хронических заболеваний мог бы воспользоваться случаем и вернуться домой.

8 июля 1941 г. был подписан приказ Ставки ВГК № 00409 «О формировании фронта Можайской линии обороны». В состав фронта включались три армии — 32-я, 33-я и 34-я. В боевой состав армий вошла 10 ДНО⁴. 8 ДНО включили в 33-ю армию. Уже 20 июля приказом командующего МВО 8 ДНО была направлена на строительство Можайской линии обороны. 2-й полк поездом добрался до станции Дорохово, а затем через Рузу пешком — до места назначения. Ополченцы приступили к сооружению оборонительного рубежа к западу от Рузы по линии Деменцево — Кривоногово — Милетино — Хотилово. Штаб же дивизии размещался в лесу около д. Настасьино⁵. Ополченцам пришлось осваивать новые специальности, строить и оборудовать инженерные заграждения, огневые позиции и укрытия. Замполит полка М. И. Стишов вспоминал: «Работать приходилось много (говорю без преувеличения) от зари до зари с небольшими перерывами на завтрак, обед и ужин. Так что чистых рабочих часов получалось не меньше 15 в сутки»⁶. Времени на военную подготовку практически не оставалось. Об этом же писали и другие однополчане С. И. Захарова. В частности, у ополченца П. М. Якобсона в стенограмме его воспоминаний, записанных в 1944 г. представителями Комиссии по составлению хроники Великой Отечественной войны,

1 Информация получена в 1970-х гг. от вдовы С. И. Захарова — М. В. Захаровой. Автор видела это письмо.

2 Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 45. Д. 5. Л. 2.

3 Там же. Л. 3.

4 Русский архив: Великая Отечественная. М., 1996. Т. 16. 5 (1). С. 78.

5 Домницкий Н. Г. 8-я Краснопресненская. С. 6–7.

6 Научный архив Института российской истории. Ф. 2. Радел I. Оп. 45, Д. 7. Л. 8.

читаем: «Стрелять нас почти не учили, учили только теории стрельбы»¹. От рядового до генерала все понимали эту ситуацию. Вот что сообщал в докладной записке от 7 августа 1941 г. в НКО Г. К. Жуков: «32 и 33-я армии, состоящие из 10 дивизий народного ополчения, прибывшие в состав Резервного фронта, имеют очень много недостатков... 1. В дивизиях имеется много совершенно необученных и не умеющих даже владеть винтовкой; 2. Дивизии недовооружены, а имеющееся вооружение — разных систем. В части засылаются боеприпасы других калибров»². Определенные шаги в деле повышения боеспособности ДНО были сделаны, но времени уже не было. Враг рвался к Москве.

В соответствии с приказом Ставки ВГК от 30 июля 1941 г. № 00583 «О формировании Резервного фронта» 8-я стрелковая ДНО передавалась в состав 32-й армии, которой было приказано: «Армию походом сосредоточить в районе Вязьмы и к утру 4.08.1941 г. занять рубеж Богородицкое, Лысово, Подрезово, Панфилово, Годуновка, Штарм — Вязьма»³. В этот же день 8-й дивизии и трем стрелковым полкам были вручены боевые знамена и грамоты Краснопресненского РК ВКП(б). Получая боевые знамена, личный состав дивизии был приведен к присяге⁴.

4 августа 8 ДНО перебросили на Ржевско-Вяземскую линию обороны, в район Семлево⁵. Там же была создана походная школа младших командиров. Воентехники 1-го и 2-го ранга приступили к их обучению. Опять начали строительство нового оборонительного рубежа. В соответствии с решением ГКО все ДНО с 1 сентября были реформированы в стрелковые дивизии. Нумерация дивизий сохранялась прежней, а вот частей и подразделений дивизий была изменена. В частности, полк 2-й (23-й), в котором служил воентехник 1-го ранга С. И. Захаров, стал 1301-м стрелковым полком. 26 сентября 1941 г. на основании директивы народного комиссара обороны все ДНО Москвы были включены в состав регулярных войск РККА со снятием названия «народного ополчения»⁶.

1 Научный архив Института российской истории. Ф. 2. Раздел I. Оп. 45. Д. 4. Л. 2.

2 Шли на фронт добровольно: о народном ополчении языком документов. / Публ. В. В. Черепанова // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 12.

3 Слухай И. А. Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны. С. 152.

4 Полковник А. Я. Потапов, выйдя с группой бойцов из окружения, вынес знамя 1301-го стрелкового полка. // Слухай И. А. Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны. С. 156.

5 Домницкий Н. Г. 8-я Краснопресненская. С. 8.

6 Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 129, 139.

С 3 сентября 1941 г. 1301-й полк 8-й дивизии занимал оборону по восточному берегу Днепра, на рубеже Благовещенское — Милоселье — Болдино. Днем и ночью шла работа по созданию ротных опорных пунктов, противотанковых рвов и других препятствий. Однако вступить в бой на этих рубежах ему не пришлось. К вечеру 3 октября фашисты прорвали полосу обороны фронта и вклинились в нее на глубину 80 км. Перегруппировка частей 8-й дивизии в новый район обороны проходила комбинированным способом. 1303-й стрелковый полк выехал туда на машинах, а 1301-й полк выдвигался пешим порядком. В ночь на 3 октября подразделения 8 ДНО на автомашинах выехали на юг по маршруту Жевлаки — Ленкино — Торжок — Уварово¹. Утром 4 октября в предрассветном тумане несколько батальонов 1301-го и 1303-го полков вступили в бой. За один только день ополченцы потеряли до половины личного состава. Не хватало ни снарядов, ни бутылок с зажигательной смесью, приходилось сражаться врукопашную.

Однако ополченцы не только защищали занимаемые рубежи до последнего патрона, но и сами переходили в атаку. Так действовали бойцы 1301-го полка: отразив атаку немцев в районе Зубово, подразделения полка перешли в контратаку и выбили противника из этого населенного пункта. К исходу 4 октября в полку осталось около 350 бойцов и командиров². К вечеру 6 октября танки и пехота противника расчленили остатки 8-й дивизии на отдельные группы. Немцы стали окружать ополченцев, которые организовали круговую оборону. Но силы были неравные. Часть ополченцев погибла на поле боя, часть оказалась в немецком плену.

С. И. Захаров — один из тех ополченцев, кому суждено было выжить, но из окружения вырваться не удалось. Началась самая страшная полоса его жизни. «Немцы гнали нас колонной, по 8 человек в ряд, от Вязьмы на запад под усиленным конвоем по сторонам, через каждые 10–15 метров шли конвоиры с автоматами, а в голове и в хвосте колонны по два-три автомобиля со станковыми пулеметными установками, — вспоминал один из военнопленных И. М. Фатюков. — Есть и пить ничего нам не давали... На переходах ночевки делали под открытым небом. В то время погода была то дождь, то снег, то мороз, под ногами грязь. От холода, голода и гонения люди выходили из сил и не могли двигаться с колонной, а если пленник чуть начинал отста-

1 Домницкий Н. Г. 8-я Краснопресненская. С. 10–11.

2 Каримов В. И. Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы. С. 241.

вать, его конвоир пристреливал»¹. Целый месяц, полный лишений, продолжался путь С. И. Захарова через Смоленский пересыльный лагерь DULAG-127 в Oflag 57 в Белостоке. Там и суждено было ему уйти из жизни 16 октября 1942 г.

Спустя десятилетия благодаря помощи российской организации «Военные мемориалы» и Польского Красного Креста случилось пересечение судеб и событий. Мне удалось восстановить не только военный путь, но и место захоронения воентехника 1-го ранга С. И. Захарова. В начале мая 2003 г., накануне Дня Победы, ночным и ранним утренним поездами я добиралась из столицы Польши Варшавы в польский город Белосток, дважды входивший в состав нашего государства: в 1815–1918 гг. — Российской империи, а с конца сентября 1939 по 22 июня 1941 г. — СССР. Путь пролегал вдали от ухоженных туристических маршрутов, через неказистые деревянные станции, порой с разбитыми окнами. Наконец, после бессонной ночи я оказалась в Белостоке и, заселившись в гостиницу, сразу же отправилась за цветами, чтобы возложить их на могилу своего деда, уроженца Сергиева Посада Сергея Ивановича Захарова, погибшего во время Великой Отечественной войны.

В лесопарке на южной окраине Белостока, в конце улиц Кавалерийской и Константина Циолковского, где в годы войны располагался фашистский концлагерь для советских военнопленных офицеров, находилось ухоженное кладбище, все дорожки были посыпаны белым песком. Громадные дубы склоняли свои ветви к могилам. На безымянных могилах выбиты звезды или католические распятия. Стоял большой памятник погибшим советским и польским воинам. Иная картина представилась мне, когда спустя 5 лет, т. е. в 2008 г., я опять посетила это кладбище. Братские могилы наших и польских воинов, павших в борьбе с фашизмом, оказались заброшенными. В отличие от слов из известной песни Владимира Высоцкого, никто не приносит туда букеты цветов даже 8–9 мая, наоборот, хулиганствующая молодежь оскверняет могилы, разрушая скульптуры советских и польских воинов (хотя две из нескольких фигур памятника одеты в польскую военную форму).

Не хотелось бы заканчивать свой рассказ об одном из офицеров 8 ДНО на этой грустной ноте. В нашей стране все ярче разгорает-

1 Решетников С. Воспоминания бывшего советского военнопленного И. М. Фатюкова о событиях на острове Олерон // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 2 (21). С. 210; Злобин С. П. «Пропавшие без вести»: в 2 т. М., 1964; Мищенко Л. Г. Пока я помню... М., 2006.

ся вечный огонь памяти о подвиге народных ополченцев, которые внесли самый ценный вклад в оборону Москвы — свою жизнь. Все громче звучат слова, сказанные маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым о них: «Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Пролитая кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет должной оценки»¹. Среди этих не напрасно погибших и воентехник 1-го ранга Сергей Иванович Захаров, к которому в полной мере относятся слова из песни «День Победы» о том, что «этот день мы приближали, как могли». На таких людях, как семья железнодорожника Сергея Ивановича Захарова из Сергиева Посада, держалась, держится и будет всегда держаться Россия. Помнят о подлинном (а не на словах) патриотизме и самоотверженности скромного железнодорожника С. И. Захарова его внуки, правнучки и правнуки, проживающие в Сергиевом Посаде и Москве. Им есть кем гордиться и на кого равняться.

1 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2. М., 1990. С. 220.

О. А. Новикова

Вязьма в военном творчестве А. Твардовского

Аннотация: Автор статьи обращается к творческому наследию выдающегося писателя XX века Александра Твардовского и рассматривает выявленные в нем упоминания города Вязьмы периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В ходе анализа поэтических и прозаических произведений писателя («Родины и чужбины», «Рабочих тетрадей», поэм «Василий Теркин» и «Дом у дороги», лирики) раскрывается важнейший смысл, связанный в сознании Твардовского с топонимом «Вязьма».

Великая Отечественная война стала точкой отсчета нового времени, коренным образом изменившим действительность. Трагические испытания, выпавшие на долю советских людей, героическая борьба на фронте требовали от писателей, как представителей идеологического фронта, быстрого освоения и отражения новых реалий.

Военный путь А. Т. Твардовского начался 23 июня 1941 года, когда он получил назначение на Юго-Западный фронт и был прикомандирован к газете «Красная Армия». Через год он будет направлен в газету Западного фронта «Красноармейская правда». Вышедшая в 2005 книга «Я в свою ходил атаку...», в которой дочери поэта опубликовали записи из его Рабочих тетрадей 1941–1945 годов, наряду с перепиской с женой Марией Илларионовной Гореловой и ее воспоминаниями, позволяет этап за этапом проследить фронтовой путь автора «Василия Теркина».

Данный источник и произведения самого поэта позволяют обратиться к заявленной нами теме. Сама ее постановка не является оригинальной. Выделим публикацию преподавателя из Вязьмы Л. Е. Лазаревой «Вяземская земля в военной поэзии и прозе А. Т. Твардовского» [4]. Автор утверждает, что «В Вяземском историко-краеведческом музее нет никаких документов, свидетельствующих о пребывании когда-либо А. Т. Твардовского в Вязьме». Л. Е. Лазарева своим докладом ликвидирует этот пробел, напоминая о том, что Твардовский «участвовал в освобождении Вязьмы, и был в Вязьме в марте 1943 года» [4]. Она опирается на документальные свидетельства, со-

поставляя их с текстами А. Твардовского. Первый источник — цитата из книги Д. Е. Комарова «Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны» (2004), написанная на архивных материалах: «2 марта 1943 года началась Ржевско-Вяземская наступательная операция. В ней приняли участие 12 общевойсковых, 2 воздушных армии Западного фронта. <...> В 4 часа 12 марта части 110с.д., уничтожая сопротивление отдельных групп противника, вели бои уже в городе (правда, говорить о городе в тот момент можно было только условно: еще до 12 марта Вязьма была полностью уничтожена, практически стерта с лица земли)» [4]. Другой источник — воспоминания Евгения Воробьева, с которым Твардовский служил в «Красноармейской правде». Пространная запись Е. Воробьева запечатлела освобожденную частями Советской Армии Вязьму — такой, какой ее увидели корреспонденты: «13 марта 1943 года, в день освобождения Вязьмы, мы долго колесили по городу. В первые часы Вязьма была безлюдна, мертва. Бродили саперы с миноискателями. В центре города мы увидели немецкое кладбище. Мертвецы там лежали по тридцать два в ряд, аккуратными шеренгами, будто кто-то муштровал их и после смерти. Немецкое кладбище — единственное место в городе, где можно было разгуливать, не опасаясь мин. Вот почему бойцы 222-й дивизии расположились здесь на привал, грелись, сушили сапоги, валенки, портянки.

Твардовский долго, сосредоточенно смотрел, как, потрескивая, горят в солдатском костре березовые колья, жерди, дощечки. Потом он всю дорогу ехал молча» [1, С. 155].

Материалами для наблюдений у Лазаревой обозначены три произведения А. Твардовского: прозаическая и поэтическая одноименные записи «За Вязьмой» и записи из «Рабочих тетрадей» 1943 года. Мы в своем исследовании расширим этот список, а также попробуем определить, как запечатлелась и с чем ассоциировалась в сознании А. Твардовского Вязьма периода войны.

Упомянутая выше запись в «Рабочей тетради» датируется 1 апреля 1943 года под общим заглавием «Из записей последних двух поездок» (имеются в виду поездки «в 10-ю армию, участвовавшую в составе войск Западного фронта в Смоленской операции 1943 г» [7, С. 387]; один из ее фрагментов — о Вязьме: «Наступление (подчеркнуто автором. — О. Н.). Вязьма — отвратительно разрушенный город. За Вязьмой — подорванные мосты. Глыбы мерзлой земли, напоминающие камни на крымском побережье» [7, С. 173]. В главе «За Вязьмой», вошедшей в книгу прозы «Родина и чужбина» (1942–1945 гг.) картина разрушенного города выглядит так: «За Вязьмой — подорванные

мосты, мостики, **виадуки**, котлованы. Глыбы **мерзлой** земли, **вывороченные** силой **взрыва**, но не **раздробленные**, напоминают глыбы **горных пород** где-нибудь на **Крымском побережье**» [6, т.4, с.266]. Во втором описании появились не только новые детали и подробности, но благодаря дополнительно включенным словам усилилась звуковая организация строк. Повтор звуков [в], [з], [р] акцентирует названное слово «взрыв», что позволяет зафиксировать в прозе Твардовского наличие анаграммы (это «повторение звуков заданного слова в другом или в других словах» [2]).

Особый взгляд художника выхватывает далее из общей картины вяземских разрушений останки машин по сторонам дороги: «По сторонам дороги, ведущей к фронту, обтаявшие, отчетливо черные или цветные машины, остовы, части машин. Они далеко разбросались по полям, торчат у кустов, в мелких смоленских болотцах. Иная в таком месте, что не придумаешь, как ее туда занесло, — в каком-нибудь овражке, в лозняке у речки или засела в речке, мелкой, но топкой, и весенняя вода перекачивается через кожух мотора.

Это — наши, русские машины, брошенные здесь осенью 1941 г. Они провели здесь уже две зимы и проводят вторую весну. Задуматься только: где он, водитель вот этого ЗИСа, безнадежно махнувший рукой, увязнув с ним на расквашенном объезде? В плену? Убит? Затерялся в немецких тылах «зятем». Где командиры, сидевшие в этих машинах. Иной давно вышел из окружения, поднялся в чинах и должностях, а машина его, брошенная им в страшный, на всю жизнь незабываемый час здесь, под Вязьмой, так и стоит на открытом склоне поля.

У немцев руки не доходили утилизировать весь этот «парк». Объезды, попытки пробиться открытым полем, рассредоточение от бомбежки — все это раскидало машины в том жутком и причудливом беспорядке, в каком мы их видим сегодня. Говорят, из них многие пригодны» [7, С. 174].

В очерке «За Вязьмой» описание этого машинного кладбища дано более сжато, однако с привлечением образительно-выразительных средств: сравнений («точно вымытые»), эпитетов («ржавые остовы»), метафоры («памятники осени 1941 года») [6, Т. 4, С. 266]. Завершает зарисовку легенда о шофере автобата, сохранившем «полсотни машин»; она почти без изменений перенесена из рабочего наброска.

Из пространной записи в «Рабочей тетради» о военных вяземских впечатлениях непосредственно в главу «За Вязьмой» из книги «Родина и чужбина» включена еще зарисовка о жителях деревень, находящихся два года в оккупации. Большинство, как могло, готовилось

к тяготам жизни («сушили сухари», на случай угона в Германию, закапывали в землю часть домашней утвари). Но рассказчик фиксирует и то, что «было и другое»: один старик умудрился за это время построить новую «хату», а значит, «жить собирався, не рассчитывая на наш приход и изгнание немцев» [6, Т. 4, С. 267].

Другие эпизоды «Рабочей тетради» А. Твардовского от 1 апреля 1943 года были включены автором в главу «Дети и война». Название главы взято из следующих строк: «Дети и война — нет более ужасного сближения противоположных вещей на свете» [6, Т. 4, С. 268]. Иллюстрацией сказанного служат портретные характеристики детей. Трехлетний мальчик, по-немецки благодарящий своих, мальчик «лет двенадцати в больших немецких сапогах», мальчик, везущий на санках тяжело раненную мать, дети «у трупы матери» [6, Т. 4, С. 268] — это те страшные сцены, которые увидел на вяземской земле рассказчик.

У Твардовского освоение новых тем в литературе обычно шло параллельно в стихах и прозе. В том же 1943 году, когда была сделана запись в дневнике, поэт написал стихотворение «За Вязьмой» (впервые опубликовано в журнале «Знамя» за 1946 г.):

По старой дороге на запад, за Вязьмой,
В кустах по оборкам смоленских лощин,
Вы видели, сколько там наших машин,
Что осенью той, в отступленье, завязли?
Иная торчит, запрокинувшись косо,
В поломанном, втоптанном в грязь лозняке,
Как будто бы пить подползала к реке —
И не доползла. И долго в тоске,
Во тьме, под огнем буксовали колеса ... [6, Т. 2, С. 120].

Примечательно, что в центре стихотворения — судьба шофера:

И мученик этой дороги — шофер,
Которому все нипочем по профессии,
Лопату свою доставал и топор,
Капот поднимал, проверяя мотор,
Топтался в болотном отчаянном месиве.
Погиб ли он там, по пути на восток,
Покинув трехтонку свою без оглядки,
В зяття ли пристал к подходящей солдатке,
Иль фронт перешел и в свой полк на порог

Явился, представился в полном порядке,
И нынче по этому ездит шоссе
Шофер, как шофер, неприметный, как все,
Угревший свое неизменное место, —
Про то неизвестно... [6, Т. 2, С. 120].

А первоначальные подробности в описании брошенных вдоль дороги машин, не вошедшие в очерк «Родины и чужбины», украсили и наполнили деталями стихотворный текст. Обращает на себя внимание то, что машина «в лозняке у речки» из прозаической записи превратилась в яркое олицетворение: как живое существо она «подползала к реке», чтобы напиться.

Проведенный анализ означенной темы показал, что к «вяземским» произведениям А. Твардовского можно отнести четыре текста. Это запись из «Рабочей тетради» от 01.04.1943 г., стихотворение «За Вязьмой» и две главы прозаической книги «Родина и чужбина» — «За Вязьмой» и «Дети и война» (о том, что последняя глава написана на вяземском материале, свидетельствует дневниковая запись). Во всех остальных выявленных случаях мы имеем дело лишь с упоминанием города. Возможно, по той причине, что поэт впоследствии не бывал в Вязьме (по крайней мере, фактов, указывающих на это, нет). Однако название города в других произведениях проясняет общее восприятие Вязьмы Твардовским. Остановимся на этих примерах.

В рассказе «Костя» (1944–1946) «молоденькая, маленькая девушка» — боец партизанского отряда, за храбрость прозванная мужским именем, в разговоре с военкором упоминает фронтовые сводки по радио, из которых партизаны «знали, что там делается, под Вязьмой или где» [6, Т. 4, С. 386]. «Сниматься завтра до зари / И пробираться к Вязьме?» [6, Т. 2, С. 363], — рассуждает герой поэмы «Дом у дороги» Андрей Сивцов. В очерке 1947 года «За рекой Шешупой» (вошел затем отдельной главой в «Родину и чужбину») вид горящего немецкого города Ширвиндта вызывает в памяти автора Вязьму: «Горит город, оставшийся целым и сохранившийся все эти годы войны, когда не было уже в живых Смоленска как города, Вязьмы и сотен других городов...» [6, Т. 4, С. 348].

А. Твардовский в письме Валентину Овечкину от 2 мая 1954 года делится своими планами поездки на Смоленщину, чтобы затем на собранном материале обратиться к сельской теме в творчестве. Острота темы побуждает его к аналогии с военными реалиями: «Сейчас заниматься чем-либо другим помимо деревенского дела — все равно что, оправдываясь важностью своей роли в тылу, отсиживаться от фронта

<..> Не могу сидеть в «Ташкенте», когда фронт под «Вязьмой» и когда знаю, что не хуже, а лучше многих «оперативников» смогу и разобратся в делах и пособить делу истолкованием положения» [6, Т. 6, С. 430].

В «Рабочую тетрадь» от 21.08.1962 г. поэт вклеил строки поэмы «Теркин на том свете», не вошедшие в окончательный вариант:

— Так-то, Теркин.

— Так, примерно,

Друг-товарищ дорогой,

Из-под Вязьмы в сорок первом

Выход был. А тут — какой? [5, Т. 1, С. 108]

Набрасывая стихи «Будь здоров, «Советский воин»», поэт вновь вспомнил о городе:

В дни, когда еще у Гжатска

И у Вязьмы фронт вздыхал,

В оборонный быт солдатский —

Свой к своим — входил журнал [5, Т. 2, С. 292].

В данных примерах Вязьма отождествляется с тяжелейшим, «отступательным» периодом Великой Отечественной войны, о чем поэт знал не понаслышке. Сохранилось его письмо от 9 октября 1941 года, в котором читаем: «Не в письме рассказывать о том, что довелось видеть и т.п. при совершении «драп-кросса» из Киева. Не все мы вышли. Много осталось где-то в лесах, а то и в плену или убитыми и ранеными» [7, С. 46]. Твардовский пишет о страшной странице войны, вошедшей в историю как Киевский котел (сентябрь 1941 г.). Не всем писателям-военкорам удалось выйти из окружения. Так, Твардовский был одним из последних, кто видел и общался с А. Гайдаром в августе 1941 года, незадолго до его гибели 26 октября, и с Ю. Крымовым, который погиб 20 сентября того же года. Производят сильнейшее впечатление воспоминания М. И. Твардовской о поездке поэта в Днепровскую флотилию (в конце июня — начале июля 1941 г.). Ее разгром под Каневом, тяжелейшее положение на фронте, наконец, близость смерти — «лишь мгновенная реакция товарища спасла от неминуемой гибели...» [7, С. 35] — все это потрясло Твардовского. 1 августа 1941 года он перечислил в фонд обороны всю Сталинскую премию (50 тысяч рублей), полученную за поэму «Страна Муравия». Деньги эти были неприкосновенным запасом, с ними связывались

многие семейные планы, но то страшное, что пришлось пережить и испытать Твардовскому на Украине, укрепило его в принятом решении. Сам он был готов к худшему варианту развития событий: рабочую «черную клеенчатую» тетрадь Твардовский надписал: «Действующая армия, п/п 28. Передать моей жене Гореловой Марии Илларионовне. А. Т. 19.VIII.41. Киев» [7, С. 384]. (Заметим, что на малой родине поэта, Смоленщине, воевала рота, полностью состоявшая из писателей (среди них В. Гроссман, А. Бек, Б. Слуцкий, С. Островой, Ю. Либединский, Р. Фраерман, В. Кудашев и мн. др.), в октябре 1941 года она оказалась в Вяземском котле, из которого выбраться удалось не всем. Архив писательской роты был найден поисковиками под Вязьмой в 1994 году и передан для расшифровки журналисту Владимиру Христофорову, о чем он сам рассказал еще при жизни в центральных и смоленских СМИ [8]).

Адресуя свое стихотворное послание первому космонавту Ю. А. Гагарину — «разведчику мирозданья», Твардовский сравнивает отважный поступок своего земляка с подвигами бойцов, совершавших свой «разбег» в космос на «фанерном драндулете»:

Когда аэродромы отступленья
Под Ельней, Вязьмой иль самой Москвой
Впервые новичкам из пополненья
Давали старт на вылет боевой... [6, т.3, с.141].

В данном случае перечисление городов с «аэродромами отступленья» ставят в один ряд Вязьму с Москвой и Ельней. Примечательно, что в черновых вариантах стихотворения «Космонавту», сохраненных в «Рабочих тетрадях» поэта от 17.08.1961 и 19.08.1961, рядом с Москвой первоначально назывались другие города: «Под Киевом, под Брянском, под Москвой...»; «Под Сталинградом иль самой Москвой» [5, т. 1, с. 47–48]. В итоговом варианте Твардовский оставляет два смоленских города — Вязьму и Ельню (еще ранее в похожих стихотворных «конструкциях» с перечислением городов, наряду с Вязьмой, указывались также Смоленск и Гжатск — родина Ю. Гагарина (см. цитируемые выше примеры). В любом случае, вывод очевиден: Вязьма для Твардовского символизирует самую трагическую страницу отечественной военной истории, сопряженную с отступлениями, поражением и огромным количеством людских потерь (точная цифра жертв до сих пор не установлена; директор музея «Богородицкое поле» И. Г. Михайлов приводит такие данные: «убитые и умершие от ран — 200–275 тысяч человек, санитарные потери — 120–150 ты-

сяч человек, пленные и пропавшие без вести — 450–500 тысяч человек, общие потери Западного, Резервного фронтов, полевых строительно-ремонтных Западного управления ГУБОПР и других гражданских наркоматов — 770–925 тысяч человек» [3]). В этом, жертвенном, значении «Вязьма» в сознании поэта воспринимается как контекстуальный антоним «Берлина» — символа Победы, что открыто выражено в строках стихотворения «О прописке» (1951):

— Мы еще на фронте были с нею,
Вместе помним Вязьму и Берлин [6, т.3, с.59].

Таким видится город Воинской славы — Вязьма в творческом восприятии великого русского поэта, создателя гениальной поэмы «Василий Теркин», нашего земляка Александра Трифоновича Твардовского.

Список использованных источников

1. Воробьев Е. В тяжкий час земли родной // Воспоминания об А. Твардовском: Сборник / Сост. М. И. Твардовская. 2-е изд. М.: Сов. писатель, 1982. С. 152–172.
2. Гаспаров М. Л. Анаграмма // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 22.
3. Гутионтов П. «Их убивали, их позабывали». Дорога на Берлин от Москвы идет через Вязьму... // Новая газета. 2017. 26 мая (№ 55).
4. Лазарева Л. Е. Вяземская земля в военной поэзии и прозе А. Т. Твардовского.
5. Твардовский А. Т. Новомирский дневник: В 2 т. / Предисл. Ю. Г. Буртина, подготовка текста, комментарии В.А. и О. А. Твардовских. М: ПРОЗАИК., 2009. Т. 1–2.
6. Твардовский А. Т. Собр. соч.: В 6 т / Под общ. ред. Ю. Г. Буртина. М.: Худож. лит., 1976–1983.
7. Твардовский А.Т. «Я в свою ходил атаку...» Дневники. Письма 1941–1945 / Публик. и предисл. В.А. и О. А. Твардовских. М.: Вагриус, 2005. 392 с.
8. Христофоров В. Советские писатели: Вяземский котел // Литературная Россия. 2015. № 2012 (52). 23 февраля.

Д. С. Петрусов

Рославльский район в годы Великой Отечественной войны

Аннотация: В статье рассматривается оккупационный режим немецко-фашистских захватчиков на территории Рославльского района Смоленской области. Основной акцент делается на ущерб, причиненный г. Рославль. На основе архивных документов раскрывается сущность оккупационного режима и трагедия сожженных деревень Рославльского района.

Ранним утром в воскресенье 22 июня 1941 г. нацистская Германия и ее союзники обрушили на Советский Союз удар невиданной силы: 190 дивизий, 4 тысячи танков, 47 тысяч орудий и минометов, 4,5 тысячи самолетов и 200 кораблей. Так началось одно из самых страшных событий не только в истории России, но и в мировой истории — Великая Отечественная война, война прежде невиданной жестокости и кровопролития.

Путем быстрых и массивных танковых ударов немецкие войска уже через три недели подошли к одному из старейших городов России — Смоленску — городу-крепости, городу-ключу от российской столицы.

Изначально немецкое командование рассчитывало к концу июля 1941 г. с ходу захватить Смоленск, овладеть междуречьем Днепра и Западной Двины и тем самым открыть себе кратчайший путь на Москву. Но фашистские стратеги ошиблись: 10 июля 1941 г. началось одно из самых крупных, кровопролитных и напряженных сражений начального периода Великой Отечественной войны — Смоленское сражение, которое продолжалось вплоть до 10 сентября 1941 г.

16 июля 1941 г. немецкие войска ворвались в Смоленск и захватили большую часть города. В тот же день 7-я дивизия танковой группы Гота захватила Ярцево. До советской столицы оставалось чуть более 300 км. Казалось, поражения не избежать, но подошедшие резервы остановили немецкие войска и в течение двух недель в районе Смоленска шли кровопролитные бои, в результате были сорваны планы немецкого командования по молниеносному захвату Москвы. В двухмесячных ожесточенных боях советские войска понесли тяжелейшие

потери. В тактическом отношении Смоленское сражение выиграли немецкие части. Но в итоге оно не позволило врагу завладеть столицей Советского Союза.

С первых дней своего вторжения, оккупировав земли Смоленщины, гитлеровцы сформировали ряд округов, которые стали составной частью области Митте с центром в Смоленске. В нее входили, помимо Смоленской, Орловская, Витебская, частично Могилевская и Минская области.

На оккупированных территориях стали создаваться лагеря смерти и гетто, проводились аресты и расстрелы советских граждан. Сожженные деревни и села, виселицы и рвы, переполненные человеческими телами, массовые грабежи и насилие, голод и каторжный труд, принудительная мобилизация населения в Германию — таким показал себя оккупационный режим.

Освобождая Смоленщину в сентябре 1943 г., советские солдаты увидели разруху и руины. Злодеяния имели место во всех без исключения районах и городах Смоленской области. Начальник политотдела 49-й армии доносил в Политуправление Западного фронта: «Путь отступления немецкой армии есть путь разорения, бесконечного количества жертв мирного населения, неслыханных зверств. Нет ни одного села, в котором бы в той или иной мере гитлеровцы не творили бесчинств, не расстреливали бы женщин, стариков и детей. С 8 по 29 марта 1943 года 49-я армия освободила 368 сел и деревень, которые представляли собой сплошные пепелища. И повсюду лежали трупы расстрелянных и сожженных женщин, детей и стариков»¹.

Война против Советского Союза имела своей целью уничтожение государственности нашей страны, физическое истребление одной части советских граждан и порабощение другой. Многочисленные преступления, совершенные немецко-фашистскими захватчиками, отмеченные в документальных материалах — отчетах работы Смоленской чрезвычайной областной комиссии, являются наглядным подтверждением осуществления планов немецкого командования по разрушению русских сел и городов.

Смоленщина является одним из наиболее пострадавших за годы войны регионов России. Абсолютно все районы Смоленской области сохранили на себе страшный отпечаток кровавых злодеяний фашистов. Численность населения сократилась практически вдвое, насчи-

1 Кожемяко В. С., Фомичев В. Т. Сожженные заживо вызывают к нам. По публикациям в газете «Правда». Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2016. С. 8.

тывая к 1943 г. 1 267 261 человек, что составляло лишь 47% от довоенного уровня. Ни в одной другой области, освобожденной в 1943 г., не наблюдалось такого резкого сокращения числа жителей.

За время оккупации Смоленской области гитлеровские палачи сожгли более 5 тысяч сел и деревень, около 300 из них вместе с ни в чем не повинными людьми¹.

Одной из самых пострадавших территорий Смоленской области стал Рославльский район. В отношении Рославльского района по отдельным контрольным наименованиям статей учета ущерба, подсчитанного Смоленской чрезвычайной областной государственной комиссией, был составлен 21 акт на общую сумму 4 500 068 руб. (для сравнения — те же данные по другим районам: Ильинский район — 19 актов на сумму 417 088 руб., Руднянский район — 27 актов на общую сумму 1 579 942 руб.). Очевидно, что Рославльский район Смоленской области пострадал в наибольшей степени².

Немецко-фашистские оккупанты с первых же дней захвата г. Рославль и на всем протяжении периода оккупации с 3 августа 1941 г. по 24 сентября 1943 г. осуществляли систематическое истребление мирных советских граждан, разрушение жилых зданий и производственных помещений.

Основное разрушение города произошло в августе — сентябре 1943 г. при отступлении немецких войск из города. По распоряжению командующего 9-ой немецкой армией генерал-полковника Моделя начальник фельдкомендатуры г. Рославль барон фон Остен-Сакен организовал специальные команды подрывников-поджигателей, которые с 18 сентября 1943 г. приступили к планомерному уничтожению Рославля и окрестностей³.

При отступлении уничтожались целые улицы и кварталы города. Подтверждением тому служат несколько сотен документов Государственного архива Смоленской области об итогах работы областной и городской чрезвычайных комиссий г. Рославль по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, причиненных гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Рославльского района. Читаем в документе: «...при выходе на место улицы Красноармейской обнаружена целиком сгоревшая улица и на месте сгоревшего квартала не проживает никаких жителей и установить

1 Кожемяко В. С., Фомичев В. Т. Сожженные заживо вызывают к нам... С. 4.

2 Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1630. Оп. 2. Д. 198.

3 ГАСО. Ф. 1630. Оп. 2, Д. 75.

фамилии хозяев, коим принадлежали сгоревшие дома невозможно. Комиссией установлено, что уничтоженных по улице Красноармейской сгорело 102 дома, всего на сумму 1 480 160 рублей»¹.

В 1941 г. до начала Великой Отечественной войны в Рославле было зарегистрировано 5 060 домов с нумерацией зданий. После освобождения города был проведен учет оставшегося в наличии жилого фонда, и, согласно данным, уцелел 1 981 дом, то есть всего около 39%)².

Помимо жилых домов уничтожилась и городская инфраструктура, промышленные предприятия, лечебные и детские учреждения. Согласно сохранившимся данным, только системе народного образования Рославля немецко-фашистские захватчики нанесли ущерб на сумму свыше 15 миллионов руб.

Всего за время 775-дневного пребывания немецко-фашистских оккупантов Рославлю был причинен ущерб на общую сумму 497 523 354 руб., в том числе с учетом контрольных показателей учетного ущерба.

За период оккупации с августа 1941 г. по сентябрь 1943 г. в Рославльском лагере для военнопленных № 130 и в тюрьме было замучено и убито около 130 тыс. человек³. Об этом рассказывает один из очевидцев событий Т. Д. Ефанова: «...в ноябре 1942 г. на вознесенское кладбище пришла грузовая автомашина, переполненная женщинами и детьми, женщин сталкивали с машин и вели к могиле, заранее приготовленной, стреляли в затылок и сталкивали в яму, за ними бросали в яму и детей, обезумевших от ужаса, детей пристреливали в яме из пистолетов»⁴.

За годы оккупации из Рославля было угнано в Германию 1 188 человек⁵. Практика «угона» населения в качестве живой рабочей силы стала страшным бедствием для жителей оккупированных областей. Архивные документы полны многочисленных упоминаний членов семей советских граждан, родные и близкие которых были угнаны на каторжные работы в Германию.

Для наиболее полного и достоверного подсчета ущерба, причиненного действиями немецко-фашистских захватчиков, в Смоленскую область приезжали члены Государственной комиссии во главе с ака-

1 ГАСО. Ф. 1630. Оп. 2, Д. 75.

2 ГАСО. Ф. 1630. Оп. 2, Д. 1.

3 ГАСО. Ф. 1630. Оп. 2, Д. 75.

4 Там же.

5 Там же.

демиком Н. Н. Бурденко¹. В целях составления альбома наглядных разрушений, произведенных фашистскими оккупантами в городах, райцентрах, рабочих поселках, населенных пунктах районов областная комиссия организовала сбор имевшихся фотоснимков и фотографирование объектов разрушений с описанием фотоматериалов².

Наряду с районным центром от оккупационного режима не в меньшей степени страдали и сельские жители. Так, в своем обращении в комиссию жительница Любовского сельского совета Рославльского района О. П. Семешкина пишет: «Прошу не отказать в моей просьбе, за войну пострадала тем: потеряла семью, хата сгорела, в настоящее время живу в землянке. Но не имею для себя пропитания»³. И таких обращений множество. Большинство сельских поселений было стерто с лица земли. Остановимся на судьбе одной из сожженных деревень Рославльского района — деревне Лихомостье.

До начала войны и немецкой оккупации деревня Лихомостье Рославльского района ничем не отличалась от сотен других деревень Смоленщины. Но все изменилось с приходом немцев в августе 1941 г. В деревне начались массовые убийства, грабежи и насилие. Оккупанты занимали деревенские дома и жили там. Каждый день мог стать последним для жителей деревни. И все это продолжалось до августа 1943 г. Именно в этот летний месяц началось отступление гитлеровских войск из Рославльского района.

Перед началом отступления немецкое командование выпустило приказ, в котором предписывалось: «В случае отхода все без исключения дома сжигать; печи в домах взрывать с помощью ручных гранат, колодцы приводить в негодность, уничтожая подъемное приспособление, а также бросая в них нечистоты. Обязанностью каждого является обеспечить, чтобы оставляемая врагу территория в течение длительного времени не могла использоваться им ни для каких целей в военном и сельскохозяйственном отношении»⁴.

Следуя данному приказу, фашисты уничтожили деревню Лихомостье. Из 47 домов, которые были в деревне, уцелело лишь 11. Вот как об этом вспоминала Екатерина Гришина, очевидец тех событий: «Ночью нашу деревню окружили немцы. Помню, как нас загнали в дом, начали расстреливать. Мы вжимались в пол... мать накрыла своим телом, однако ранения в ногу я не миновала. Помню, как дочь мамии-

1 ГАСО. Ф. 1630. Оп. 2. Д. 198.

2 ГАСО. Ф. 1630. Оп. 2, Д. 75.

3 ГАСО. Ф. 1630. Оп. 1. Д. 198.

4 Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. Т. 8. М.: Юридическая литература, 1999. С. 572.

ной двоюродной сестры и ее подруга умоляли немца не расстреливать их. Но...их смерть настигла у окна, а дом потом подожгли. Я лежала на полу под мертвым телом матери до тех пор, пока могла еще дышать в дыму... Огонь охватывал все внутри, возможности дышать становилось все меньше и меньше, ничего не оставалось делать, как бросить мальчонку и спастись в одиночку... через какое-то время дом рухнул, крик мальчишки так и стоял в ушах...»¹. Деревни Лихомостье не стало, как и сотен других сожженных «хатыней».

Сейчас на месте бывшей деревни — мемориальный комплекс, призывающий потомков свято чтить память о тех, кого безжалостно уничтожила развязанная фашистской Германией кровавая бойня Второй мировой войны.

1 Кириллова Н. В., Селеменова В. Д. и др. Сожженные деревни России, 1941–1944: Документы и материалы. М.: Историческая память, 2017. С. 335–336.

О. В. Ромашова, В. А. Цыганков

Боевые судьбы ополченцев (анализ восстанавливаемого списка личного состава 9 ДНО)

Аннотация: Авторы сообщают о работе по восстановлению списка личного состава 9-й дивизии народного ополчения Кировского района г. Москвы. Приводятся биографии ополченцев, сведения из оперативных сводок. Также исследуется судьба командира дивизии Б. Д. Боброва.

Как и многие ополченческие дивизии, 9-я дивизия народного ополчения (ДНО) Кировского района г. Москвы погибла в окружении в октябре 1941 г. Погиб командир дивизии, пропало знамя, списки личного состава не сохранились. Это не позволяло родственникам бойцов и командиров прояснить судьбы пропавших без вести, а исследователям — восстановить боевой путь дивизии. Дочь ополченца Слайковского Н. Ф. Слайковская рассказывала, что как-то в минуту откровенности ветеран 9 ДНО Н. А. Коган с горечью признался, что собственноручно сжег, выполняя приказ, эти списки, когда штабисты прорывались из окружения под Вязьмой в октябре 1941 г.

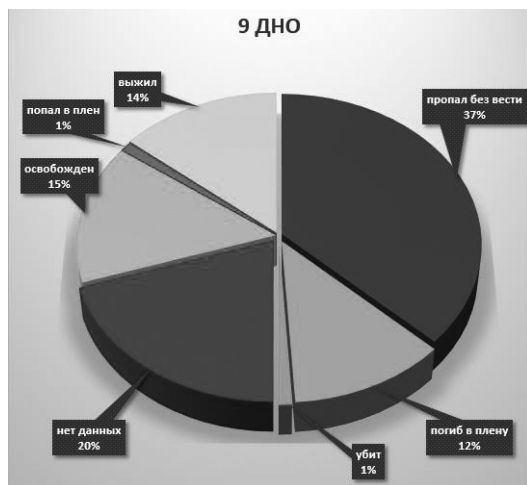
Совет ветеранов дивизии начал работу по восстановлению списка личного состава еще в 1970-е гг., составив список выживших ветеранов, с которыми поддерживалась связь. Их было всего 72 человека. Группа детей и внуков ополченцев начала работу по восстановлению списка дивизии. Им удалось восстановить 1500 имен бойцов — представителей различных предприятий Кировского района. О создании списка участвовавшая в этой работе Н. Ф. Слайковская написала в своей книге так: «Из архива Министерства обороны в Подольске на все запросы неизменно приходил один и тот же ответ: “Данных нет”. Москворецкий (бывший Кировский) военкомат предоставил возможность переписать алфавитный список ушедших на фронт в начале войны — единственное, что осталось от того времени. Выявить среди них ополченцев оказалось невозможно»¹. Совет ветеранов ди-

1 Слайковская Н. Вспомним всех поименно. М.: Объединенный совет ветеранов Союза журналистов России, 2001. 93 с.

визии прекратил свою деятельность в связи со смертью своего председателя. Список бойцов, переданный в Москворецкий военкомат, был недоступен для всех интересующихся историей 9 ДНО.

С появлением обобщенного банка данных (ОБД) «Мемориал» работа по восстановлению списка вышла на новый уровень. В 2009 г. начала совместную работу новая группа потомков бойцов 9 ДНО, в нее в разное время входили В. Ф. Каплева, В. М. Коновалов, В. Ф. Панкратов, О. В. Ромашова, Н. Ф. Слайковская, Н. Ю. Ткаченко, В. А. Цыганков, причем В. Ф. Каплева и Н. Ф. Слайковская принимали участие в сборе материалов еще в 1970-е гг. совместно с Советом ветеранов дивизии и смогли разъяснить, как составлялись в то время списки.

На данный момент (ноябрь 2021 г.) в восстанавливаемом списке 9 ДНО имеется 9188 фамилий. Документ постоянно обновляется, актуальная версия публикуется на сайте 9dno.ru. В диаграмме указано, как соотносятся друг с другом имеющиеся данные о погибших, пропавших без вести, выживших, освобожденных из плена и погибших в плену.

Таким образом, определяя судьбу воина 9 ДНО [с 26.09.1941 преобразована в 139 сд — *Прим. ред.*] на октябрь 1941 г., мы имеем следующие цифры: пропали без вести — 3328 человек, убиты — 76 человек, выжили (без уточнения дальнейшей судьбы после октября 1941 г.) — 1268 человек, попали в плен (и дальнейшая судьба неизвестна) — 116 человек, попали в плен и были освобождены — 1404 человека, попали в плен и погибли в плену — 1081 человек. В эти подсчеты

не включены 139 человек, судьба которых по разным источникам различается (к примеру, нет точной уверенности, вернулся ли человек из плена или погиб в плену).

К сожалению, судьба 1776 человек пока остается неизвестной, причем иногда неизвестны даже инициалы человека, только фамилия, иногда в искаженном виде, записанная по памяти.

Благодаря публикациям на сайте, с инициативной группой по увековечиванию памяти дивизии постоянно связываются все новые и новые потомки ополченцев. В их семьях бережно хранятся фотографии, фронтовые письма, воспоминания бойцов. Этими сведениями они делятся с нами, давая возможность узнать о судьбах воинов. Приведем несколько таких биографий.

Георгий Иванович Филатов (подготовил внук Сергей Филатов). Родился 7 июля 1907 г. в селе Григорьевское Ивановского района Московской области (ныне — Тульской области). В 1932–1933 гг. семья Филатовых (Г. И. Филатов, жена и трое детей) переехали в Москву, где нашли работу. Проживали на Гоголевском бульваре. В июле 1941 г., имея троих несовершеннолетних детей 15, 13 и 10 лет, Георгий Иванович записался добровольцем в 9 ДНО Кировского района Москвы. В составе 24-й армии Резервного фронта (шофер 976-го артполка) участвовал в тяжелых боях в Вяземской оборонительной операции. Попав в плен (по документам с 11 октября по 14 ноября 1941 г.) в Вяземском котле, в нечеловеческих условиях содержался в лагере, при интернировании в концлагерь через территорию Белоруссии в товарном поезде бежал вместе с несколькими красноармейцами. Первое время скитался по белорусским лесам, прибываясь к отдельным группам. Далее попал в партизанский отряд. До середины лета 1944 г. воевал в 8-м партизанском отряде Круглянкой Войсковой оперативной группы Могилевской области (командир отряда лейтенант М. А. Соколов). Участник «рельсовой войны», имел на своем счету пять взорванных вражеских эшелонов. В ходе проведения операции «Багратион» Белорусская ССР была освобождена, и партизанские отряды влились в армейские подразделения. С августа 1944 г. до конца войны воевал в действующей армии в составе 2-го Белорусского фронта 200-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 110-й Верхнеднепровской стрелковой дивизии. Окончание войны встретил под Кенигсбергом. Награжден орденом Красной звезды, медалью «Партизан Отечественной войны 1-ой степени», медалью «За отвагу», другими наградами. После окончания войны в 1945 г. вернулся в Москву. Умер в 1966 г.

Григорий Андреевич Кузьмич (подготовил Сергей Туманов). Родился 28 декабря 1914 г. в городе Брянск Орловской губернии. Отец — Андрей Августинович Кузьмич, работал на пригородной железнодорожной станции Болва, но числился крестьянином Витебской губернии Дриссенского уезда Юстиниановской волости деревни Матулево. Григорий Андреевич окончил Сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева. 17 июля 1941 г. записался добровольцем в ополчение. В составе 9-й Московской стрелковой дивизии народного ополчения до сентября осваивал азы боевой подготовки, работал на строительстве оборонительных сооружений. После реформирования части в 139-ю стрелковую дивизию оказался под Ельней. 11 октября был тяжело контужен, но ему удалось вместе с немногочисленной группой бойцов своей дивизии выйти из окружения. Как негодный к строевой службе, до окончания войны старшина Г. А. Кузьмич служил руководителем художественной самодеятельности в 123-м запасном стрелковом полку. Член ВКП(б). Награжден медалями «За оборону Москвы» и «За боевые заслуги», орденом «Отечественная война» II степени. После войны жил и работал в поселке Мышега Алексинского района Тульской области и в подмосковном городе Подольск. Женат, двое сыновей. Умер в 2002 г.

Хайретдин Гильманов (подготовила внучка Нажия Напольских). Родился в 1888 г. в деревне Красная Горка Пильнинского района Горьковской области. До призыва работал на фабрике швейных изделий и головных уборов. Был мобилизован 5 июля 1941 г. Кировским РВК г. Москвы в народное ополчение (один из самых пожилых воинов дивизии). Пропал без вести в октябре 1941 г.

Иван Константинович Миронов (подготовил правнук И. А. Баскаков). Родился в 1895 г. в селе Нарышкино Сердобского уезда Саратовской губернии (ныне — пгт Беково Сердобского района Пензенской области). Участвовал в Первой мировой войне. Попал в плен к немцам. Бежал из плена и вернулся в Россию. Оказался в Петрограде накануне Октябрьской революции. Вступил в партию большевиков, участвовал в штурме Зимнего дворца, служил курьером-мотоциклистом при Ленине. С переносом столицы в 1918 г. приехал с советским правительством в Москву. Жил на Садовнической улице (одно время называвшейся в честь Полины Осипенко). Работал водителем в Гараже особого назначения, в частности, возил германского министра иностранных дел Риббентропа, когда тот прилетал в Москву заключать известный договор с Молотовым.

Был мобилизован на должность командира транспортного взвода 9-го медсанбата 9 ДНО Кировского района, впоследствии пропал

без вести. На самом деле, как рассказывал его сын, ветеран Великой Отечественной войны Борис Иванович Миронов (1922–2000), И. К. Миронов возглавил диверсионный отряд на оккупированной Смоленщине. Местная учительница немецкого языка оказалась вражеской осведомительницей и выдала отряд. Ивана Константиновича вместе с его отрядом расстреляли оккупанты в деревне Маньшино Сычевского района Смоленской области. Совпадение это или нет, но это была родная деревня его супруги, Прасковьи Ефимовны Мироновой (Фоминой), которая в то время проживала в Москве. Семейное предание гласит, что во время одной из вражеских бомбежек Москвы осколок разорвавшейся поблизости бомбы влетел в их комнату и пробил гитару прадеда, висевшую на стене. Тогда прабабушка почувствовала неладное... и как потом оказалось, в тот день он и был расстрелян.

Один из бойцов отряда каким-то образом остался жив, выбрался из расстрельной ямы и пересек линию фронта. Все документы отряда были зашиты под подкладкой полушубка прадеда. Парень это знал, он распорол полушубок уже мертвого Ивана Константиновича, достал документы и смог переправить их куда следует. Благодаря этому, как говорил дед, отряд торжественно перезахоронили после войны, как полагается.

Абрам Амшеевич Островский (подготовил внук Д. Островский). Родился в 1902 г. в многодетной еврейской семье в селе Знаменка Кировоградской области (тогда — Елисаветградского уезда Херсонской губернии). В 1919 г. умерли оба родителя: мать от тифа, а отец получил на похоронах крупозное воспаление легких и скончался спустя 2 недели. Сиротами остались 8 детей. Семнадцатилетний Абрам был старшим сыном в семье и, чтобы поднять младших, вынужден был с 15 лет заниматься тяжелой работой в пекарне. Физически он был очень развит, как и четверо младших братьев. Некоторые отличались богатырской силой. Несмотря на свое вынужденное попечение о семье, Абрам был мобилизован в Красную армию и принял участие в Гражданской войне, во время которой получил легкое ранение. Забота о младших братьях и сестрах долго не позволяла продолжить получение образования. Как только появилась такая возможность, в возрасте 32 лет Абрам поступил в Тимирязевскую академию. Но для первого курса он был слишком хорошо подготовлен, а на втором не было свободных мест, так что взяли его сразу на третий курс.

К концу обучения заведовал соцбытсектором профкома, был комсомольским активистом, кандидатом в партию. Академию окончил с дипломом 1-й степени, был крутым отличником. Закончить аспи-

рантуру не удалось — началась война. В июле в академии был сформирован отряд ополченцев.

Воспоминания Евгении Петровны Островской: «Всех аспирантов вызвали в партком и сказали: “Кто не может пойти защищать Родину — покиньте партком”. Никто не вышел из парткома, всех записали, и они стали собираться в путь. А я с двумя малышами 2 года и 5 месяцев и 4 месяцев поехала в эвакуацию.

Муж поехал со своим отделением на фронт 20 июля 1941 года. И надо же было так случиться, что он попал на мою родину в г. Спас-Деменск. Их эшелон направили в Ельню, но их по дороге сильно бомбили. Особенно на станции Гривке, километрах в 8 от Спас-Деменска. Он меня туда водил после войны. Там болото, в болоте они и спаслись, т. к. бомбы в болоте заглохали, но я видела скошенные сосны в обхват толщины, расщепленные как грозой, вокруг — воронки, полные воды. Он показывал мне место, где он лежал, а под ним была связка гранат. Он сам удивлялся, как он остался жив, ведь от своих гранат он мог взорваться.

Около Спас-Деменска муж получил ранения и попал со своим взводом в окружение. Его подобрала женщина из деревни Митино в 15 км от Спас-Деменска. Она была специально выделена для спасения раненных солдат, жила в лесу со своими четырьмя детьми. Она привела его и еще троих солдат в свой сарай, спрятала в яме, перевязала раны, покормила и стала искать наши машины, чтобы мужа эвакуировать. Так он попал в Москву, а затем — в эвакогоспиталь Термеза.

Мы потеряли друг друга. Я написала в Академию в Самарканд, куда она была эвакуирована. Написала наш адрес. А муж тоже, узнав, где Академия, написал туда письмо. Так мы нашли друг друга.

Муж получил инвалидность 1-й группы. У него была контузия, его били припадками эпилепсии, страшные головные боли, он был ранен в коленку, голову и живот. Почти слепой. В Термезе ему сказали: “Если хочешь увидеть детей, лежи на спине 2 недели”. Он лежал. Глаз прирос, но все равно он не видел.

Приехав к нам в Башкирию, муж работал в МТС, ходил по колхозам и в 1944 году заболел малярией, бредил. Сестра забрала его в Москву».

У Абрама Островского был младший брат Иосиф Амшеевич Островский (1910–1980), бывший в ту пору уже знаменитым военным врачом. Он помог с лекарствами от малярии. Двое других его младших братьев погибли в годы Великой Отечественной войны.

Про боевой опыт Абрама Островского известно еще и то, что его минометный расчет добился максимальной точности попаданий. Академические познания Островского в математике и физике очень

пригодились во время боев под Ельней. В 1947 г. Абрам Островский защитил диссертацию, вступил в партию, был активистом, членом профкома и пропагандистом от общества «Знание». Работал на Ставрополье, в Орловской, Запорожской областях, в Крыму, в Рязанской и Костромской областях, занимался экономикой мелиорации. С 1960 по 1968 г. — старший научный сотрудник Центрального экономического научно-исследовательского института Госплана РСФСР.

6 апреля 1985 г., в канун 40-летия Победы Абрам Амшеевич Островский был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени (№ 72; номер записи — 1514087553). Умер 15 июля 1985 г. Похоронен на Митинском кладбище в Москве.

К сожалению, в ЦАМО нет фонда 9 ДНО, т. к. дивизия не вышла из окружения. Поэтому любые упоминания о дивизии в документах — большая удача. Еще один источник сведений о судьбах ополченцев — оперативные сводки армии. При описании происшествий в дивизии в сводках упоминаются только фамилии ополченцев или место службы (рота, батальон, полк), но иногда, воспользовавшись восстанавливаемым списком личного состава, удается определить, о ком идет речь. К примеру, оперсводка 33-й армии № 69 сообщает, что «1 сентября — в районе ГУБИНО красноармеец 6-й роты 9 сд [стрелковой дивизии], находясь на посту по охране минного поля, хотел задержать группу гражданских лиц и попал на мину — при взрыве убит»¹.

Это происшествие также упоминается в донесении военного прокурора № 00841 от 13.09.1941: «Иванов П. К. погиб от взрыва мины»².

В списке 9 ДНО есть уроженец Санкт-Петербурга, до призыва проживавший в г. Загорск Московской области, — Прохор Кузьмич Иванов (по другим данным, Кириллович) 1904 г. р., рядовой стрелок 9 ДНО. В письмах домой он указывал свой адрес: 1-й полк, 2-й батальон, 6-я рота, 3-й взвод. К анкете подворового опроса приложено письмо товарища: «19 сентября 1941 года. Здравствуй, Маня! <...> Я не скоро буду, сами знаете, где я, наши войска гонют врага, крепко вкалывают ему. Я вам писал в двух письмах, что Иванов выбыл совсем, если непонятно — смертельно убит. Мы его похоронили с салютом батальона и с музыкой, прошло как третья неделя. Схоронили на погосте в селе, но погиб он от своего недразумения. Я с ним за день встречался, говорили, он скучал, что писем долго нет, а теперь все шлют к нам. Он задумчивый был <...> у него денег сто восемьдесят

1 ЦАМО. Ф. 398. Оп. 0009308. Д. 0020. Л. 468.

2 ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 652. С. 26.

рублей <...> с ним мы часто беседовали, мнение у него неважное было, скучал он о жене своей не знаю как»¹.

Приведем еще один пример того, как строки писем домой разъясняют то, что в оперативных сводках описано парой фраз. В 16:00 2 августа при выгрузке на станции Спас-Деменск 2-й стрелковый полк подвергся нападению самолетов противника, от бомбежки и пулеметного огня 2 человека были убиты и 4 ранены (оперсводка № 17).

Вероятно, именно этот случай упоминается в письме красноармейца **Василия Ивановича Хлопова**, 1902 г. р., от 7 августа: «Теперь продвигаемся все ближе к самому фронту, но жизнь не страшна на передовых линиях, как жалка бывает в тылу от налетов воздушных пиратов. А при первом крещении были жертвы. Как ты знаешь, что получилось с **Суренковым Сергеем** — в тылу и погиб. Удивляться этому не приходится, т. к. и среди мирного населения москвичей имеются жертвы, а мы военные люди».

Вторым погибшим был рядовой **Иван Михайлович Бычков**, 1903 г. р., извещение о его гибели было выслано родным 10 августа 1941 г. Убитых похоронили на опушке леса у пос. Активист Спас-Деменского района.

24 августа лейтенант 4-й роты 3-го стрелкового полка Филиппов в 6:20 пытался покончить жизнь самоубийством и произвел 2 выстрела в левую часть груди из винтовки СВТ. Оперсводка уточняет: «Раненый эвакуирован. Производится дознание».

Сравним с информацией из наградного листа военрука Заводовского сельскохозяйственного техникума Березовского р-на Одесской обл. А. И. Филиппова: «Командуя стр. взводом в разведке в р-не д. Мышково Смоленской обл. задачу выполнил, но по возвращению попал в засаду и был тяжело ранен в грудную клетку 24.08.1941 г.». Как указано в документе, 4 мая 1945 г. Филиппов был награжден медалью «За отвагу».

Во время обвала блиндажа 11 сентября погибли 5 человек из истребительной роты 1-го (1300-го) полка. В донесении военного прокурора № 00942 от 16 сентября 1941 г. указаны их фамилии: командир истребительной роты ст. лейтенант П. Г. Гуськов, командир взвода ст. лейтенант Л. И. Венглинский (ошибочно указан как Бегминский), командир взвода мл. лейтенант А. П. Дубровин, командир роты лейтенант А. И. Бурасов и старшина роты В. Ф. Иванов². Жена ст. лейтенанта Бегминского не получила официального извещения о смерти мужа,

1 ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 1277.

2 ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 652. С. 26, 27.

но 24 ноября 1941 г. ей пришло письмо от красноармейца, который сообщил, что 11 сентября 1941 г. обвалом блиндажа убило 5 командиров, в т. ч. и ее мужа, а 12 сентября 1941 г. их похоронили. Про П. Г. Гуськова в Книге Памяти почему-то написано, что он погиб при исполнении служебных обязанностей 11 сентября 1941 г. в Грузии, в г. Батуми¹.

Неожиданный источник, рассказывающий о последних днях дивизии, передал для нашей инициативной группы в апреле 2015 г. Waldemar Peters из Германии. Он сообщил, что приобрел на аукционе несколько писем воинов 139-й стрелковой дивизии, попавших в октябре 1941 г. в руки солдат 15-й пехотной дивизии вермахта. Среди них были 3 почтовых карточки и 2 конверта, отправленных из полевой почтовой станции 931 по разным адресам. Эти конверты и карточки не имеют почтовых штемпелей, конверты без содержимого (писем), однако из текста на карточках следует, что они были написаны 4–5 октября и что 1302-й полк в это время еще сражался на своих позициях.

«Я в настоящее время нахожусь в окопах на передовой линии фронта с 2 октября. Писем не пишете, адреса пока нет, и ничего не посылайте» (4 октября, **Семен Федорович Шмыков**, 1903 г. р., рядовой, попал в плен 4 октября, погиб в плену).

«Настоящая война очень сложна, я еще не видел такой войны, не видел таких тяжелых переживаний, страх и трусость заменяет героизм. Несмотря на грохот — стрельбу и осколки, мы санитары храбро подбираем раненых товарищей, работаем круглые сутки. Многих из моих товарищей ранило, ранение легкое. <...> Мужа Нади не вижу. Играть не приходится» (5 октября, **Василий Миронович Талькин**, 1909 г. р., музыкант, служил в санвзводе 1302-го стрелкового полка, погиб в плену).

«Пока я еще здоров, что тебя больше всего интересует, и сражаюсь с фашистами. Новостей у меня нет, все бойцы в порядке, за исключением одного, которого убили фашисты разрывной пулей» (5 октября, **Яков Хаимович Темкин**, 1916 г. р., политрук роты ПВО 1302-го стрелкового полка, пропал без вести).

Эти письма были переданы в Россию для того, чтобы мы могли разыскать родственников бойцов и передать им последние весточки с фронта. Так получили открытку потомки Якова Темкина и Семена Шмыкова.

Говоря о судьбах бойцов, нельзя не изучить подробно судьбы командиров. Первым командиром дивизии приказом Народного Ко-

1 Книга памяти погибших, умерших и пропавших без вести воинов в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Т. 29. Ч. 2. М., 2005. С. 111.

миссариата Обороны от 2 июля 1941 г. был назначен комбриг **Александр Андреевич Неборак**, 1895 г. р. В короткий срок он произвел призыв и формирование подразделений и частей дивизии (всего им было сформировано четыре полка и шесть специальных частей). Понятно, что при создании дивизии было много сложностей. Однако в докладной записке особого отдела дивизии от 7 августа 1941 г. «О состоянии боевой готовности 9-й сд Кировского р-на» написано достаточно резко: «Работа по подготовке дивизии к боевым действиям поставлена совершенно неудовлетворительно. Дивизия полностью не укомплектована рядовым и командным составом». И далее: «... не лучше обстоит дело с обеспечением дивизии вооружением. Такое катастрофическое положение с вооружением дивизии объясняется тем, что бывш. нач. штаба дивизии майор Дорогин в результате его преступной деятельности умышленно развалил работу штаба и его отделений. Поставленный во главе арт снабжения дивизии Михайлов в результате его преступной деятельности дезорганизовал снабжение части вооружением и боеприпасами. Этим же Михайловым были получены с центрального склада 1800 штук бомб 48 мм калибра, вышибательные заряды от которых им же утеряны. Михайлов, находясь в Москве в течение длительного времени, совершенно бездельничал и занимался пьянством. Факты преступного отношения к хранению вооружения и боеприпасов имеют место и в частях»¹.

Видимо, по этим причинам по ходатайству Военного совета округа приказом НКО от 18.07.1941 г. командир дивизии, комбриг Неборак был снят с должности как «не справившийся с организацией дивизии и за плохую работу»². В Малоярославце дивизию принял новый командир — генерал-майор **Борис Дмитриевич Бобров**, 1893 г. р. Вместе с дивизией он прошел ее короткий и трагический боевой путь. Приведем здесь факты из его биографии, составленной Т. И. Бобровой:

Борис Дмитриевич Бобров родился 31 октября 1893 г. в городе Сапожок Рязанской области. Сын потомственного Почетного гражданина г. Сапожок, губернского секретаря, первого заведующего ЗАГС г. Сапожок Дмитрия Семеновича Боброва (родился 21 октября 1856 г. в с. Коровка Сапожковского уезда Рязанской губернии, умер в 1922 г. в г. Сапожок). Обучался в 1908–1912 гг. в Рязанской духовной семинарии; с августа 1912 г. по август 1914 г. — в Казанском военном

1 ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 12. Д. 3. С. 145.

2 Соловьев Д. Ю. Комбриги РККА. 1935–1940. Биографический справочник. Т. 25. С. 948.

училище, юнкер. Служил в царской армии сначала юнкером, а потом штабс-капитаном на должностях командира взвода, роты и батальона II Сибирского стрелкового полка на Северо-Западном, Западном и Северном фронтах.

Был награжден орденами Российской империи: Святого Владимира 4-ой степени с мечами и бантом; Святой Анны 2-ой степени с мечами; Святого Станислава 2-ой степени с мечами; Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом; Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом; Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

16 января 1918 г. добровольно вступил в Красную гвардию в г. Одесса. Участник Гражданской войны.

С 20 сентября 1924 г. по 2 июля 1927 г. Б. Д. Бобров был слушателем Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе по усовершенствованию командного состава. Вместе с ним слушателями были К. К. Рокоссовский и Г. К. Жуков. Старший преподаватель кафедры общей тактики Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Был награжден: в ознаменование 10-летия РККА — Крымциком мелкокалиберной винтовкой, приказ д. л/с № 25 от 26 марта 1928 г., серебряным портсигаром от РВС ОКДВЗ за работу в частях, приказ 155 от 15 октября 1932 г. Награжден золотыми часами, объявлена благодарность, пр. РВС № 13 от 18 января 1934 г. В связи с XX годовщиной Краснознаменной и Ордена Ленина Военной Академии РККА им. Фрунзе за боевую подготовку Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 февраля 1939 г. награжден орденом «Красная Звезда», № 6401, «Правда» от 7 февраля 1939 г. имеет медаль «XX лет РККА». Комбриг с 1939 г. Постановлением СНК СССР № 945 от 4 июня 1940 г. присвоено звание генерал-майора.

Восстанавливая буквально по дням боевой путь 139-й стрелковой дивизии 2 формирования (такое название носила в октябре 1941 г. бывшая 9-я ополченческая дивизия), мы не могли не собрать все имеющиеся сведения о гибели ее командира Б. Д. Боброва. Приведем их здесь для того, чтобы составить наиболее полную картину этого трагического события. Воспоминания приводятся по порядку от наиболее ранних, относящихся еще к военному времени, к поздним послевоенным воспоминаниям, написанным по просьбе Совета ветеранов.

Из справки о гибели командного состава 9 ДНО от 13 января 1943 г., составленной бывшим начальником штаба 9 ДНО майором Г. П. Макаровым: «Командир 9-й стрелковой дивизии народного ополчения генерал-майор Бобров Борис Дмитриевич погиб **в ночном бою** с 6 на 7 октября 1941 года в лесах местечка Волочек Ельнинского района **во время следования его с КП дивизии на КП 24-й**

армии. Попал под обстрел группы немецких автоматчиков. О гибели доложил начальник инженерной службы дивизии профессор товарищ Колеснев Самуил Георгиевич, который следовал вместе с генерал-майором Бобровым»¹.

Из воспоминаний старшего политрука Фидельмана от 2 июля 1943 г.: «Мы подошли к деревне Волочек, где расположился штаб 24-й армии. Здесь получили приказ оборонять штаб армии. Оборону заняли в лесу. Вместе с бойцами оборону вело и командование полком. Опыта боев в лесах мы еще не имели.. После этих боев и потерь, связанных с этими боями, в Волочке объединились остатки всех трех полков ополченской дивизии. Часть погибла, часть рассеялась с отступлением и в наличии осталось **не больше 800 человек**. Командующий 24-й армии генерал-лейтенант Ракутин **влил нашу дивизию в 160-ю** дивизию, поскольку людей было мало и самостоятельной дивизией мы оставаться не могли. Комиссар дивизии Прохоров, желая сохранить Кировскую дивизию, договорился со 160-й дивизией, что наши люди не будут разбиты по полкам, а останутся отдельной, самостоятельной частью в 160-й дивизии. Комиссаром нашей части назначили меня. **Прохоров и часть других людей их штаба дивизии оказавшихся свободными от руководства на машинах выехали в Вязьму**, но там проскочить уже не успели, так как в тот же день 6 октября десантом немец Вязьму занял. Больше я их не встречал <...>»².

Из воспоминаний бригадного комиссара Прохорова (1950-е гг.): «6 октября, втягиваясь в леса в районе Волочка, части дивизии подверглись штурму немецкой авиации. К вечеру этого же дня группы противника, потеснив наше боевое охранение, прорвались в расположение наших частей и открыли беспорядочную стрельбу. Отдельными контратаками и ружейно-пулеметным огнем с нашей стороны противник был отбит. Здесь, в боях, **в лесу в районе Волочка погиб командир дивизии — генерал-майор тов. Бобров** и был тяжело ранен начальник Политотдела — батальонный комиссар т. Бантровский Г. С.»³.

Из воспоминаний начальника политотдела дивизии батальонного комиссара Бантровского от 1 декабря 1971 г.: «К исходу дня 6 октября остатки дивизии подошли в лесу в районе Волочка — к домику лесника, где находился штаб Армии, и тут расположились на ночлег.

1 ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 319.

2 ЦАОПИМ. Ф. 67. Оп. 3. Д. 10. Л. 104, 104 об., 105.

3 Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Музейное объединение “Музей Москвы”». Ф. 290ТСП. Оп. 1. Д. 1, 1.4.

Ночью командир дивизии генерал Бобров пошел в штаб Армии с докладом о состоянии дивизии, которая находилась в тяжелом положении. При возвращении из штаба погиб комдив и его адъютант. Этой же ночью побывали в штабе Армии и я с комиссаром Прохоровым. Обстановку в штабе спокойной назвать было нельзя, преобладала нервная напряженность и ясно было, что отступление будет продолжаться. Так оно и получилось. Во время очередного налета вражеской авиации я был тяжело контужен»¹.

Однако наша подборка была бы неполной без имеющихся документов, освещающих эти события с немецкой стороны. Из журнала боевых действий 20-го армейского корпуса вермахта за 8 октября (перевод А. Кислицына): «10:00 Оперативный отдел 268-й дивизии сообщает: Хорошо продвигаемся вперед. Командир 9-й русской дивизии застрелился. Огромные трофеи»².

На форуме <https://smolbattle.ru/> пользователь Максим Бакунин опубликовал³ отрывок из боевого отчета 488-го пехотного полка 268-й пехотной дивизии за 8 октября 1941 г. (перевод М. Бакунина): «Лесные бои южнее Дворцов продолжались всю ночь. На рассвете только обозревается огромный успех. Вблизи КП штаба батальона был найден труп генерал-майора Бодрова, вероятно, командира русской 9-й дивизии, чье знамя также здесь найдено. Генерал погиб в ближнем бою. Мы после обработки показаний пленных установили, что наш полк 7 октября в лесу севернее и северо-восточнее Волочка противостоял основным силам 24-й армии и победоносно сорвал попытку прорыва на восток»⁴.

Таким образом, следует, что командир дивизии Б. Д. Бобров погиб не в Волочке, а неподалеку от Гаврюково (там на картах обозначена избушка лесника, упоминаемая Бантровским, где находился штаб 24-й армии) и должен быть похоронен где-то неподалеку.

В статье «Возвращение из безывестности», опубликованной в Военно-историческом сборнике ФПС РФ № 1 (авторы В. Мартынов, А. Меженко, С. Садовников, Д. Соколов) описывается следующее: «1 мая 1996 г. на дороге Волочек — Семлево, в районе урочища Гаврюково, в двух метрах от обочины дороги по особенностям грунта на глубине 40 см нами было обнаружено неизвестное захоронение. В процессе эксгумации этого захоронения, проводившейся 1–3 мая,

1 Там же. Ф. 290ТСП, Оп. 1, Д. 1, 1.5.

2 NARA. T314 R651.

3 URL: <https://smolbattle.ru/threads/24-Армия-Пропавшая-армия-первогвардейцев.94/page-140#post-1308554> (дата обращения: 30.10.2021).

4 NARA. T. 315. R. 1849.

были обнаружены останки 20 военнослужащих Красной армии и 7 солдатских медальонов.

По уцелевшим записям в медальонных вкладышах удалось установить, что здесь захоронены красноармеец Демин Михаил Федорович, воентехник 1 ранга Жучилин Филипп Вавилович, красноармейцы Платонов Захар Алексеевич и Чижиков Иван. В остальных медальонах текст либо угас, либо они не были заполнены, причем один вкладыш практически истлел. После проверки в картотеке безвозвратных потерь Центрального архива МО РФ было установлено, что все они числились пропавшими без вести в октябре — ноябре 1941 г.

По знакам различия — петлицам и нарукавным нашивкам, частично сохранившимся на останках, записям в медальонных вкладышах мы установили воинские звания у восьми захороненных военнослужащих. Один был в звании генерал-майора, двое — в звании капитана, один — старший лейтенант, один — воентехник 1 ранга, один — лейтенант и двое — в звании красноармейца. Для установления личности генерала, чьи останки были найдены в захоронении, нами был определен круг лиц высшего командного состава 24-й армии, участвовавших в боевых действиях в этом районе в октябре 1941 г., и прослежены по документам их военные судьбы. После изучения личных дел и штабных документов, карточек учета и потерь офицерского состава, мы пришли к выводу, что в районе обнаружения останков могли погибнуть двое генералов — командующий 24-й армией генерал-майор Ракутин Константин Иванович и командир 139-й стрелковой дивизии генерал-майор Бобров Борис Дмитриевич. Для идентификации личности погибшего сотрудниками Центральной судебно-медицинской лаборатории Министерства обороны было проведено криминалистическое исследование обнаруженных костных останков и их сравнение с прижизненными фотографиями обоих генералов. На основе программного антропологического исследования эксперты лаборатории пришли к заключению, что в соответствии с учетом выявленных совпадений идентификационных признаков, представленные на исследование костные останки не могут принадлежать генерал-майору Боброву Б. Д., а являются останками генерал-майора Ракутина К. И.»¹.

Генерал-майор К. И. Ракутин был торжественно перезахоронен на кладбище военно-мемориального комплекса «Снегири» в Истринском районе Московской области.

1 URL: <http://pvrf.narod.ru/stat/rakutin.htm> (дата обращения: 30.10.2021).

В то же время приложение к протоколу эксгумации свидетельствует, что кроме медальонов **Михаила Федоровича Демина** (ополченца 9 ДНО из Загорска), **Захара Алексеевича Платонова** (красноармейца минометной роты 2 сп 9 ДНО), младшего лейтенанта **Тимофея Иосифовича Чижикова**, 1915 г. р. (направленного в Кировский РВК Москвы 21 августа 1941 г.) было также обнаружено зеркальце с нацарапанной фамилией на обороте — Фринзюк. Ранее поиск информации о возможном владельце завершен не был. Но благодаря восстанавливаемому списку воинов 9 ДНО можно с уверенностью сказать, что это адъютант генерала Боброва, погибший вместе с ним, — лейтенант **Борис Алексеевич Фринзюк**, 1919 г. р., выпускник Ярославского пехотного училища¹ (то, что он был адъютантом командира дивизии, указано в его УПК²). Согласно Книге Памяти «Они погибли под Москвой», он перезахоронен на мемориале в д. Ленино Истринского района³, как и рядовой М. Ф. Демин.

По официальным данным, Б. Д. Бобров числится перезахороненным из д. Волочек в братскую могилу с. Алексино Дорогобужского р-на⁴.

1 ЦАМО. Ф. 135. Оп. 12761. Д. 80.

2 ЦАМО. Шк. 217. Ящ. 29.

3 Книга Памяти. Они погибли в битве под Москвой. Т. 15. УФХ. С. 222.

4 Поименный список захоронения URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie89411190/ (дата обращения: 30.10.2021).

Б. У. Серазетдинов

Историческая память о Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): проблемы искажения

Аннотация: В статье рассматриваются примерные направления и характер фальсификации истории войны и вклада СССР в победу над Германией.

В настоящее время много говорим об исторической памяти. С точки зрения немецкого историка Йорна Рюзена, «... историческая память выступает, с одной стороны, как ментальная особенность субъектов сохранять воспоминания о пережитом опыте, который является необходимой основой для выработки исторического сознания... С другой — как результат определенных смысл образующих операций по упорядочиванию воспоминаний, осуществляемых в ходе оформления исторического сознания путем осмысления пережитого опыта...»¹. Член-корреспондент РАН Жан Терентьевич Тощенко отмечает, что «историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания»².

Историческая память — это определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Это высказывание члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора Лорины Петровны Репиной³.

История и память — две значительные категории, которые используются в настоящее время в различных направлениях исследова-

1 Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 7. С. 9.

2 Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3.

3 Репина Л. П. Историческая память и современная историография / Л. И. Репина // Новая и новейшая история. 2004. - №5. С. 42.

ний (исторических, культурологических, социологических, междисциплинарных и т. д.). С точки зрения французского историка Пьера Нора, история — это устоявшаяся рациональная форма репрезентации прошлого, и память — это текучий и более эмоциональный способ восприятия и выстраивания прошлого¹. Патрик Х. Хаттон, автор книги «История как искусство памяти» (1990), проанализировал коллективную и индивидуальную память. С его точки зрения коллективная память представляет мозаику достоверных событий и мнимых явлений, слухов, фальшивых свидетельств. Ею часто пользуются нечистоплотные политики, превращая Историю в служанку государства, а нацию — в инструмент личных амбиций².

Сохранение исторической памяти об истории Великой Отечественной войны в период современного глобального противостояния является одной из важных задач. В статье Президента Российской Федерации В. В. Путина сказано: «Мы будем твердо защищать правду, основанную на документально подтвержденных исторических фактах, продолжим честно и непредвзято рассказывать о событиях Второй мировой войны»³.

Платформа исторической проблематики Великой Отечественной войны была и есть научно-исследовательским полем, на котором идет борьба между исторической правдой и правдивой ложью, т.е. фальсификацией. Здесь сторонники фальсификации используют пропаганду определенного отношения к прошлым событиям, внедрение каких-либо, идеологических или политических, идей разрушения исторической памяти под видом поиска истины и объективности. Происходит замена понятий «Великая Отечественная война», «советский народ-победитель», «Красная армия — освободитель от фашизма» на такие как «советская оккупация», «коммунистический геноцид против народа», «агрессия СССР против нацистской Германии», «советско-нацистская война», «бандеровские борцы за свободу Украины» и другие.

Под фальсификацией истории обычно понимается сознательное искажение исторических событий в определенных, часто политических целях. Фальсификацию истории в узком прагматичном смысле можно определить как сознательное искажение исторических фактов,

1 Nora P. Introduction // *Realms of Memory: Rethinking the French Past*. Vol. 1: *Conflicts And Divisions* / ed. P. Nora. New York: Columbia University Press, 1996. pp. 1–20.

2 Хаттон, Патрик Х. История как искусство памяти / Патрик Х. Хаттон; Пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль: Фонд Ун-т, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). 422 с.

3 Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета. 2020. 19 июня.

их тенденциозную трактовку, выборочное цитирование и манипуляции с источниками с целью создания искаженного образа исторической реальности.

Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая на военном параде 9 мая 2021 г. сказал: «История требует делать выводы и извлекать уроки. Но, к сожалению, многое из идеологии нацистов, тех, кто был одержим бредовой теорией о своей исключительности, вновь пытаются поставить на вооружение. И не только разного рода радикалы и группировки международных террористов. Сегодня мы видим сборища недобитых карателей и их последователей, попытки переписать историю, оправдать предателей и преступников, на руках которых кровь сотен тысяч мирных людей»¹.

Предметом «ревизии» оказались инициаторы и виновники войны, характер войны для разных сторон, ход войны, вклад участников антигитлеровской коалиции в победу, цена победы, роль руководства страны, мотивы участия в войне власти и народа, победители в войне, да и сама победа, и многое другое. После распада СССР стали беззастенчиво переставляться акценты в оценках не только роли участников войны, но и ее причин, и самого ее характера. Появилась тенденция ставить на одну доску Сталина и Гитлера, Третий рейх и Советский Союз.

Именно это и не устраивает наших «оппонентов», стремящихся максимально ослабить Россию. Поэтому сознательно переставляются акценты в оценках, возбуждаются отрицательные эмоции в отношении страны и армии-освободительницы, фабрикуются их негативные образы, внедряемые в массовое сознание. При этом даже не упоминается главное — что СССР и советский народ спасли Европу, причем огромной ценой десятков миллионов жизней и колоссальных материальных потерь, от человеконенавистнической стратегии Гитлера, направленной на уничтожение целых государств и народов. Забывается и то, что славянские и другие народы, в том числе и народы, проживающие в Советском Союзе, были объектом фашистского геноцида, что СССР спас от уничтожения не только народы Европы, но и западные демократии, которые теперь пытаются ставить на одну доску агрессора и его жертву, гитлеровскую Германию и Советский Союз.

И вот уже со всех сторон звучат обвинения в том, что СССР «не так» пытался отсрочить фашистскую агрессию, что Советский Союз не был готов к ведению оборонительной войны, что причиной тяжелого поражения Советского Союза в первые дни войны явилась

1 Речь президента России В. В. Путина на Параде Победы 9 Мая 2021 года.

паника и растерянность Сталина и других руководителей страны, что «плохо воевали», добывая победу большой ценой, что Красная армия беспорядочно отступала на восток, пока не начались морозы, что сильный мороз — главная причина поражения немцев под Москвой, что репрессии являлись главным средством поднятия боеспособности Красной армии, «плохо освобождали» Восточную Европу, стремясь впоследствии не допустить повторения нашествия с Запада, создав барьер из дружественных стран, что решающую роль в победе над Германией сыграли боевые действия союзников и их военная помощь Советскому Союзу.

Запад формулирует эти претензии так: он требует от России покаяться «за вторжение в Восточную Европу и насильственное утверждение там марионеточных режимов, просуществовавших до рубежа 1980–1990-х годов». При этом политика двойных стандартов проявляется все более открыто.

Таким образом, основные направления искажения правды о войне следующие. Во-первых, вводится в дискурс концепция «равной ответственности» Германии и Советского Союза за развязывание войны. Сегодня подобную откровенную историческую ложь можно услышать не только от западных, но и российских историков, которые пытаются снять с Запада ответственность за политику «умиротворения» Германии. Австрийский профессор Эрнст Топич в своей работе «Сталинская война: советская долгосрочная стратегия против Запада как рациональная политика власти» писал, что, увлекшись показом агрессивности Гитлера, западная наука просмотрела истинного преступника — Сталина. Топич утверждал, что Вторая мировая «была по сути дела нападением Советского Союза на западные демократии, а Германии.. отводилась лишь роль военного заместителя»¹. Ключевым у Э. Топича стал тезис о том, что «политический смысл Второй мировой войны сводится к агрессии Советского Союза» против западных демократий, а роль Германии и Японии состояла в том, что они служили военным инструментом Кремля. Он выдвинул версию о том, что советское руководство якобы «само спровоцировало» Гитлера на нападение, дабы «предстать перед всем миром в качестве жертвы агрессии»².

1 Topitsch E. *Stalins Krieg: Die sowjetische Langezeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik*. München, 1986.

2 Там же. S. 140–145.

Во-вторых, утверждается, что Сталин победил в войне, завалив немцев трупами советских солдат и, как следствие, дегероизируется воинский подвиг советской стороны.

В-третьих, сегодня главная ложь о Великой Отечественной войне, главная угроза нашей исторической памяти состоит также в распространении мифа о том, что Вторая мировая война — это трагедия общая для всех народов, и, прежде всего, для русских и немцев. Кто виновник этой трагедии? — «советско-нацистская война». Этот штамп родился еще во время Великой Отечественной войны, но сегодня стал поистине главным и доминирующим в информационной войне Европы с Россией. На сегодняшний день с помощью переписанной истории пытаются не только обвинить СССР в войне, но и утвердить сведения о том, что эта самая война, которая унесла так много жизней и принесла так много боли и страданий нашему народу, не была ни Великой, ни Отечественной. В Москве в 2008 г. вышла книга Б. С. Пушкарёва «Две России XX века. 1917–1993»¹. В ее создании участвовали еще несколько московских авторов. Они признают только Вторую мировую войну. Соответственно, Великая Победа для них тоже не существует. В соответствующем месте скороговоркой приводится лишь перечень событий: «1 мая красное знамя развеивается над Рейхстагом, 2 мая городской гарнизон капитулирует, 134 тыс. немцев сдаются в плен. Цена этого финала: не менее 90 тыс. убитых и 330 тыс. раненых советских воинов. Поздно вечером 8 мая Германия подписывает безоговорочную капитуляцию. В Москве уже 9 мая». Нет самого понятия Победы, вместо Победы употребляется пренебрежительное «финал». Но даже это уничижительное определение применено не к Победе в Великой Отечественной войне, а лишь к операции по штурму Берлина. О Победе в Великой Отечественной войне авторы не могут ничего сказать — самой Великой Отечественной войны для них тоже не было. Еще большее возмущение общественности и научных кругов вызвало появление в канун 65-летнего юбилея Великой Отечественной войны еще одного сквозного труда по истории нашей страны, речь идет о книге «История России XX век: 1939–2007», вышедшей под редакцией профессора МГИМО А. Б. Зубова². Зубов, в отличие от Пушкарёва, выделяет период 1941–1945 в отдельную структурную единицу книги. Но идет

1 Пушкарёв Б. С., Александров К. М., Балмасов С. С. и др. Две России XX века 1917–1993. М., 2008, С. 226; Две России XX века [Текст]: обзор истории 1917–1993 / Б. С. Пушкарёв [и др.]. 2-е изд., стереотип. Москва: Посев, 2011. 591 с.

2 История России. XX век: 1939–2007 / под ред. А. Б. Зубова. М., Астрель: АСТ, 2010. 847с.

существенно дальше Пушкарева, объявляя этот период не Великой Отечественной, а «советско-нацистской» войной. То есть для него события 1941–1945 гг. — это всего лишь столкновение двух идеологий. В основе концепции Зубова заложено отношение к Великой Отечественной войне как к битве двух диктатур. Обе эти диктатуры, согласно Зубову, враждебны русскому народу. Словом, его книга переносит нас в то же самое зазеркалье, что и работы современных украинских историков-неофашистов.

В-четвертых, по-прежнему преуменьшается вклад Советского Союза и Красной армии в разгром фашизма в пользу союзников. Американские и европейские учебники истории повествуют о том, что победу в войне с нацистской Германией и милитаристской Японией одержали англо-американские войска. К великим приписываются такие операции как высадка в Нормандии в 1944 г., «Маркет Гарден», битва за атолл Мидуэй, в то время как Сталинградской битве, знаменующей себя как коренной перелом в ходе всей Второй мировой, приписывается значение обычного, местного боя. Не берутся в расчет ни битва на Курской дуге, ни операция «Багратион». При всей их важности, стратегическом превосходстве и том факте, что благодаря упомянутым операциям начиналась очистка земли от неприятеля и освобождение самой же Европы от нацизма. Огромное количество молодежи Европы уверено, что Гитлера одолели США, есть и утверждения о том, что Европу освободила Украина, а в Японии имеются школы, где утверждают, что на Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы сбросили советские самолеты.

В-пятых, убеждают, что в стремительном штурме Берлина не было необходимости, поскольку капитуляция Германии была неизбежной.

В-шестых, выделяется и подчеркивается тема «коллорабационизма» (так, Власов на Западе известен гораздо больше, чем Карбышев). Отмечается, что значительная часть населения не хотела сражаться за Советскую власть. Ситуация усугубляется еще и тем, что в работах отдельных современных авторов предпринимаются попытки представить деятельность активных пособников немецких оккупантов в качестве «борцов против советского тоталитаризма», «сталинской тирании», «борцов за возрождение демократической России» и т. д. Подтверждением тому стала защита в марте 2016 г. в Санкт-Петербургском отделении Института истории РАН диссертации К. М. Александрова на соискание ученой степени доктора исторических наук «Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России

1943–1946 гг.»¹, вызвавшая достаточно бурную реакцию среди научной общественности России.

В-седьмых, продолжается дискуссия об оценке окончания войны: что это было — «поражение» или «освобождение»? Создание и история ГДР интерпретируются как оккупация Восточной Германии со стороны Советского Союза. Сегодня на Западе и в Восточной Европе негативное отношение к русским целенаправленно подогревается и культивируется, в частности искажением исторической памяти о Второй мировой войне: вытесняется представление о советском солдате как освободителе и спасителе пострадавших от фашизма народов и внедряется фальсифицированный образ жестокого захватчика, оккупировавшего восточноевропейские страны. В массовое сознание немцев намеренно вводится тема изнасилования немецких женщин советскими солдатами. Ее начала продвигать еще в 1954 году бывшая писательская обслуга Третьего рейха. В 1992 году две немецкие феминистки, Хельке Зандер и Барбара Йор, в книге «Освободители и освобожденные» довели число «жертв» до 2 млн., после чего западную прессу захлестнул вал лжи. При этом подчеркивается «организованность» этих преступлений военным и политическим руководством СССР. В 2002 году вышла книга английского историка Энтони Бивора «Падение Берлина»², в которой автор привел эту цифру, не уделив внимания ее критике. По словам Бивора, он нашел в российском государственном архиве отчеты «об эпидемии сексуального насилия на территории Германии». Эти отчеты в конце 1944 года (вероятно автор имеет в виду вступление советских войск в Восточную Пруссию во второй половине октября 1944 г., основные бои на территории Германии развернутся в начале 1945 г. — *Прим. ред.*) посылались сотрудниками НКВД Лаврентию Берии. «Они передавались Сталину, — говорит Бивор. — Можно увидеть по отметкам, читались они или нет. Они сообщают о массовых изнасилованиях в Восточной Пруссии и о том, как немецкие женщины пытались убивать себя и своих детей, чтобы избежать этой участи». В работе Бивора приводятся также такие данные: «По оценкам двух главных берлинских госпиталей, число жертв, изнасилованных советскими солдатами колеблется от девяноста пяти до ста тридцати тысяч человек. Один доктор сделал вывод, что только в Берлине было изнасиловано при-

1 Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.: автореферат дис. док. истор. наук: 07.00.02. СПб, 2015. 41 с.

2 Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 622 с.

мерно сто тысяч женщин. Причем около десяти тысяч из них погибли в основном в результате самоубийства. Число смертей по всей Восточной Германии, видимо, намного больше, если принимать во внимание миллион четыреста тысяч изнасилованных в Восточной Пруссии, Померании и Силезии. Представляется, что всего было изнасиловано порядка двух миллионов немецких женщин, многие из которых (если не большинство) перенесли это унижение по нескольку раз»¹. На деле такие факты, а они неизбежны на войне, ведь даже в мирное время насилие — это одно из самых распространенных преступлений, были исключительным явлением, и за преступления жестко наказывали.

В-восьмых, признается вина фашистской Германии за холокост (уничтожение 6 миллионов евреев), но совершенно игнорируется ее вина перед русскими, поляками, белорусами, украинцами, т. е. перед народами, против которых тоже проводились акции массового уничтожения.

В-девятых, это увеличение роли США в помощи СССР по ленд-лизу. Хотелось бы напомнить точки зрения не наших историков, а очевидцев того периода, участников ленд-лиза. «Поставками из СССР, отмечал бывший министр торговли США Дж. Джонс, — мы не только возвращали свои деньги, но и извлекали прибыль, что было далеко не частным случаем в торговых отношениях, регулируемых нашими государственными органами»². Г. Гопкинс, ближайший советник президента Ф. Рузвельта, утверждал: «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии»³.

В-десятых, бесстыдно сомнениям со стороны фальсификаторов также подвергается единство советского народа в годы Великой Отечественной. А именно, что отсутствие единства было между тылом и фронтом, между различными слоями населения, между коммунистами и беспартийными, между народами Советского Союза в целом. Откровенной ересью стало противопоставление народа и политического режима. Примером могут стать годы горбачевской «перестройки», когда в «Комсомольской правде» появилась статья «Украденная победа», в которой были представлены недовольства части населения СССР, буквально вырванные из контекста. Доказывалось, что

1 Там же. С. 529.

2 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн.4. Народ и война. М.: Наука, 1999. С. 217.

3 Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца. В 2-х т. / Пер. с англ. М.: Изд-во иностранной литературы. 1958. Т.2. С. 626.

во время Великой Отечественной войны идеи политического режима и самого советского народа не совпадали. Нагло утверждалось, что пока Сталин пытался сохранить свою тиранию, народ просто хотел освобождения страны и мирного неба, что великая победа была одержана «не благодаря, а вопреки» советскому режиму, что советская система пала при первых же ударах фашистов.

Я уверен, что празднование 75-летнего юбилея победы и память о 80-й годовщине начала Великой Отечественной войны внесут свой вклад в защиту исторической правды о Второй мировой войне, и вместе с тем подготовка к празднованию победы советского народа над фашистской Германией и проведение мероприятий по страшным дням начала Великой Отечественной войны обозначило все болевые точки по этому вопросу как в массовом, так и в политическом мировом сознании, а также стало поводом для соотнесения образа войны с современными многообразными политическими и иными интересами.

В связи с многочисленными попытками ревизии исторической правды о Второй мировой войне российскому руководству приходится напоминать странам Запада о ней и расставлять адекватные акценты в интерпретации хода событий, их причин и следствий, роли СССР в победе и многих других вопросах. Три четверти потерь во Второй мировой войне фашистская Германия и ее сателлиты понесли на Восточном фронте. Советская армия разгромила 600 вражеских дивизий, а освободив в 1944 г. территорию своей страны, перешла государственную границу СССР, чтобы избавить от нацистского ига еще одиннадцать европейских стран. Подчеркнув решающую роль СССР в победе над нацизмом и в освобождении народов Европы, В. В. Путин напомнил, что именно Россия «внесла главный вклад в победу над гитлеризмом», потеряв почти 30 миллионов жизней и треть национального богатства. И совершенно недопустимо ставить знак равенства между двумя разными режимами — гитлеризмом и сталинизмом, агрессором и жертвой¹. Защита подлинных героев Великой Отечественной войны является священным долгом в условиях, когда в ряде стран «бесстыдно врут своим детям» о войне и «предают своих предков»².

1 Совместное интервью Президента России В. В. Путина с Федеральным канцлером ФРГ Г. Шредером газете «Бильд» 7 мая 2005 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации.

2 Речь Президента России В. В. Путина на Красной площади 9 мая 2019 г.

Защита всеми доступными способами великого подвига советского народа, всех народов теперь уже бывшего СССР, наш долг и наша первейшая обязанность как граждан и патриотов. Борьба с фальсификациями истории Великой Отечественной войны можно, прежде всего, профессиональным источниковедческим анализом, привлечением и открытием новых документов, необходимо обращаться к научному инструментарию, применять многофакторный подход, следует увеличить часы по предмету «Отечественная история» для проведения занятий со студентами первых курсов во всех учебных заведениях до 144 часов.

Большую работу проводят по защите исторической памяти члены совета секции по проблемам военной истории Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории, Историческое общество и Военно-историческое общество. Они выпускают работы, посвященные Великой Отечественной войне, проводят конференции, круглые столы и другие мероприятия. Среди военных организаций эффективную работу по укреплению исторической памяти о Великой Отечественной войне проводит научно-исследовательский институт военной истории ВАГШ ВС РФ. Необходимо выработать единую стратегию в вопросе формирования исторической памяти у современного поколения со стороны государства, школы, вуза и социальных институтов.

Всероссийская научная конференция на тему «Вяземский «котел». Возвращение исторической памяти и правды о Великой Отечественной войне», посвященная 80-летию Вяземской оборонительной операции 1941 г., проведенная на площадке Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника Александра Сергеевича Грибоедова, является важным шагом в противодействии попыткам фальсификации и целенаправленного искажения исторических фактов и событий.

М. В. Скороходов

Судьба советского военнопленного: писатель Родион Акульшин в оккупированных Рославле, Смоленске и Минске

Аннотация: В статье на основе автобиографии и дневниковых записей, хранящихся в фондах Бахметьевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), автобиографических книг Р. М. Акульшина, материалов периодики характеризуется период пребывания советского писателя на временно оккупированной фашистами территории СССР. Акульшин, участвовавший в Великой Отечественной войне в качестве ополченца, в начале октября 1941 года попал в плен. Выступал в лагерях для советских военнопленных с чтением стихов и беседами о вере, под псевдонимом Родион Березов публиковался в антибольшевистских немецких изданиях, под натиском советских войск отступал вместе с фашистами на Запад. Несколько лет провел в лагерях для перемещенных лиц в Германии и Австрии, в 1949 году эмигрировал в США. Приведенные цитаты свидетельствуют о том, что Акульшину была близка идеология Русской освободительной армии.

Родион Михайлович Акульшин, родившийся 21 апреля 1896 года в селе Виловатово Самарской губернии, — советский писатель, издавший с 1925 года до начала Великой Отечественной войны 11 книг для взрослых и больше 20 книг — для детей. Он один из первых выпускников основанного в 1923 году Литературного института им. В. Я. Брюсова. В 1920–1930-е годы много гастролировал по Советскому Союзу, его пьесы шли в театрах. В годы жизни в США издал немало книг, в том числе автобиографических. В последние десятилетия значительное число произведений Акульшина (под псевдонимом Березов) периода эмиграции опубликовано в России, выходят посвященные ему статьи, однако многие факты его биографии неизвестны не только читателям его сочинений, но и исследователям.

Основной массив эго-документов Акульшина послевоенного времени сосредоточен в американских архивах, в которых автор данной статьи работал несколько лет назад. В течение всей жизни, начиная с 1925 года, Акульшин вел дневник, подробно характеризуя свои настроения, встречи, круг общения и творческие замыслы. Дневни-

ковые записи, сделанные в период с середины 1944 года, сохранились в фондах Бахметьевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк, США). В этом архиве хранится также машинопись «Автобиография Родиона Березова» с рукописными вставками. Время подготовки этого документа не установлено, однако судя по фразе «До сего времени в Америке вышло в свет 20 моих книг», написана она в 1970-е годы. Также сведения об Акульшине содержатся в его автобиографических книгах. Все эти источники мы используем для прояснения биографии писателя, вступившего в ряды народного ополчения, попавшего в плен, сотрудничавшего с фашистами, а затем эмигрировавшего в США.

В начале Великой Отечественной войны Акульшин вступил в ряды народного ополчения. На сайтах, посвященных Великой Отечественной войне, писатель числится как Родион Михайлович (Михайлович) Акульшин, указан только год его призыва — 1941-й. Фамилия включена в картотеку политработников, воинское звание — интендант 3-го ранга, т. е. писатель входил в военно-хозяйственный и административный состав своего подразделения¹.

О призыве, службе и пленении Акульшин довольно подробно писал в автобиографическом очерке «Последний день моей жизни». Приведем несколько фрагментов из этого источника. «Все организации приступили к созданию “Народного ополчения”. <...> 4-го июля я был вызван в Союз Писателей, и мне тоном приказа предложено вступить в ряды защитников родины. Мне в это время было 45 лет. Без очков я был совершенно беспомощным»².

Акульшин вспоминал о том, что ополченцы «в течение трех месяцев <...> копали траншеи, окопы, валили леса, чтобы загородить дорогу неприятельским танкам. А 3-го октября нас, неподготовленных, беспомощных, слабых, голодных, бросили в бой против немецких танков, минометов и автоматов»³. Автор очерка отмечал, что даже в такой тяжелый момент он продолжал вести дневник (судьба дневниковых записей тех дней неизвестна). Писатель рассказывал, что было много раненых и ополченцы получили приказ отступить, однако «нас перехватил неприятель. Осветив ракетами бегущих, на нас направили огонь из автоматов. Группа отступающих из 17 человек набрела на неглубокую траншею. Я был в этой группе. В канаве нельзя было

1 1418 шагов по городу памяти. Акульшин Родион Михайлович (Михайлович) // <https://1418museum.ru/heroes/25353412/> / Электронный ресурс. Дата обращения: 10.09.2021. См. также сайт «Память народа. 1941–1945» — <https://pamyat-naroda.ru>

2 Березов Р. Лебединая песня. Ашфорд: Издание автора. 1978. С. 41.

3 Там же. С. 42.

укрыться с головой. А пули свистели, не умолкая. Я догадался прикрывать голову шанцевой лопаткой. Ударяясь о нее, пули падали мне под ноги, в песок траншеи. Я <...> не переставал молиться: “Господи, сохрани мою жизнь — я всю ее посвящу добрым делам”. Голова соседа справа упала мне на грудь. Через минуту то же было и с соседом слева. Когда стрельба прекратилась, кто-то крикнул:

— Вылезайте!

Из семнадцати человек в живых осталось трое. <...> Втроем мы направились в восточную сторону, надеясь встретить своих¹.

Утром Акульшин отправился на разведку в расположенное недалеко от места боя большое село, которое оказалось захваченным фашистами. Так Березов попал в плен. «Солдат привел меня в штаб на допрос к русскому человеку, как видно, старому эмигранту, — вспоминает писатель. — Речь этого человека была культурной. Гитлера он превозносил до небес². С другими военнопленными Акульшина погнали в Рославль. «На ходу многие поддерживали друг друга за руку. Шли мы с небольшими остановками весь день — тоскующие и недоумевающие. Кое-кто падал от слабости. Таких пристреливали конвоиры. За проволоку лагеря нас загнали вечером³. Концентрационный лагерь № 130 располагался на юго-западной окраине города Рославля, вдоль Варшавского шоссе⁴.

Лагерь был переполнен военнопленными, и Акульшин попытался устроиться на ночлег не в сарае, где, как выяснилось позже, за ночь задавили девятерых пленных, а в одном из двух- и трехэтажных кирпичных зданий. «С верхнего этажа спустился молодой красавец в новой куртке цвета беж, в галифе голубого цвета и в начищенных сапогах, в которые можно было глядеться вместо зеркала.

— Что вам угодно?

— Мне угодно, чтобы вы дали мне ночлег в этом доме.

Он громко расхохотался.

— Знаете, сколько пленных в лагере?

1 Березов Р. Лебединая песня. С. 42.

2 Там же. С. 43.

3 Там же. С. 44.

4 Список концентрационных лагерей и других мест принудительного содержания военнопленных и гражданского населения в период Великой Отечественной войны на территории Смоленской области (в границах 1943 г.) // Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Смоленская область: Сб. архивных документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; отв. ред. О. В. Иванов; сост. С. В. Карпова. М.: Фонд «Связь Эпох»: Кучково поле Музеон, 2020. С. 542.

— Не знаю.

— Семьдесят тысяч! Представляете, что бы произошло, если б все они ринулись искать ночлега в госпитале?

— Да, конечно, пленных в лагере тысячи, но я думаю, что писателей среди них очень мало.

— Вы писатель? Как ваше имя?

Я назвал себя.

— Так я же читал ваши книги! Поднимайтесь на второй этаж!»¹.

На следующий день Акульшина устроили поваром на кухню, где он проработал около трех месяцев. Об условиях жизни писатель вспоминает: «Спали работники кухни на нарах, тесно прижавшись друг к другу. Всех одолевали насекомые, гнездившиеся в рубцах рубашек. Вместо электричества комнату освещала коптилка. Перед сном мы снимали рубашки и проводили по рубцам железкой. Раздавался треск убитых вшей. Мои товарищи по несчастью и работе скоро узнали, что я, как писатель, знаю на память много разных историй. Моей обязанностью стало — развлекать художественным словом людей после обработки наших рубашек»².

В автобиографическом романе «Что было»³ Акульшин пишет: «В каждую свободную минуту я решил делать записи в блокноте обо всем, что вижу, слышу, переживаю.

В кухню вошел главный переводчик — Иван Иванович <...> Проходя мимо меня, покосился:

— Это еще что за литературные упражнения?

Я ничего ему не ответил. Через несколько минут он вернулся с помощником коменданта.

— Вы делаете какие-то записи? — застенчиво спросил немецкий офицер, — надеюсь, в них нет ничего крамольного?..

— Я веду дневник, который впоследствии послужит мне материалом для книги»⁴.

Когда лагерное начальство заметило склонность Акульшина к пению и общению с пленными, он стал выступать перед ними: пел песни, читал стихи, рассказы, говорил о Боге и вере. В романе «Что было» переданы слова коменданта лагеря: «Вы должны быть там, где вам будут рады, как солнцу в ненастный день. С завтрашнего дня вы начнете обслуживать своих раненых соотечественников во всех

1 Березов Р. Лебединая песня. С. 44.

2 Лебединая песня. С. 45.

3 Березов Р. Что было. Сан-Франциско, 1958.

4 Там же. С. 12.

палатах лагерного госпиталя: будете читать им свои произведения, говорить с ними по душам, петь для них народные песни...»¹.

В середине декабря 1941 года Акульшина отправили в Смоленск в отдел пропаганды. Следовательно, к этому времени он уже пользовался доверием оккупационных властей. Акульшин избрал для себя псевдоним и стал печататься в русскоязычных изданиях. «В первую ночь на постоянном месте жительства я долго придумывал для себя псевдоним. Перебрал в памяти все праздники, названия всех планет, русских имен, цветов и деревьев и остановился на березе, превратившись в Березова»².

Вскоре в редакции состоялось знакомство Акульшина с 25-летним писателем Сергеем Пасхиным (в эмиграции — Пашин, псевдонимы — Сергей Максимов и Сергей Широков), выходцем из старообрядцев Костромской губернии. «Он отбыл шестилетнее заключение в концентрационном лагере, после чего ему было дано разрешение — поселиться в Калуге, — пишет Акульшин. — Я подружился с ним и вскоре мы вдвоем написали пьесу „Волк“, которая была поставлена в Смоленском городском театре. Во время его женитьбы на Соне Спиридоновой я был его посаженным отцом»³.

В разрушенном и подвергавшемся налетам советской авиации Смоленске Акульшин жил «в одноэтажном домике по улице Володарского, неподалеку от центра города. До войны в этом доме жил профессор Медицинского Института. В начале войны он эвакуировался на восток, поручив квартиру своей пожилой кухарке Матрене. Она жила по соседству со мною. В моей комнате с потолка свешивалась тяжелая люстра. Вместо окон была застекленная стена с дверью на веранду. За верандой был цветник и вишневый сад»⁴.

Главным рупором немецкой пропаганды в Смоленской области была газета «Новый путь» (первоначально «Смоленский вестник»), выходившая с 15 октября 1941 года до 12 сентября 1943 года. Публикации Акульшина в этом издании свидетельствуют о его позиции — поддержке фашистов в борьбе с большевизмом. Так, в рассказе «Соседки», напечатанном 2 июля 1942 года, предстала идиллическая картина. Жительница деревни Докучаевка Алена Касаткина после ухода мужа на фронт осталась с шестерыми детьми. Пришли немцы, через деревню прогнали множество пленных, но местных жителей

1 Березов Р. Что было. С. 14.

2 Березов Р. Лебединая песня. С. 47.

3 Там же.

4 Там же. С. 48.

среди них не было. Алена, получив зерно, четыре гектара земли и лощадь для ее обработки, отправилась на поиски мужа. Нашла его раненым в одном из лагерей и через двое суток, оформив необходимые документы, забрала домой — супруги приехали вместе на грузовике. На третий день муж выздоровел, и вся семья отправилась в поле...¹.

Приведем и начало стихотворения «Другу», опубликованного 3 декабря 1943 года в «русской антибольшевистской газете» «Руль», вышедшей под редакцией И. Миронова тиражом 200 тысяч экземпляров: «Тоску вином не заливай, / Трудом ее лечи. / Кровоточит родной наш край / И живы палачи. // Но сочтены в Кремле их дни, / Возмездье их сотрет. / Смелей, мой друг, кругом взгляни, / Отчизна не умрет»². Еще один показательный пример — финальная часть напечатанного в те же дни стихотворения «Встречи»: «Залечим раны мы войны / На теле матери-страны / И будем лишь как сновиденья / Припоминать войны мученья, / И будем мы друзей искать, / Оставшихся на пир скликать / И снова соберемся вместе, / Поборники свободы, чести, / И спросим мы, скорбя душой: / Кто поплатился головой? / Таких окажется немало, / Помянем их, нальем в бокалы / Полней прозрачного вина / И скажем: „Кончилась война, / Друзья, любимые, поймите, / Без страха все теперь живите, / Лубянского нет топора, / Свободны мы! Ура! Ура!”»³. Вероятно, подобную позицию Березов высказывал и в своих дневниковых записях конца 1941 — первой половины 1944 гг. (эти дневники он оставил в Минске), поэтому понимал, что его судьба предрешена — ему оставался только один путь — под напором советских войск отступать вместе с фашистами.

В июне 1944 года Акульшин находился в Минске и рассуждал в дневнике о том, когда же наступит конец «безумному кровопролитию», надеясь, что в том же году решится судьба воюющих государств. Его волновала не только собственная жизнь («Может быть в недалеком будущем придется уехать из Минска. Но куда?»), он стремился осмыслить происходящее: «Постоянно, неизменно в душе тревога и такое чувство, как будто я сделал что-то нехорошее или не сделал того, что должен был сделать. <..> Когда тоска перестанет терзать мою душу? Когда моя совесть будет спокойной?

А может быть такое состояние — результат ужасного трехлетия? Борьба за существование не выматывает всех моих сил. Сравнитель-

1 Березов Дм. Соседки. Рассказ // Новый путь. Der neue Weg. Выпуск в городе Борисове. 1942. 2 июля. № 6. С. 3.

2 Березов Д. Другу // Руль. Русская антибольшевистская газета. 1943. 3 декабря. № 102. С. 4.

3 Березов Д. Встречи // Руль. Русская антибольшевистская газета. 1943. 9 декабря. С. 3.

но легко я добываю средства на жизнь. Устное и письменное слово — вот что обеспечивает меня.

Миллионы людей бьются как рыба об лед, гибнут от голода и всевозможных лишений. Мне до сих пор судьба благоприятствует: я сыт, обут, одет, пользуюсь вниманием публики и читателей. А душа не спокойна. Душа говорит: „Все, что ты делаешь, не то, что сейчас нужно истекающей кровью родине. А то, что ей нужно, ты не делаешь, а только собираешься делать. Когда же приступишь к нужному для всех и каждого?“¹

В конце июня 1944 года Акульшин уехал с отступающими немцами в Барановичи и Слоним. Бомбежка была причиной многочисленных разрушений и пожаров. Однако Акульшин продолжал выступления, в том числе читал собственные произведения, которые слушали с интересом. Писателя волновала судьба дневников: «Если не удастся вернуться в Минск, — записал он 30 июня 1944 года, — это для меня будет равносильно катастрофе: там дневники за три года, белье, зимняя одежда». В тот же день, находясь в Слониме, отмечал: «По требованию зондерфюрера перешли из офицерского общежития в гостиницу <...>. Грязь, клопы, блохи, вонь. Окна номера выходят на базарную площадь. В нижнем этаже кавказская кухня. Весь чад идет наверх».

С 3 июля 1944 года Акульшин оказался в Брест-Литовске — городе, в то время избежавшем разрушений. Дневниковая запись от 6–7 июля свидетельствует о том, что писатель желал победы фашистам: «Германское командование должно что-то предпринять, чтобы ликвидировать катастрофу». В ночь на 8 июля — бомбардировка Бреста американскими четырехмоторными самолетами, много погибших и разрушений. В этот же день Акульшин уехал в Белосток, в дневниковой записи читаем: «Жить не бесконечно, а дожить до конца войны, увидеться со своими близкими и потрудиться на благо истерзанной Родины — вот чего хочется в дни войны. Хоть одну ночь поспать спокойно, а не трепетать в подвале под завывания бомб и уханья зениток. Это желание так скромно, но увы... оно неосуществимо».

11 июля Акульшин прибыл в Восточную Пруссию, в город Лик. Запись от 11 июля 1944 года: «Познакомились с русскими девушками, работающими в Германии. На жизнь не жалуются. Немцы по отношению к русским приветливы, предупредительны». Тревога звучит в записи от 11 июля 1944 года: «Неужели сюда придут большевики? Неужели от города останутся одни развалины, как от Вильны, которая двумя

1 Бахметьевский архив Колумбийского университета. Вох 7. Rodion Mikhailovich Bezevov Papers, 1944–1976. Здесь и далее цит. по этому архиву.

бомбардировками стерта с лица земли». 11 июля вечером приехал в Кенигсберг. Записал 13 июля 1944 года: «То, что приходится переживать в эти дни, могло бы уложиться лишь в рамки повести. Но времени для записи нет совершенно. И поэтому приходится ограничиваться лишь сухой хроникой. В Берлин из Кенигсберга уехали с удобством: в купе, сидели. Прибыли в 10 утра. Такого вида Германской столицы не ожидал встретить. Это не город, а труп города — сплошные развалины».

Приведем еще несколько дневниковых записей, свидетельствующих о позиции Акульшина. 16 июля 1944 года он отмечал: «...сердце почему-то спокойно и не допускает поражения Германии. Сердце верит в победу». И неделю спустя, 24 июля 1944 года: «Что нас ждет — всех нас, русских, порвавших с Советским Союзом? Эренбург клянется найти нас в любом месте, найти, поставить к позорному столбу, и потом четвертовать. Неужели действительно нас ждет такой роковой конец? <...> Большевики подошли к границам 1939 г. Сданы Псков и Остров. Если будет оставлена Прибалтика, Германию постигнет страшная катастрофа: тогда будет отрезана Финляндия и Балтийское море будет в распоряжении большевиков.

1944-й год — роковой для Германии».

27 июля 1944 года Акульшин записал: «Большевики наступают на Прибалтику, Восточную Пруссию и Галицию. Но пока жив и здоров Фюрер, душа и рассудок не хотят примириться с печальным концом. В сегодняшних газетах приказ Фюрера о мобилизации всех сил страны для достижения победы. В Комитете по мобилизации — Гитлер, Геринг, Геббельс». Сходные суждения о Гитлере и в записи от 2 августа 1944 года. И от 3 августа 1944 года: «Гений Фюрера спасет Германию и всю Европу от большевизма. Большую роль сыграет и русская освободительная армия». 8 августа 1944 года: «Германия напрягает все силы. Искренне желаю ей победы. Победа Германии несет жизнь России и свободу многомиллионному народу».

Эти слова — красноречивое свидетельство того, что Акульшин, как и представители Русской освободительной армии, надеялся руками фашистов, помогая им, уничтожить большевизм. Он выступал как коллаборационист, осознанно сотрудничавший с врагом в ущерб государству, гражданином которого являлся.

Об отношении Акульшина к Русской освободительной армии свидетельствует его статья, опубликованная в газете «Русь», материалы которой пропитаны не только антибольшевизмом, но и антисемитизмом. В номере от 10 июля 1944 года за подписью «Д. Березов» была напечатана статья «Путь к прозрению». В ней рассказывается о знакомстве 35-летнего автора (соответственно, это произошло в начале

1930-х годов) с начинающим 15-летним поэтом Василием Костроминовым, переросшем в «крепкую дружбу». Василий отслужил в армии на Дальнем Востоке, женился, в семье появился ребенок. «Он в моих глазах был идеальным молодым человеком нашего времени, — отмечает Акульшин. — Он встречался с приятелями, много читал, вел дневник, посещал театры, музеи, художественные выставки, участвовал в загородных экскурсиях, усиленно переписывался с друзьями, работал над картинами, был нежен и ласков с женой и ребенком».

Затем началась война, Костроминов в первый же день был призван на службу. Был ранен и из госпиталя написал письмо автору очерка, находившемуся в то время в рядах народного ополчения. Акульшин приводит слова, которыми заканчивалось то письмо: «Рвусь на фронт — защищать Родину».

Новая встреча со старым другом состоялась во время выступления Акульшина на литературном вечере в одном из батальонов Русской освободительной армии. Костроминов оказался в ее рядах. Описав данный сюжет, Акульшин приходит к следующим выводам:

«В плену Костроминов прозрел окончательно.

— Я не буду изменником и предателем, если вступлю в ряды РАО, сказал он себе, — еврейский большевизм со своей ужасной тактикой чужд русскому укладу жизни и неприемлем для русской души. Каждый, в чьем сердце теплится искорка благородства, должен быть бойцом Русской Освободительной Армии.

— Сколько потрясающе интересного расскажем мы своим потомкам! В этом рассказе главным действующим лицом будет русская душа. Ее не растерзали на смерть годы большевистского лихолетья, ее не убила кровавая, умопомрачительная война»¹.

Приведенный фрагмент свидетельствует о том, что Березов в своих печатных материалах активно продвигал идею Русской освободительной армии, которая сражалась на стороне фашистов против большевизма, советской армии и армий союзников СССР по антигитлеровской коалиции. Акульшин 18 июля 1944 года, съездив в Потсдам, снялся с военного пайка и перешел в Винету². В эту организа-

1 Березов Д. Путь к прозрению // Руль. Русская антибольшевистская газета. 1944. 10 июня. № 135. С. 4.

2 В министерстве пропаганды гитлеровской Германии был сформирован «восточный» отдел, в составе которого функционировал подотдел «Винета» (Vineta). См.: Михайлюк М. В. Немецкая пропаганда на Украине (1941–1944) // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сб. научных статей. СПб.; Киев; Минск: Санкт-Петербургский институт истории РАН; Институт истории Украины НАН; Белорусский гос. ун-т, 2008. С. 596.

цию Березова взяли на испытательный срок, до 1 августа 1944 года, с окладом 300 марок в месяц. В это время он дорабатывал повесть «Судьба», которая должна была быть опубликована под псевдонимом Новоселов.

Представляет интерес оценка Березовым современной литературы. Например, имеется запись от 23 июля 1944 года о Б. К. Зайцеве: «Вчера и сегодня читал Б. Зайцева. Прекрасный язык, но отсутствует сюжет. Многие рассказы ни о чем»¹. 5 августа 1944 года читал «Розу Иерихона» Бунина и наслаждался. 13 августа 1944 года отмечает: «Прочитал потрясающую книгу Романа Гуля “Дзержинский”. Вот если б эту книгу имели возможность прочитать оловцы и вообще все русские, находящиеся в Германии, они бы навсегда отвернулись от большевизма»².

Из дневниковых записей Березова мы узнаем о том, произведения каких авторов и какие издания были доступны в лагерях для перемещенных лиц. Например, в дневнике 1949 года в записи от 21 января он отмечает, что читал А. Т. Твардовского. «Дочитал “Василия Теркина”. Хорошая вещь», — отметил он 27 января³.

О своей судьбе в послевоенные годы Акульшин сообщал в автобиографии: «По окончании войны жил четыре года в лагере перемещенных лиц <...> В 1949 году попал в Соединенные Штаты, в Нью-Йорк. В Америке не брезговал никакой работой. Много выступал на литературных вечерах. <...> В 1953 году обратился ко Христу. Большинство моих американских книг изданы на средства, собранные предварительной подпиской»⁴. Скончался 25 июня 1988 года⁵.

В данной работе мы не останавливаемся на характеристике коллаборационизма как явления — об этом имеется немало количество литературы. Мы стремились на основе анализа различных источников охарактеризовать деятельность талантливого советского писателя, в первые месяцы Великой Отечественной войны оказавшегося в плену и вступившего на путь сотрудничества с оккупантами.

1 Бахметьевский архив Колумбийского университета. Box 7. Rodion Mikhailovich Berezov Papers, 1944–1976.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же. Box 19. Rodion Mikhailovich Berezov Papers, 1944–1976.

5 См. также: Скороходов М. В. Материалы к биографии Р. Березова 1944–1946 годов: мысли о России // Россия — Германия: литературные встречи (1880–1945). М.: ИМЛИ, 2017. С. 224–246.

Ю. Т. Юшинский

140-я стрелковая дивизия (13-я дивизия народного ополчения г. Москвы) в Вяземской оборонительной операции

Аннотация: В статье рассматриваются основные вопросы формирования и боевого пути 13-й дивизии народного ополчения Ростокинского района г. Москвы. В центре внимания — боевые действия дивизии в ходе Вяземской оборонительной операции. Результаты работы, представленные в виде подробных графических схем боевых действий в развитии по дням и часам, помогут поисковикам, а также многим родственникам погибших ополченцев, хотя бы приблизительно узнать, где и когда воевал, и погиб их отец, дед, прадед.

Начатая в 2015 году работа завершилась в 2019-м выходом в свет книги «13-я Ростокинская дивизия народного ополчения в Вяземской оборонительной операции. Хронология боевых действий». Сегодня эта книга находится в свободном доступе на сайте 13 ДНО в разделе «Материалы» «Книги».

Исходными материалами — основой для восстановления исторически правдивого хода боев 13-й Ростокинской дивизии — стали:

— карты, схемы и переводы немецких отчетов и журналов боевых действий всех немецких дивизий, наступавших на Москву на рубеже обороны 13 ДНО; эти документы представил живущий сейчас в Германии большой друг всех поисковиков и исследователей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., участник конференции Алексей Владимирович Кислицын;

— книга комиссара дивизии П. Г. Тарасова «99 дней жизни 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения города Москвы»;

— воспоминания выживших ополченцев, хранящиеся в архиве Института истории АН РФ, в музее 13-й дивизии в гимназии №1539;

— книги Л. Н. Лопуховского, исследования И. Г. Михайлова, А. Г. Милютина;

— немногочисленные документы того периода из ЦАМО.

Автор создал исходную карту северной части котла окружения — с использованием нескольких программ обработки изображений (MWSnap3, Adobe Photoshop CS), на базе имеющейся в открытом доступе довоенной карты (масштаб 1 км) Смоленской и Московской областей. На основе созданной карты, с помощью программы обработки изображений ACDSee и построены все схемы боев.

Формирование и выход в район боевых действий

Запись добровольцев проходила на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях Ростокинского района г. Москвы. Необходимо исправить неточность, допущенную в ранних публикациях об этапе формирования дивизии. Среди предприятий района, работники которых добровольцами записались в ополчение, упоминается типография «Гознак» (проспект Мира, 105). Это ошибка. До войны там располагался полиграфический комбинат имени В. М. Молотова Главного Управления геодезии и картографии при СНК СССР. В состав этого комбината входили Научно-Редакционная Картосоставительная Часть (НРКЧ) и картографическая фабрика. Именно оттуда 6 июля 1941 г. вместе со своими товарищами по НРКЧ и рабочими картографической фабрики ушел добровольцем в ополчение Т. Ю. Юшинский. Скорее всего, они пришли в ближайшую школу №270 на Маломосковской улице, где проходило формирование подразделений дивизии. Сейчас на этом месте — здание гимназии №1539, в котором размещается музей 13-й Ростокинской дивизии.

Командиром и начальником штаба дивизии были назначены кадровые офицеры, преподаватели академии имени М. В. Фрунзе: полковник Морозов Павел Ефремович (командир) и полковник Мусатов Сергей Семенович (начальник штаба), командиром 38 сп — полковник Пискунов Афанасий Прокофьевич. Командиром 37 сп — участник войны с белофиннами, орденноносец майор Губайдуллин Загинулла Губайдуллинович. Комиссаром дивизии стал парторг ЦК на ВСХВ Тарасов Павел Григорьевич.

Доукомплектование дивизии личным составом и кадровыми командирами шло по ходу следования к месту дислокации, изучения боевого устава, строительства оборонительных рубежей и освоения получаемого вооружения. С августа 1941 г. дивизия располагалась в районе ст. Семлево, во второй линии обороны Резервного фронта. К концу сентября дивизия была укомплектована офицерами млад-

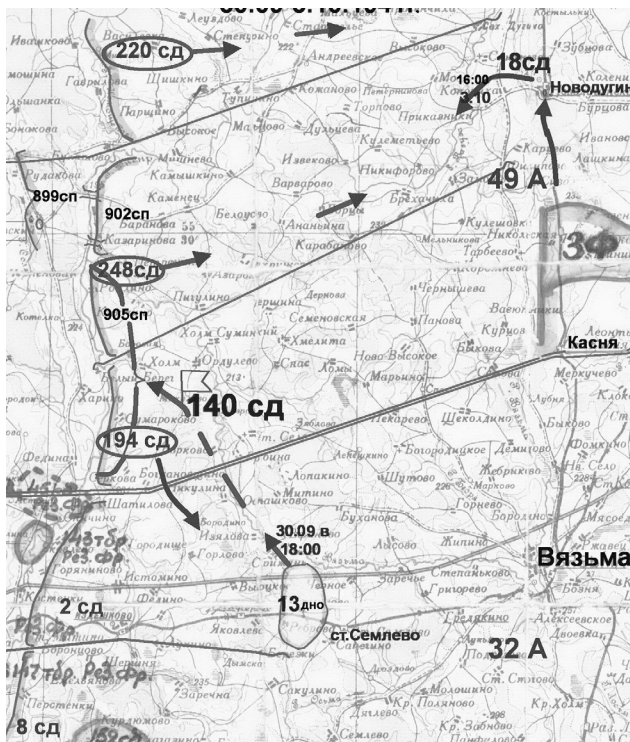

Рис. 1. Перегруппировки частей Резервного фронта

шего комсостава, пополнена призывниками и ополченцами Мытищинского и других районов Подмосковья.

26 сентября 1941 г. все дивизии народного ополчения были переведены на штат стрелковой дивизии сокращенного состава. 13-я дивизия, как и другие, получила вооружение и положенное по штату имущество. В результате численность дивизии была доведена до 11 490 человек. Дивизия вошла в состав 32-й армии Резервного фронта и стала называться 140-й стрелковой дивизией. Изменилась и нумерация полков: 37-й стал 1305 сп, 38-й — 1307 сп, 39-й — 1309 сп. На схемах — в целях экономии места — использована старая нумерация.

29 сентября дивизия получила боевой приказ: к 1 октября выйти на восточный берег Днепра и занять оборону в полосе Резервного фронта от устья реки Вязьмы до деревни Сопотово — на фронте шириной 20 км, заменив 194 сд 49-й армии. 30.09.41 г. в 18:00 дивизия

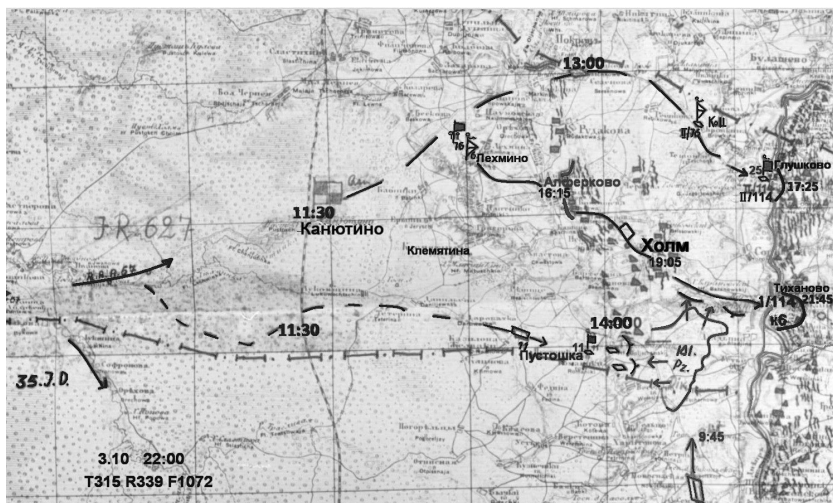

Рис. 2. Схема прорыва авангарда 56 мк немцев к Днепру

выступила в новый район сосредоточения. К 10:00 1 октября основные силы дивизии были сосредоточены в районе Павлово, Аксентьево, Ложкино и приступили к смене 194 сд.

Офицеры связи и разведгруппы, высланные для установления связи с находящимися справа частями соседней армии, ни штабов, ни частей, указанных в приказе командующего 32-й армии, не обнаружили.

Дело в том, что накануне Ставка Верховного Главнокомандования приказала перебросить 49-ю армию Резервного фронта с Ржевско-Вяземского направления на юг, в район Брянского фронта, где 2-я танковая группа Гудериана прорвала фронт. До этого 194-я, 220-я и 248-я стрелковые дивизии 49-й армии располагались и готовили линию обороны на рубеже р. Днепр, в районе поселка Холм-Жирковский. На рис. 1 изображена схема перемещения частей Резервного фронта 1–3 октября 1941 г.

Операцию «Тайфун» по захвату Москвы фашисты на этом участке начали 2 октября 1941 года ударами танковых групп, сходящимися к востоку от Вязьмы. Здесь враг ввел в бой основные силы 3-й танковой группы вермахта немецкой группы армий «Центр», стремившейся обойти Москву с севера.

К вечеру 3 октября передовые отряды 56-го моторизованного (с марта 1942 г. — танковый корпус) корпуса 3-й танковой группы Гота, обойдя с севера Холм-Жирковский, вышли на незанятые позиции 248-й стрелковой дивизии 49-й армии, ушедшей на погруз-

ку для переброски на Брянское направление. Им удалось захватить неповрежденными два моста через Днепр (6 тд у д. Тиханово и 7 тд у д. Глушково) и закрепиться там, создав плацдармы на левом, восточном берегу (см. рис. 2).

*Боевые действия в районе Холм-Жирковского
3–7 октября. Завершение окружения наших войск*

Части оперативной группы (ОГ) генерал-лейтенанта Болдина И.В. — 128 тбр, 101 мсд и 152 сд, — созданной в ночь на 3 октября 1941 года для предотвращения прорыва немцев к Днепру, не успевали на перехват и сходу вступили в бой. В районе Холм-Жирковского 3–4 октября группа Болдина вела ожесточенные бои с частями 56-го моторизованного корпуса немцев. Дважды поселок переходил из рук в руки. В районе д. Пустошка целые сутки проходило танковое сражение: 11-й танковый полк 6 тд был встречен танкистами 128 тбр. Потеряв 3 БМП и 26 танков (15 подбиты и 11 повреждены), немцы так и не смогли пробиться напрямую на плацдарм у переправы через Днепр в районе д. Тиханово и вынуждены были отойти к северу от Холм-Жирковского для пополнения боезапаса и ремонта техники.

Разобравшись с обстановкой и обнаружив на своем правом фланге вместо своих войск немцев, командование 140 стрелковой дивизии решило провести перегруппировку сил. Было решено занять плацдарм на правом (высоком) берегу Вязьмы и, закрепившись на участке устье Вязьмы — Никифоровка, обеспечить свой правый фланг и тыл обороны. Туда была направлена большая часть 37 сп. На правый берег был переправлен сводный батальон, которому было выделено три стрелковых роты — по одной из каждого батальона 37-го полка. Батальон занял позиции в районе деревни Кошкино. Для поддержки ему придавался командирский танк Т-34 и 8 танкеток. На тот берег, ближе к боевым позициям наступающих подразделений, перебрасывалась также минометная рота. Четыре гаубицы были нацелены на поддержку огнем со своих боевых позиций (без переправы на другой берег). 2-й батальон 37 сп под командованием капитана Л. П. Бедрара должен был занять позиции в районе д. Михалево, 1-й батальон Кириллова — позиции на правом берегу Днепра, в районе д. Устье. Штаб 37-го полка расположился в районе д. Княжино. 38 сп занял позиции по левому берегу Днепра, в местах имеющих и возможных переправ. 39 сп был в резерве комдива и располагался во второй линии рубежа обороны дивизии, с задачей прикрывать левый

Рис. 3. Расположение частей 140 сд

фланг, для чего были выставлены боевые охранения у д. Городищи и у д. Федино (на р. Соле). Штаб дивизии располагался в лесу недалеко от д. Михалево. Медсанбат — в лесу у д. Барково. В результате этой перегруппировки фронт обороны дивизии увеличился на 5 км и составил порядка 25 км. На рис. 3 показано положение частей 140 сд на рубеже обороны перед началом боевых действий.

140 сд вступила в бой утром 4 октября — была предпринята первая атака сводного батальона 37 сп на позиции немцев на плацдарме на восточном берегу Днепра. К сожалению, и эта, и все последующие атаки наших бойцов были отбиты. В этом бою были подбиты 4 танкетки, в танке Т-34 погиб командир танкового батальона майор

М. М. Шамсов. Этот первый бой ополченцев подробно описан в книге воспоминаний П. Г. Тарасова. Он сам вместе с комиссаром 37 сп М. В. Суягиным участвовал в этом бою, воодушевляя бойцов личным примером. В течение 4–5 октября наши части неоднократно пытались выбить немцев с плацдарма у д. Тиханово. Атаковали и с запада, из леса южнее Холма, и с восточной стороны Днепра, вдоль дороги на Вязьму. Все попытки выбить немцев с плацдарма были неудачными. Слишком велико было преимущество немецких частей в огневой мощи артиллерии. Кроме того, их авиация безраздельно господствовала в воздухе, да и атаки наши с разных сторон не были согласованы. Схема боевых действий в районе п. Холм-Жирковский 3–4.10.1941 г. представлена на рис. 4.

На восточном берегу Днепра действовали 37 сп 140 сд под командованием майора З. Г. Губайдулина:

— на левом фланге, у д. Кошкино, — остатки сводного батальона 37 сп и подошедшие к ним в поддержку 3-я и 9-я роты 39 сп;

— на правом фланге, в районе д. Михалево, — 2-й батальон 37 сп под командованием ст. лейтенанта Л. П. Бедрака. Их поддерживал танковый батальон 140 сд.

Севернее Казариново действовали части 248 сд, а также 54 сп 18 сд (бывшая 18 ДНО), первым прибывший со ст. Новодугинская в район сосредоточения на место 902 сп 248 сд. На подходе был 905 сп этой дивизии, возвращавшийся со станции Касня, и 143-я танковая бригада. Общее руководство этой группой войск осуществлял командир 32-й армии генерал-майор С. В. Вишнеvский.

Бои на правом, западном берегу Днепра (см. рис. 5). Немецкое командование было всерьез озабочено наличием такой крупной группировки наших войск на правом фланге танковой бригады Коля.

129 пд была поставлена задача очистить от наших войск местность южнее Холм-Жирковского. Ей было подчинено командование всей артиллерией 3-й танковой группы войск. Утром 5 октября, после налета на наши позиции штурмовой авиации и трехминутной артиллерийской подготовки, 430-й и 428-й пехотные полки 129 пд перешли в наступление. До позднего вечера 5 октября с активной поддержкой авиации продолжались безуспешные попытки немцев продвинуться южнее Холма на назначенный им рубеж Веселево — Устье. Приданные 430 противотанковых орудий оказались бездейственными против наших тяжелых танков на занятых ими позициях. 1-й батальон 37 сп под командованием Кириллова к вечеру 5 октября под натиском целого полка немцев вынужден был, оставив Черненово, с боями отойти на юг в район деревень Иванково и Ерутино.

Рис. 6. 140 сд в боях у Днепра 6 октября 1941 г.

Весь день 5 октября в воздухе господствовала немецкая авиация. Утром — налет штурмовиков южнее Холма на позиции наших войск на западном берегу Днепра, после обеда — массированные налеты в районе Тиханово и Княжино. Дивизия понесла большие потери как в технике, так и в живой силе. Из воспоминаний начальника штаба дивизии С. С. Мусатова: «Как правило, наступления и атаки фашистов сопровождалась авиационной бомбежкой с пикированием и пулеметным обстрелом. После налета авиации сильная артиллерийская подготовка, затем наступление пехоты с танками. Наступление и атаки следовали одна за другой, и обычно за день ополченцы отражали 5–6 атак».

В этот день к вечеру комдив П. Е. Морозов получил от И. В. Болдина новую боевую задачу: необходимо было в кратчайший срок построить переправы через Днепр для вывода войск и техники на новые рубежи обороны и обеспечить их охрану. Работы по сооружению переправ проводились скрытно, поскольку в воздухе господствовала авиация противника. Было сооружено четыре переправы, из них одна понтонная, для переправы техники. Кроме того, сделали и три ложные переправы.

В ночь на 6 октября был получен приказ Ставки об отходе войск Западного фронта на Ржевско-Вяземский рубеж обороны. Дивизии было приказано обеспечить арьергардное прикрытие отходящих войск. Отход дивизии разрешался только через 12 часов после переправы через р. Вязьму последних отходящих частей.

6 октября с раннего утра немцы начали наступление на Вязьму. 140 сд оказалась на острие атаки немецкого бронированного танко-

вого авангарда (см. рис. 6). В 4 часа утра, несмотря на ожесточенное сопротивление ополченцев, немцам удалось расширить плацдарм и занять д. Кошкино. Части сводного батальона 37 сп были вынуждены отступить за р. Вязьму. Ровно в 9 часов (мск) утра с плацдарма у д. Тиханово по дороге на Вязьму против 140-й стрелковой дивизии выступил авангард 6 тд, около 70 вражеских танков и мотопехота. Добровольцы-ополченцы не дрогнули и подожгли часть танков бутылками с горючей смесью. Около 12:00 немцы были остановлены у с. Михалево. Там занимали оборону бойцы 2-го батальона 37 сп. Истребители танков, вооруженные бутылками с зажигательной смесью, подбили пять танков.

Тяжелые бои продолжались до позднего вечера. Здесь в одной из контратак был убит командир полка майор Губайдуллин. Вместо него приказом Морозова и.о. командира 37-го полка был назначен начальник оперативного отдела штаба дивизии майор Алексей Васильевич Попов. Немцы вынуждены были подключить к атаке свежие силы. 427 пп 129-й моторизованной пехотной дивизии получил задачу оборонять фланги прорыва, заменив для участия в продолжении атаки 114 мсп и батальон мотоциклистов К 6. Только после этого, завершив перегруппировку сил, в 17:00 фашисты продолжили атаку. Поздно ночью ими была занята деревня Митьково. Общая картина боев 6 октября представлена на схеме (рис.7).

На западном берегу Днепра, южнее Холм-Жирковского 6 октября продолжались тяжелейшие бои частей оперативной группы И. В. Болдина за Холм-Жирковский. К реке Соле, преодолевая ожесточенное сопротивление 152 сд, продвигались части 35 и 5 пд 5-го армейского корпуса вермахта. Там же героически сражались бойцы 1-го батальона 37 сп, пытаясь при поддержке танков выбить немцев из д. Черненово. Батальон прикрывал подступы к переправе у с. Стешино, по которой осуществлялись отход и снабжение наших войск. О том, насколько тяжелыми и упорными там были бои, свидетельствует тот факт, что к концу дня командир 428 пп запросил разрешения оставить Черненово, «чтобы сократить необоснованные потери». В этих боях был тяжело ранен комиссар 37 сп М. В. Сутягин. Из воспоминаний начальника штаба дивизии С. С. Мусатова: «На участке Иванково — Сельцо после очередной авиа бомбежки фашисты силами свыше полка с 8–9 танками перешли в наступление. Встретив сильное огневое сопротивление и минные поля, фашисты, неся потери, отходили, затем при поддержке артогня и танков вновь шли в атаку. Во время одной из атак они ворвались частью сил в наши позиции в районе западнее Иванково. Контратакой резервов ворвавшиеся фашисты

лись на восток. Были даны команды прорываться с боями, сохраняя технику, и выходить на Можайскую линию обороны.

Бои в окружении, гибель дивизии

8 октября 140-я стрелковая дивизия официально перешла в подчинение генерал-лейтенанта Болдина. Он подчинил себе еще 214 сд и готовил свою группу войск к прорыву кольца окружения.

140 сд продолжала выполнять боевой приказ, обеспечивая арьергардное прикрытие отходящих войск группы Болдина, пока все ее подразделения не отойдут на правый берег р.Вязьмы. День выдался одним из самых тяжелых для бойцов 140 сд. Закончив сооружение переправ и переправившись через Днепр, пошли в наступление части 35 и 5 пд немцев (рис. 9). На всех участках обороны 140 сд при непрерывных бомбежках наших позиций господствующей вражеской авиацией шли ожесточенные бои с наседавшими частями 5 ак вермахта. К исходу дня части 140 сд сдерживали 5 пд противника на линии Самыкино — Холм-Гутарово (на схеме — пунктирная линия). Южнее по Днепру до позднего вечера 8 октября отдельные группы наших бойцов еще держали переправу у Ашурково и Сумароково, через которые проходили отставшие остатки разбитых частей 19-й армии и группы Болдина.

В своих воспоминаниях комиссар дивизии П. Г. Тарасов пишет: «Итоги прошедшего дня были страшными для нас. Нас оставалось около 30 % всего личного состава от того количества, с которым мы пришли на этот рубеж. Боеприпасы были на исходе, брать их нам было негде. Мы были отрезаны от всех баз и складов. Выполнение боевой задачи досталось нам ценой колоссальных потерь...»

С утра 9 октября части 5 ак фашистов продолжили наступление по всему фронту обороны 140 сд. Боевым охранением 39 сп южнее д. Богдановщина были замечены отряды немцев. Это перешли Днепр и развивали наступление на восток передовые части 28-й пехотной дивизии 8-го армейского корпуса вермахта.

От Днепра еще ночью по приказу командующего 19-й армии отошли за реку Вязьму 2-я и 166-я стрелковые дивизии. К полудню 9 октября последние подразделения группы Болдина перешли на восточный берег Вязьмы. Выполнив боевую задачу прикрытия отхода наших частей за Днепр, 140-я дивизия оставила оборонительный рубеж по берегу Днепра. Ее сводный отряд, прикрываясь арьергардами, перешел

Рис. 12. Схема расстановки сил 140 сд в последнем бою 13 октября 1941 г.

В д. Шутово, в штабе объединенной группировки, Болдин сообщил об этом комдиву П. Е. Морозову, поставив ему новую задачу: обеспечить прикрытие отхода его штаба и остатков войск в течение 7–8 часов, пока они не отойдут на достаточное расстояние. На рис. 12 изображена схема построения обороны бойцов 140 сд, которые приняли там последний бой. Ожидалось появление немцев со стороны Лепешкино. Всего в этой части дивизии осталось около 700 человек. И они должны были сдерживать натиск целого полка до зубов вооруженных немцев. Дивизия выполнила и этот приказ Болдина. По свидетельству П. Г. Тарасова, который подробно описал этот бой, в нем героически погибли командир 38 сп полковник А. П. Пискунов, начальник штаба 38 сп капитан Д. И. Коган, группа старшего политрука Соловьева.

13 октября 1941 г. 140-я дивизия перестала существовать как боевая единица. Еще днем 11 октября С. С. Мусатов по указанию комдива сжег все документы штаба дивизии. Бойцы и командиры продолжили выход из окружения мелкими группами. Очень немногим удалось выйти к своим. Большинство погибли или попали в плен. Майор А. В. Попов, командуя сводным отрядом остатков 37 и 38 сп и пройдя с боями за десять суток более 200 км, вывел эту группу при полном вооружении 24 октября в полосу обороны дивизии генерал-майора Панфилова (12–15 км западнее Волоколамска). Начальник штаба дивизии полковник С. С. Мусатов также

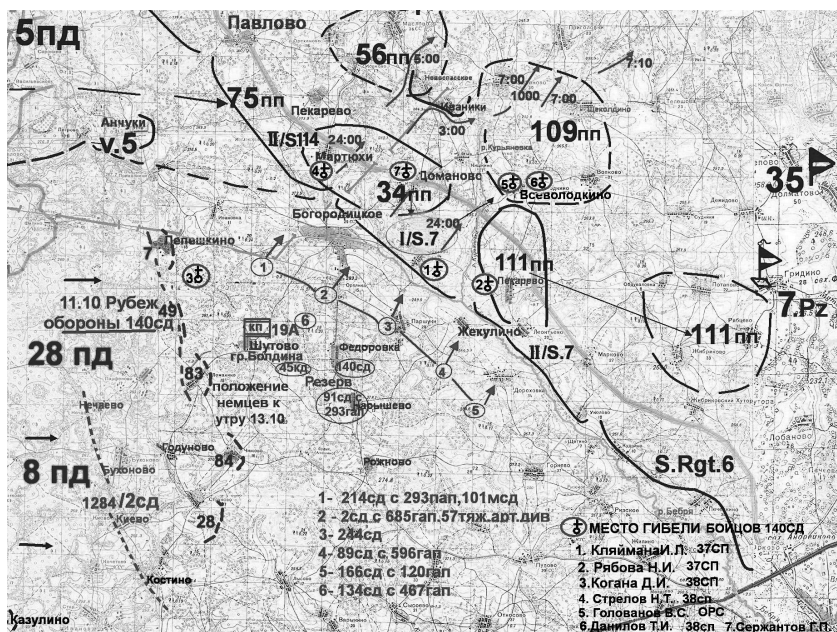

Рис. 11. Район боев у с. Богородицкого с местами гибели бойцов 140 сд

вывел из окружения часть бойцов (около 200 человек). С небольшой группой после 27 суток блужданий по немецким тылам удалось выйти к своим и комиссару дивизии П. Г. Тарасову. В этой группе шел и командир дивизии полковник П. Е. Морозов, который погиб в одной из стычек с немцами у деревни Ершово Новодугинского района Смоленской области.

Так героически завершился недолгий боевой путь 140-й стрелковой дивизии (13-й Ростокинской дивизии народного ополчения). Оказавшись на пути наступления правого крыла 3-й танковой группы и 9-й полевой армии фашистов, ополченцы-ростокинцы не дрогнули перед превосходящими силами врага. Не утрастились ни непрерывных авиационных бомбежек, ни танков и проявили беспримерный героизм, величайшее мужество и презрение к смерти.

Ценой жизни нескольких тысяч бойцов вместе с другими подразделениями Красной армии они сумели задержать на несколько дней отборные немецкие танковые части, рвущиеся к Москве. Это позволило командованию Красной армии подтянуть резервы, организовать оборону столицы на Можайском рубеже, перейти 5 декабря в контрнаступление и отбросить врага от Москвы. Пять московских

ополченческих дивизий, понесших в боях большие потери в октябре 1941-го (2-я, 7-я, 8-я, 9-я и 13-я), были расформированы.

В этом году широко отмечается 80-летие битвы за Москву. Долгое время в стране замалчивались события октября 1941 г. и родные ополченцев ничего не могли узнать о судьбе своих пропавших без вести сыновей, отцов, братьев, мужей. Ветераны дивизии, прошедшие войну, выжившие в плену и вернувшиеся к мирной жизни, многое сделали для сохранения памяти о своих товарищах. В 1985 г. ими был открыт памятник ополченцам завода «Калибр» у д. Казариново. Их дело продолжило сообщество родственников бойцов 13-й дивизии во главе с внуком майора Алексея Васильевича Попова Артемом Геннадьевичем Поповым. Усилиями потомков ополченцев при активной поддержке управы Ростокинского района и жителей поселка Холм-Жирковский в 2010–2011 гг. у въезда в Холм-Жирковский были открыты Поле Памяти и памятник 13-й дивизии, а в 2015 г. заложен Парк Победы, где родные ополченцев посадили именные деревья в память о своих близких. Парк растет, с каждым годом деревьев там становится все больше. Создан сайт 13 ДНО, где восстанавливается списочный состав дивизии. Список непрерывно пополняется. Сегодня в нем почти 6500 имен.

Огромную работу по поиску, идентификации и перезахоронению останков бойцов проводят поисковые отряды. На сегодняшний день найдены, опознаны и перезахоронены на территории Смоленской области (большинство в братских могилах на мемориале «Богородицкое поле») 12 бойцов дивизии. Во время межрегиональной Вахты Памяти, которая проходила с 24 апреля по 5 мая 2021 года в Вяземском районе, поисковики подняли останки 134 павших бойцов Красной армии и в их числе двух бойцов нашей дивизии. Обоим удалось идентифицировать: Николая Ильича Рябова, 1924 г.р., красноармейца 37 сп, — по сохранившемуся солдатскому медальону. Останки второго бойца были подняты между бывшими деревнями Лепешкино и Шутово. При них была найдена печать 2-го полка 13-й дивизии и пряжка от офицерского ремня, что позволяет почти на сто процентов утверждать, что это капитан Дмитрий Иосифович Коган, начальник штаба 38 сп, погибший в последнем бою дивизии 13 октября 1941 года в этих местах. На схеме рис. 13 нанесены места, где поисковиками в разное время были подняты останки семи бойцов 140 сд. Анализируя схему, можно предположить, что бойцы отряда А. В. Попова участвовали в прорыве 11 октября. Ведь останки четырех бойцов найдены на участке прорыва как раз напротив деревни Федоровки, где располагался отряд под его командованием.

ПУБЛИЦИСТИКА

А. В. Веретнов

Действия тыловых частей Красной армии в первые месяцы после освобождения на территориях Вяземского и Темкинского районов Смоленской области

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о причинах, почему после завершения Вяземской оборонительной операции на территории бывшего окружения оказалось много брошенной советской техники и боеприпасов. Описывает комплекс мероприятий и порядок работы ответственных воинских частей по «очистке» территории, оказавшейся в зоне боевых действий после освобождения.

Чтобы в общих чертах понять, что происходило на освобожденной от оккупантов территориях Смоленской области, необходимо осветить действия окруженных частей в октябре 1941 года под Вязьмой в ходе Вяземской оборонительной операции. Термин «под Вязьмой» является собирательным и не означает, что советские войска были окружены именно в районе Вязьмы. На самом деле окруженные войска в первых числах октября 1941 года занимали большие территории в сотни километров. Но с учетом быстрого продвижения немецких танковых колонн и огромных трудностей оборонительных действий с советской стороны, окруженные войска оставляли оборонительные позиции и отступали в направлении важного стратегического ж/д узла Вязьма (не все блокированные в «вяземском котле» войска отходили в направлении на Вязьму, часть из них пробивались на Калугу, Ржев, Волоколамск, Гжатск и др. — *Прим. ред.*).

Войска, попавшие в окружение, если говорить об уровне армии, — это огромная масса людей, техники, боеприпасов, ГСМ и различного имущества. Все это военное имущество и техника стоят огромных денег, и по возможности должны быть сохранены. В окружении октября 1941 года в кольце оказались несколько армий и множество отдельных частей, приданных этим армиям. Все командармы в сложившемся положении осознавали что надо было сохранить как можно больше людей, имущества и техники. Оставление исправной техники на поле боя, а тем более оставление ее в руках противни-

ка приравнивалось к предательству. Исходя из этого все передвижение отступающих армий происходило сначала организовано по основным дорогам. Эти дороги постоянно бомбила немецкая авиация. Вышедшую из строя технику и средства передвижения, если их не удавалось быстро восстановить, приводили в негодность и бросали на обочинах дорог. Это все можно увидеть на любительских фотографиях немецких солдат и офицеров. Если в технике заканчивалось топливо, и его негде было достать, то эту технику ждала та же самая участь.

Артиллерийские позиции, как средство прикрытия, находились как рядом с дорогами, так и на некотором отдалении от них, в зависимости от рельефа местности. Если в ходе боя артпозиция была уничтожена, то разбитые орудия оставались на месте позиции. Если уничтожалось какое-то количество орудий, то при отступлении личный состав приводил их в негодное состояние и оставлял так же на позициях. Немцев, как правило, разбитая советская техника никак не интересовала, разве что для фото. Поэтому все, что бросалось отступающими войсками, оставалось на том же месте надолго.

Те воинские части, которые отступали сначала проселочными дорогами, в конце концов вливались на основные дороги, увеличивая поток отступающих войск. Чем быстрее сужалось кольцо окружения, тем больше частей скапливалось на дорогах, и больше техники оставалось стоять вдоль дорог. После очередного налета авиации дороги подвергались бомбежке и приводились в негодное состояние. Чтобы как-то спасти технику и людей при появлении авиации противника, все что можно укрывалось в ближайших лесах. Но и в лесах техника тоже попадала под воздействие авиации и приводилась в негодность. Чем ближе войска подходили в Вязьме, тем меньше техники оставалось в исправности. Когда обстановка оказалась критической, войскам был дан приказ выходить из окружения самостоятельно маленькими группами.

Именно с этого момента жизнь людей и техники зависела исключительно от личных качеств командиров среднего и младшего звена. Было много командиров, которые бросали и людей, и имущество, и технику, пытаясь выйти из окружения самостоятельно. Были те, кто до последней минуты тащил все военное имущество и личный состав. Здесь уже главные трассы для отступающих советских войск были недоступны. И огромная масса людей хлынула на лесные дороги, просеки и тропы. А там, за неимением возможности передвигать технику, ее просто бросали. Именно по этой причине в лесах Смоленской области до сих пор находят разбитую технику и артвооружение.

Когда кольцо сузилось до минимума, наступил момент, когда каждый был сам за себя.

Оставшиеся боеспособные подразделения организовано еще пытались вырваться из кольца окружения, но эти попытки приводили к еще большим потерям. Если немцы своих погибших старались вывозить к ближайшим населенным пунктам, то павшие советские воины оставались там, где погибли. К 20 октября, после ликвидации котла, немецкие части стали продвигаться вперед, оставляя данный район своим войскам и другим спецчастям для охраны занятой территории. Стоящая на дорогах техника расчищалась танками на обочины дорог и бросалась в придорожные канавы. Все, что оказалось в лесах и болотах, вообще не трогалось. Занятая территория подготавливалась для боевых действий и наполнялась техникой и вооружением противника.

После контрнаступления советских войск под Москвой фронт двинулся в обратном направлении. В середине марта 1943 года, советские войска освободили Вязьму. Наступающие силы РККА вновь несли потери в боях, оставляя на местах сражений технику. Основная задача наступающих войск — сбить противника с оборонительных позиций и гнать его не давая возможности закрепиться. Если противник успевал занять крепкую оборону, то опять начинались потери с наступающей стороны. При наступлении нет времени на ремонт, эвакуацию и прочую деятельность в отношении поврежденной техники. То, что ремонтные мастерские в кратчайшие сроки не приводили в боеспособное состояние, оставляли на месте. Передовые наступающие части быстро ушли вперед. За ними должны были спешить все тылы.

Основные артерии армий — это дороги. За тылами двигались ремонтно-восстановительные батальоны и кабельно-шестовые роты и другие спецчасти. Одни ремонтировали дороги, другие восстанавливали проводную связь. Эти части работали исключительно в пределах дорог. После них люди полностью оставляли территорию. Наступающие части ушли вперед, спецчасти еще не подошли. Все подъездные дороги, включая лесные, брали под охрану внутренние войска.

Освобожденная территория на некоторое время оказывалась безжизненной. Первыми, кто прибывал в эти районы, были инженерные бригады. Их задачами были уничтожение оборонительных позиций немцев и разминирование. Первым делом разминировали дороги и обочины. Обочины разминировали на расстоянии 10–15 м от проезжей части. Все мины складывались на обочины дороги, после чего прибывали спецмашины, на которых обезвреженные мины вывозились на ближайшие склады — в основном в деревни, где оставался

хотя бы один жилой дом. Когда импровизированные склады заполнялись, все это имущество вывозили машинами на ближайшие ж/д станции. Если вдоль дорог стояла разбитая техника, то ее сначала разминировали, а потом по возможности отбуксировывали на ж/д станцию. На полосе вдоль дорог ставили опознавательные знаки, оповещающие о том, что территория безопасна. Далее разминировали подходы к оборонительным позициям противника. После этого — сами позиции. Затем спецмашинами приводили позиции в негодное состояние. Доты, дзоты, огневые точки подрывали. Если не было возможности вывезти боеприпасы противника, их уничтожали на месте.

Вся эта работа происходила на очень ограниченном пространстве от дорог и линий обороны. По такой же схеме очищались от мин и боеприпасов освобожденные населенные пункты. Найденные останки погибших воинов либо хоронили с составлением соответствующих документов, либо просто оставляли на месте по причинам малого количества личного состав инженерных бригад, большого объема работ и коротких сроков на их выполнение. Именно последнее и не давало возможности специалистам качественно сделать свою работу. Поэтому много боеприпасов и взрывчатых веществ просто закапывали в землю, подальше от дорог. В процессе проводимых работ инженерные части также несли потери. Погибших хоронили на месте либо отдельно, либо с уже найденными солдатами.

После первичного разминирования территорий и расчистки от разбитой техники, что занимало около месяца, инженерные войска двигались дальше, а на территорию прибывали госкомиссии по фиксации нанесения материального ущерба и злодеяний, совершенных фашистами. Примерно через два месяца территория открывалась для гражданского населения. В первую очередь люди очищали поля. Погибших хоронили здесь же, в глубоких ямах, оставшихся после войны. Туда же скидывали найденные боеприпасы.

Восстанавливался Совет народных депутатов и военкомат. Это была первичная власть на данных территориях. После проведения всех основных спецработ территория передавалась военными по акту гражданской администрации, и вся остальная деятельность далее управлялась гражданскими лицами. При возникающей необходимости привлекались военные части.

В связи с огромными трудностями, которые были созданы немецкими захватчиками на нашей территории, тема погибших солдат и необрушенных останков во время войны на освобожденных территориях практически не рассматривалась. Леса, болота, овраги, русла рек вообще не очищались от последствий войны. На это не было

сил и людских ресурсов. Из-за нехватки металла местное население обязали сдавать весь найденный лом за деньги, но при этом люди подрывались и погибали.

Лишь после войны на высшем уровне было принято решение об очищении и массовом разминировании территорий, на которых проходили боевые действия в период с 1941 по 1945 гг. Спецчасти стали спешно выполнять задания по повторному разминированию. Все, что можно было, вытаскивали из лесов и увозили на переплавку. Что было нельзя вывезти — подрывали на месте. Территории с массовыми скоплениями погибших солдат очищали формально, для галочки. И на это были причины.

В 1950-е началась третья волна очищения территорий. Затем прошли мероприятия по укрупнению, перезахоронению, увековечению, мелиорации, засеванию молодым лесом мест сражений, затоплению территорий и созданию водохранилищ. Все следы войны, которые не смогли ликвидировать, заросли лесом и дошли до наших дней в первозданном состоянии.

В том, что сейчас находится на местах прошедшей войны, нет ничьей вины. Мы не имеем никакого морального права осуждать послевоенное поколение. Мы не видели и не познали на себе все, все трудности того времени. Тогда были другие наиважнейшие задачи — накормить, одеть, обуть людей, восстановить города и населенные пункты, восстановить экономику. Невозможно кого-то винить за то, что задача по должному захоронению погибших воинов не была решена так, как нам бы того хотелось. В тех условиях люди делали все, что могли.

А. Ю. Дрожжина

Роль Сообщества потомков московских ополченцев в деле сохранения памяти о подвиге московского народного ополчения в Битве за Москву

Аннотация: История московского народного ополчения, подвига дивизий народного ополчения в Битве за Москву и сегодня, 80 лет спустя после начала Великой Отечественной войны, к сожалению, не очень хорошо известна как в самой столице, так и в нашей стране в целом. Одними из верных хранителей памяти о московских ополченцах являются их семьи, где из поколения в поколение передаются документы, письма и воспоминания об отцах, дедах и прадедах, которые ценой своей жизни защитили Москву в октябре 1941 г.

...Без почестей. Без выгод. Без похвал.
Иной судьбы тогда мы не просили.
Спроси меня: зачем я воевал?
Да разве я бы прожил без России!

*С. Г. Островой, ополченец 8-й дивизии
народного ополчения Краснопресненского
района Москвы*

Великую Отечественную войну можно уверенно назвать народной войной. Весь советский народ поднялся на защиту Отечества, и именно народ принес нашей стране Победу в мае 1945 г. Одной из форм проявления народного характера войны стало московское народное ополчение, сформированное в июле 1941 г. Москвичи и жители Подмосковья непризывного возраста или имеющие бронь добровольно записывались в дивизии народного ополчения, чтобы внести свой вклад в защиту Родины.

Трагически сложилась судьба 12 июльских ополченческих дивизий: большинство ополченцев погибли, попали в плен, пропада-

ли без вести в самом начале Битвы за Москву во время Вяземской оборонительной операции 2–13 октября 1941 г., завершившейся окружением частей Красной армии. Именно огромными жертвами начального периода Битвы за Москву можно объяснить официальное замалчивание в течение многих лет истории московского народного ополчения. И, тем не менее, народная память о героизме московских ополченцев, сумевших сковать на несколько дней наступление фашистов на столицу, продолжала жить — передавалась оставшимися в живых ветеранами, сохранялась в школьных музеях, музеях предприятий, откуда уходили на фронт ополченцы, и, конечно, хранилась в семьях.

Время неумолимо. Спустя 80 лет, прошедших с начала Битвы за Москву, ушли от нас почти все ветераны-ополченцы. Но память об их подвиге живет — на смену ветеранам пришли дети, внуки и правнуки ополченцев Москвы и Подмосковья, которые объединились в Сообщество потомков московских ополченцев.

Среди основных дел, которыми занимается наше Сообщество, можно назвать:

— восстановление списков ополченцев, их биографий, поиск фотографий; создание интернет-сайтов со списками личного состава дивизий народного ополчения;

— восстановление истории московского народного ополчения: работа в российских и зарубежных архивах; сбор писем и воспоминаний очевидцев событий; взаимодействие с поисковыми отрядами, работающими на местах боев дивизий народного ополчения; создание и публикация статей и книг по истории дивизий народного ополчения, воспоминаний и писем;

— регулярное посещение памятников и памятных мест как в местах формирования дивизий народного ополчения в Москве и Московской области, так и на местах боев в Смоленской, Калужской, Тульской областях; создание Парков памяти, инициирование ремонта и установки новых памятных знаков;

— участие и проведение встреч со школьниками, чтение лекций по истории московского народного ополчения, организация и проведение городских и межрегиональных конференций, круглых столов в Москве, Московской области, Смоленской и Калужской областях;

— взаимодействие с городскими и региональными музеями, проведение самостоятельно и во взаимодействии с музейными работниками выставок в выставочных центрах и библиотеках, работа со школьными музеями. В юбилейный 2021 год — год 80-летия подвига московских ополченцев в Битве за Москву потомки ополченцев от-

стояли название станции метро «Народное ополчение» в столице, которую предлагалось переименовать в «Карамышевскую».

Главным и важнейшим событием юбилейного года стало установление в Москве памятного Дня московского народного ополчения. Инициаторами этого дня были дети, внуки и правнуки ополченцев. Наша инициатива была поддержана и реализована Московской городской думой.

Мы считаем, что очень важно познакомить с историей московского народного ополчения детей и молодежь, передать ее следующим поколениям. В Москве учится 1 млн. школьников 1–11 классов. Это огромная работа — донести до каждого молодого москвича героическую историю города, в котором он живет, воспитать чувство благодарности и гордости за подвиг предков. В 2021 г. для достижения поставленной цели мы зарегистрировали автономную некоммерческую организацию «Сообщество потомков московских ополченцев Великой Отечественной войны». Надеемся, что появление такой организации поможет нам участвовать в получении грантов и других видов финансирования, необходимых для реализации намеченных планов.

Сообщество потомков ополченцев продолжает дело сохранения памяти о подвиге народа в Великой Отечественной войне, передает героическую историю московского народного ополчения от поколения ветеранов-ополченцев следующим поколениям москвичей.

Т. Г. Закирова

Новые факты в судьбе генерал-майора Я. Г. Котельникова, погибшего под Вязьмой в 1941 году

Аннотация: В статье рассматривается боевая биография генерал-майора Якова Георгиевича Котельникова от мобилизации его в Русскую императорскую армию до момента гибели в октябре 1941 года под Вязьмой. Автор уделяет внимание вопросу обнаружения и идентификации останков Я. Г. Котельникова поисковым отрядом «Курган» (Нижний Новгород).

В сентябре 2018 года на мемориале Богородицкое поле были перезахоронены останки, которые позже были идентифицированы как останки генерал-майора Я. Г. Котельникова. На сегодняшний день — это самый высокопоставленный командир Красной армии, захороненный на военном мемориале «Памяти воинов Западного и Резервного фронтов «Богородицкое поле».

Яков Георгиевич Котельников родился 10.12.1892 г. в г. Краснослободске Пензенской губернии, погиб 14.10.1941 г. на Западном фронте. В 1940 г. ему было присвоено звание генерал-майор. Проходил службу в Русской императорской армии с июля 1914 по июль 1918 г. С началом Первой мировой войны в июле 1914 г. был мобилизован на военную службу и направлен в 536-ю пешую Пензенскую дружину. В мае 1916 г. переведен в 218-й запасной пехотный полк. В 1918 г. был прикомандирован к штабу Кавказского военного округа. В июле округ был расформирован, а Я. Г. Котельников уволен в запас. Последний чин — подпоручик. В Гражданскую войну 18 сентября 1918 г. он призван в РККА и назначен в 24-ю Симбирскую железную стрелковую дивизию полковым адъютантом 213-го стрелкового полка, с июля 1921 г. исполнял должность помощника начальника штаба дивизии, с сентября — начальник штаба дивизии 71-й стрелковой бригады. Воевал с дивизией на Восточном фронте против войск адмирала А. В. Колчака, на Юго-Восточном фронте с войсками генерала А. И. Деникина, воевал с Петлюрой на Украине. После Гражданской войны продолжал службу в 24-й Самаро-Симбирской железной стрелковой дивизии. В августе 1929 г. окончил командирские курсы «Выстрел» и был назначен

на должность командира полка в родную дивизию. В 1930-е годы занимал различные командные должности в 17-й, 19-й, 120-й стрелковых дивизиях. В конце 1930-х годов награжден медалью «XX лет РККА». 4 июня 1940 г. Якову Георгиевичу Котельникову было присвоено звание генерал-майор. 10 февраля 1941 г. Яков Георгиевич вновь переводится в 19-ю стрелковую дивизию в должности комдива (1).

С началом Великой Отечественной войны дивизия Котельникова была включена в состав 30-го стрелкового корпуса Орловского военного округа. С середины июля 1941 г. в составе войск 28-й, а затем 24-й армий стрелковые подразделения Якова Георгиевича участвовали в тяжелых и кровопролитных оборонительных боях под Ельней, сдерживая натиск противника. Не хватало людей, боеприпасов, но солдаты генерал-майора Котельникова стойко отражали наступление немецких войск, проявляя мужество и отвагу. В частях Якова Георгиевича частыми гостями были военные корреспонденты различных газет, описавшие немало подвигов наших воинов. На фоне всего произошедшего странным стало то, что 1 августа 1941 г. генерал-майор Котельников был арестован органами НКВД. Точные причины этого до сих пор не установлены.

Как известно, в конце июля 1941 г. командующим Резервным фронтом, куда входила дивизия Котельникова, был назначен Г. К. Жуков. Прибыв на новое место назначения, Георгий Константинович приступил к разработке плана по уничтожению противника в районе так называемого Ельнинского выступа. Жуков лично объезжал с инспекцией вверенные ему войска. Так, в частности, 19-ю стрелковую дивизию он посещал дважды, приказывал дать ему списки на награждение бойцов и командиров, отличившихся в предшествующих боях. Что произошло в дальнейшем между Жуковым и Котельниковым, неизвестно. Однако в Центральном архиве Министерства обороны есть документы на имя Георгия Константиновича Жукова за подписью командующего 24-й армией генерал-майора К. И. Ракутина следующего содержания: «С Вашего согласия мною 1.08.41 г. сняты с должностей и арестованы за бездеятельность и неисполнение боевых приказов командир 19-й стрелковой дивизии Котельников Я.Г. и военный комиссар Дружинин. Материал передан в военную прокуратуру для их привлечения к судебной ответственности. Временно командиром 19-й стрелковой дивизией мною назначен командир 315-го сп майор Утвенко» (2).

Что послужило причиной ареста, до сих пор неизвестно. Существует несколько версий. По одной — Котельников указывал Жукову на наличие незащищенных участков при планировании линии обороны

под Ельней, что было воспринято командующим фронтом как прекращение со старшими по званию. По другой версии причиной могло быть отступление накануне советских частей (в том числе и 19-й стрелковой дивизии) из города Ельни. Так или иначе, историкам еще предстоит разобраться в данном вопросе. Яков Георгиевич Котельников провел под арестом около двух месяцев. По счастью, его не расстреляли. В конце сентября 1941 г. он был освобожден и восстановлен в воинском звании.

События на центральном участке советско-германского фронта с этого времени стали стремительно развиваться. 2 октября 1941 г. германские войска прорвали оборону Красной армии, началась операция «Тайфун». Советские части под натиском противника отступали. Через несколько дней в районе города Вязьмы в окружение попали значительные силы Резервного и Западного фронтов. После своего освобождения генерал-майор Котельников находился при штабе 24-й армии, пытаясь вместе с другими командирами вывести из окружения советские дивизии и бригады. После гибели 7 октября 1941 г. генерал-майора К. И. Ракутина, Яков Георгиевич Котельников был одним из тех, кто возглавил окруженные юго-западнее Вязьмы части и соединения 24-й армии.

7 октября генерал-майором Котельниковым совместно с рядом других командиров была организована оборона села Семлево (20 км западнее Вязьмы), для того чтобы пропустить отступающие на восток войска и артиллерию. После ряда тяжелых боев часть советских воинских соединений отошла в район деревень Панфилово — Селиваново (15 км южнее Вязьмы). Здесь скопилось большое количество артиллерии и обозов окруженных войск. С ними был и генерал-майор Я. Г. Котельников.

К этому времени разрозненные части 24-й армии были переподчинены командующему 20-й армии генерал-лейтенанту Ф. А. Ершакову, который приказал организовать прорыв на восток и северо-восток. В соответствии с данным приказом было предпринято несколько попыток разорвать кольцо окружения. Яков Георгиевич семь раз водил на прорыв подчиненные ему соединения. Часть артиллерии и пехоты смогли прорваться из окружения, но основным силам не удалось это сделать. Во время очередной атаки 14 октября 1941 г. генерал-майор Котельников пропал без вести (как впоследствии оказалось, Яков Георгиевич погиб в 2,5 км севернее Селиваново в районе деревни Пусто-Трошино).

С 10 по 18 сентября 2018 г. члены нижегородской областной молодежной общественной организации «Курган» принимали участие

в межрегиональной полевой поисковой экспедиции «Вахта Памяти-2018», проходившей на территории Вяземского района Смоленской области. Работа велась в районе деревень Красное Трошино, Селиваново, Панфилово, Кайдаково, Семлево и др. В основном работа велась по местам боев, прошедших в октябре 1941 г., когда крупные воинские соединения Красной армии попали в окружение в районе города Вязьмы.

Во время экспедиции произошло множество интересных и запоминающихся событий, но, пожалуй, самым знаковым из них оказалось следующее. К вечеру 16 сентября, работая на поле северо-восточнее деревни Красное Трошино (во время войны населенный пункт назывался Пусто-Трошино), глубинный металлоискатель показал слабый размытый звук. При дальнейших раскопках было обнаружено захоронение двух воинов РККА с фрагментами амуниции и снаряжения. Впоследствии оказалось, что звук дали алюминиевый котелок и фляжка, лежащие в ногах убитых на глубине 0,5 метра.

Детальный осмотр вещей, находившихся с останками, показал, что один из погибших принадлежал к командному составу РККА. Так, в частности, были обнаружены фрагменты нарукавного знака воинского различия — угольник и матерчатая звезда. На тот момент было сложно определить воинское звание командира, требовалась профессиональная расчистка шеврона от налипшей земли. В полевых условиях можно было повредить или утратить данные вещи. То же самое касалось нескольких крупных пуговиц, найденных при погибшем. Среди интересных находок также была четырехугольная колодка от медали (самой медали при погибшем не оказалось). Какие-либо документы, обувь, ремень с портупеей, другие знаки различия на командире отсутствовали (по всей видимости все это было снято, сорвано с человека сразу после завершения боевых действий). Череп убитого был полностью раздроблен.

Поскольку это был последний рабочий день всей «Вахты Памяти», было принято решение оставить несколько зубов убитого командира РККА для возможной дальнейшей экспертизы ДНК. Сам погибший был передан для предстоящего погребения.

18 сентября 2018 года на мемориале Богородицкое Поле состоялось торжественное захоронение останков 459 бойцов и командиров Красной армии, найденных поисковиками за январь-сентябрь 2018 года на территории Вяземского района Смоленской области (3). По возвращении нижегородских поисковиков домой вещи погибшего командира были переданы специалисту по реставрации в Нижегородский государственный университет им. Лобачевского.

Результат оказался неожиданным. Науковные знаки различия и пуговицы принадлежали генеральскому составу Красной армии. На закрутке была надпись «Монетный двор», номер отсутствовал. По скудным архивным документам (многое было утеряно или уничтожено нашими воинскими частями во время окружения в октябре 1941 г.) и воспоминаниям участников боев в районе юго-западнее города Вязьмы числятся пропавшими без вести несколько генералов Красной армии. Однако при сравнении всех исторических источников наиболее вероятным по месту гибели мог быть генерал-майор Яков Георгиевич Котельников. Тем не менее требовалось дополнительное документальное подтверждение его личности.

Возможность восстановления лица генерала по методу антропологической реконструкции облика на краниологической основе отсутствовала, поскольку череп погибшего был полностью разбит. Как уже отмечалось, во время эксгумации останков несколько зубов погибшего были взяты для возможной генетической экспертизы и, как оказалось, не зря. В результате организованных поисков были найдены внучка генерала Ольга Борисовна Полторецкая-Котельникова, поэт и литератор, которая много лет вела самостоятельные поиски деда, и внук — Дмитрий Борисович Котельников.

Для проведения сравнительного анализа ДНК требовался только родственник-мужчина. Дмитрий Борисович согласился сдать специальные анализы. ДНК-экспертиза шла несколько месяцев, и ее результат оказался феноменальным. Вероятность того, что Дмитрий Борисович Котельников и командир Красной армии, найденный 16 сентября 2018 года в районе деревни Красное Трошино, являются родственниками, составила 99,62%. Это стало кульминационным моментом!

Таким образом, отпали все сомнения в том, что нижегородскими поисковиками был найден генерал-майор Яков Георгиевич Котельников, героически погибший при выходе из окружения в октябре 1941 года, павший смертью храбрых вместе со своими боевыми товарищами, до конца выполнившими воинский долг перед Родиной (4).

В настоящее время его останки захоронены в братской могиле на мемориале Богородицкого Поля Памяти Вяземского района Смоленской области. Подвиг генерал-майора Якова Георгиевича Котельникова не остался незамеченным. После войны указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1965 г. Яков Георгиевич Котельников был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени (посмертно). До войны Яков Георгиевич был награжден медалью «XX лет РККА».

Имя генерала Якова Георгиевича Котельникова увековечено на памятной доске, установленной в 2016 году на мемориале «Поле Памяти» у деревни Красный Холм под Вязьмой и на мемориальной табличке братского захоронения 2018 года на военном мемориале Памяти воинов Западного и Резервного фронтов «Богородицкое поле».

Список использованных источников

1. Великая Отечественная: комдивы: военный биографический словарь. Т. IV. М.: Кучково поле, 2015, С. 391–393.
2. Большаков В. Судьба генерала Я. Г. Котельникова установлена! // Военная археология // 2019. № 5. С. 34.
3. Там же. С. 31–32.
4. Там же. С. 37.

В. А. Селихов

Особенности формирования и судьбы 9-й Кировской дивизии народного ополчения г. Москвы

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы формирования, боевого пути 9-й дивизии народного ополчения Кировского района г. Москвы в июле — октябре 1941 г., а также судьбы отдельных бойцов и командиров дивизии.

Вспомним суровое время октября 1941 г. и судьбу 9-й Кировской дивизии народного ополчения Москвы.

Прошло 80 лет после боевых событий сурового периода Великой Отечественной войны на Западном направлении. Старшее поколение знает и помнит трагическую ситуацию в октябре 1941 г., когда немецкие оккупанты планировали победно войти в столицу нашей страны и полностью разрушить ее по стратегическому плану «Барбаросса». Взятие Москвы являлось для захватчиков ключевым событием плана молниеносной войны и практически означало для врага окончание войны с Советским Союзом и долгожданную политическую победу над первым в мире социалистическим государством.

Но фашистская Германия не учла основные черты характера наших предков. Она не знала о советском воспитании, патриотизме и свободолюбивом духе многонационального советского народа, который дружно встал на защиту страны. В первый период войны Красная армия несла большие потери личного состава и отступала под натиском механизированных частей вермахта, который был самой современной, обученной и подготовленной к нападению армией. Фашизм готовился к захвату мировой власти, порабощению всех народов и утверждению «коричневой» арийской философии. Германия, быстро поработившая практически все страны Европы, была готова к захватнической войне с Советским Союзом. Промышленность, все ресурсы и финансы оккупированных стран полностью работали на нужды германской армии, в состав которой вошли кадровые дивизии европейских государств.

В 1941 г. сложилась критическая для советского государства и всего мирного советского народа ситуация. Европейская часть страны

оказалась в июне — июле под неожиданным ударом вероломного врага. Была организована срочная эвакуация предприятий и мирных жителей Прибалтики, Белоруссии, Украины, Молдавии и западных областей РСФСР на восток за Волгу. Правительство СССР видело сложность положения на фронтах и срочно принимало необходимые меры.

Во всех городах и селах миллионы мирных людей обращались в военкоматы с просьбой записать их в ряды Красной армии, чтобы принять участие в быстром разгроме ненавистного врага. В обращении И. В. Сталина 3 июля 1941 г. прозвучали слова о необходимости создания народного ополчения в крупных городах для защиты от немецких оккупантов. Фашисты угрожали жизни всех мирных жителей страны и сохранению первого социалистического государства. Враг был нацелен на захват Москвы, которая оказалась в угрожающей ситуации. Да, в октябре 1941 г. нашей столице действительно угрожал захват оккупантами, которые находились всего в 220–250 км от нее на территории Смоленской, Калужской и Калининской областей. Остро встал вопрос о защите Москвы и строительстве ближнего рубежа обороны. Немецкая армия была прекрасно вооружена, обеспечена боеприпасами и горючим, организована, мобильна и выполняла приказы фюрера. На Москву шла прямая дорога, по которой в 1812 г. двигались захватчики Наполеона и по которой неудержимо шли фашистские механизированные дивизии.

В этих условиях Государственный Комитет Обороны принял 4 июля 1941 г. Постановление (№ ГКО-10сс) «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в народное ополчение столицы».

На 12-й день Великой Отечественной войны в Москве и Московской области началось формирование дивизий народного ополчения, во главе которого были партийные и советские органы. Десятки тысяч рабочих и служащих московских заводов, студентов и учащейся молодежи столицы добровольно в течение 4–5 дней записались в состав народного ополчения. Большинство из них не имели военной подготовки, не подлежали и были даже освобождены от призыва в армию. Но всех ополченцев объединяло желание защитить столицу страны, свой завод, свой дом и родных от врага. Мирные люди стремились выполнить свой конституционный долг по защите Родины. Формирование дивизий народного ополчения в июле было реальным шагом для пополнения поредевших в первых боях рядов Красной армии.

Вражеские механизированные дивизии уверенно шли к Москве, но были остановлены в ходе Смоленского сражения. Новое наступле-

ние на Москву по кратчайшему маршруту в районе севернее — южнее шоссе Минск — Москва враг возобновил 2 октября 1941 г. Здесь ему противостояли силы Западного и Резервного фронтов, в состав которых входили московские дивизии народного ополчения.

Одной из них была 9-я Кировская дивизия народного ополчения, которая формировалась в июле 1941 г. в Замоскворечье столицы. В состав дивизии записывались рабочие и служащие почти всех промышленных предприятий Кировского района, где были открыты пункты записи в ополчение. Записывались часто всем составом цехов и рабочих смен во главе с начальниками цехов и руководителями предприятий. Это был всеобщий патриотический подъем рабочего класса в ответ на призыв Правительства страны! В первые дни организация набора личного состава дивизии ополчения полностью возлагалась на руководство Кировского района.

Секретарь Кировского райкома партии В. И. Карманов вспоминал, что на Бюро МГК ВКП(б) по рекомендации райкома был утвержден политсостав дивизии. Заместителем командира дивизии по политической части был утвержден бригадный комиссар М. Н. Прохоров, кавалер двух орденов, член партии с 1918 г. На политработу в подразделениях дивизии райком партии направил с предприятий опытных партийцев Г. С. Бантровского, М. Э. Фельдмана, В. А. Сизова, Н. П. Парамонова, З. Л. Маршева, П. Ф. Шалюфеева, И. А. Бобкова и др.

Большую организационную и воспитательную работу в дивизии проводили комиссар М. Н. Прохоров, начальник штаба Г. П. Макаров, дивизионный инженер С. Г. Колеснев и другие командиры. В период формирования подразделений сразу выделилась группа опытных и бывалых воинов, которые воевали в Гражданскую войну. Среди них были Б. И. Гушин, Ф. Д. Гнездилов, Б. В. Беляев, К. И. Миронов, И. П. Мищенко, А. М. Волынцев и др., которые были примером для неопытных бойцов. Большинство ополченцев не имели воинской и физической подготовки, что быстро подтвердилось. Все верили в силу и мощь Красной армии, надеялись на быструю победу над фашистской Германией и спешили принять участие в победной войне.

Спешка в наборе дивизии ополчения привела к явным ошибкам при записи и комплектовании частей добровольцами. Так, в июле в списки были включены юноши младше 17 лет и мужчины старше 55 лет. В списки вносили студентов старших курсов, которых необходимо было направлять в военные училища. Также записывали отцов семей, где оставались 3–4 и даже больше малолетних детей. Совершенно не был организован при записи медосмотр ополченцев, поэтому в дивизию попали даже инвалиды с нарушениями зрения, слуха и т. п.

Записали в ополчение даже тех рабочих, которые работали на оборонных заводах (они имели бронь). Все эти недостатки вскрылись после первого ночного марша по Калужскому шоссе (35 км) и полевых занятиях на загородном сборе в течение недели. Их пришлось срочно исправлять — были отчислены и возвращены в Москву около тысячи ополченцев. Лишь в конце августа после марша по территории Московской и Калужской областей ополченцы столицы поняли, что их ожидает тяжелая воинская служба и что война быстро не закончится.

Интересные воспоминания после войны о пережитых сложностях военного времени оставили ополченцы-школьники А. Кормилкин и В. Немов, ученики школы № 524. Они были направлены в хозвзвод, затем воевали в химроте и вышли из окружения. Сохранились десятки писем ополченцев, в которых описаны первые дни формирования, время походного марша и воинской службы в июле — сентябре 1941 г. Известна судьба юных ополченцев Н. Хохрина, С. Рахманова, В. Стакиса и некоторых других школьников. Автор установил судьбу и боевой путь Н. Суханова (1926 г. р.) и Ю. Кривущенко (1924 г. р.), которые прошли в дивизии путь от Москвы до Ельни, приняли участие в боях под Вязьмой в октябре 1941 г., вышли из окружения и закончили победную войну в составе регулярных частей Красной армии, были награждены боевыми орденами.

Большое мужество, самоотверженность и отвагу проявил персонал медсанбата дивизии ополчения, в котором было около 300 девушек в возрасте 17–20 лет. Большинство были комсомолками. Формировался батальон в стенах школы № 649. В июле 1941 г. они прошли ускоренный курс специальной подготовки под руководством опытных врачей и в начале августа вошли в состав дивизии.

Молодые девушки из медсанбата 9-й дивизии ополчения (139-й стрелковой дивизии) проявили самые высокие качества в суровых боях с врагом при спасении тысяч раненых бойцов. Бои не прекращались ни днем, ни ночью. Раненых было много. Невзирая на опасность, медики оказывали на поле боя первую медицинскую помощь раненым. Оперировали в недостроенном срубе без крыши и в палатке при свете автомобильной фары. Переносили раненых на досках с поля боя до автомашин транспортного взвода и везли 15–20 км под артогнем и налетами вражеской авиации. Многие медсестры и санитарки погибли в боях (Л. Житневская, О. Харикова, О. Хасид). Геройски погиб комиссар батальона В. К. Борисов. До последнего момента он находился среди раненых бойцов и бросился с гранатой на приближающий вражеский танк. Часть медиков медсанбата пропали без вести в октябре 1941 г.

Подробные письменные личные воспоминания о своих боевых друзьях оставили вышедшие из окружения медсестры С. П. Кочеткова и ее дочь Р. Л. Телехова, Е. Н. Карпунина (Шорникова) и другие отважные девушки.

Первым командиром 9-й Кировской дивизии народного ополчения был назначен 2 июля 1941 г. по приказу НКО СССР кадровый офицер, участник Гражданской войны, орденноносец, комбриг А. А. Неборак (1895–1942). В короткий срок он произвел набор и лично сформировал подразделения дивизии. Но внезапно по ходатайству МВО и приказу НКО от 18 июля 1941 г. он был отстранен от должности с формулировкой «как не справившийся с организацией и за плохую работу» и направлен в распоряжение ГУК. В мае 1942 г. он был командиром стрелковой дивизии под г. Ростов-на-Дону на Южном фронте. Неожиданно 9 мая 1942 г. комдив Неборак застрелился.

По приказу НКО от 18 июля 1941 г. в командование 9-й Кировской дивизией народного ополчения вступил опытный офицер Красной армии с блестящим военным образованием генерал-майор Б. Д. Бобров (1897–1941). Он погиб, по свидетельству ополченцев дивизии, в бою 7 октября во время выхода из полного окружения (по архивным немецким материалам Б. Д. Бобров застрелился).

В середине июля под г. Малоярославец ополченцы торжественно приняли воинскую присягу и стали воинами Красной армии. Подготовка дивизии ополчения к боевым действиям шла медленно и тяжело. Часть ополченцев не выполняла требования воинского Устава.

Служба контрразведки, которая была создана в дивизии в первые дни формирования, сообщала командованию о нехватке личного оружия, об отсутствии боеприпасов и средств связи, должного количества автомобилей и даже лошадей для транспортировки пушек. Личный состав частей оставался не обмундирован из-за нерасторопности интенданта дивизии. Учет вооружения велся слабо, пулеметы не были закреплены за бойцами, имелись факты утери оружия и боеприпасов. Во время пешего марша в июле от Малоярославца до Бородино ополченцы дивизии растеряли 4800 патронов, 96 гранат и 2 ручных пулемета. Походные кухни в стрелковых полках отсутствовали, во время марша ополченцы иногда по 2–3 дня не получали горячей пищи.

Инспекторская проверка штаба армии отметила в конце июля низкое качество проведения практических занятий в дивизии, факты низкой личной дисциплины ополченцев и недостаточную требовательность к подчиненным со стороны командиров.

Известно, что большая часть москвичей-ополченцев не умела пользоваться боевым оружием, за отведенное на подготовку время

это было невозможно было исправить. Дивизии в начале формирования было выделено всего 100 учебных винтовок и 10 устаревших пушек без снарядов. Для объединения действий резервных армий на Ржевско-Вяземской линии обороны по приказу Ставки ВГК 30 июля 1941 г. был сформирован Резервный фронт. Командующий Резервным фронтом Г. К. Жуков 7 августа направил записку руководству Наркомата обороны СССР, где поставил вопрос о решении проблем формирования дивизий народного ополчения — «недовооруженности стрелковых полков, необеспеченности хозяйственным оборудованием и средствами связи и т. д.». Части дивизии получили пополнение из столицы (батальоны Тимирязевского и Таганского районов), медсанбат из Замоскворечья, из Подмосковья (17 районов направили своих добровольцев), из Тульской и Владимирской областей (батальоны). По решению ГКО от 11 августа 1941 г. все московские дивизии народного ополчения были укомплектованы по штатам стрелковых дивизий Красной армии. Несмотря на реальные трудности воины 9-й Кировской дивизии ополчения в составе 33-й армии усиленно готовились к участию в боевых действиях. Фронт приближался, участились авианалеты, ополченцы явно слышали раскаты артогня. Во время продвижения к фронту 9-я Кировская дивизия ополчения понесла первые потери личного состава. Известно, что во время авианалетов, от случайных выстрелов, взрыва мин, обрушения блиндажа было ранено и погибло около 40 ополченцев. Было несколько случаев умышленных самострелов — 2 августа застрелился командир 1300-го стрелкового полка. У города Спас-Деменск Калужской области всем подразделениям Кировской дивизии ополчения были присвоены армейские номера. На 20 сентября 1941 г. в составе 9-й дивизии ополчения было 11543 человека, в том числе 9446 рядовых, 802 — командно-начальствующий состав, 40 человек — разведрота, 30 человек — рота связи, 60 человек — хоззвезд и т. д. На конец сентября это была самая многочисленная дивизия народного ополчения г. Москва. В дивизии было 6000 винтовок, 1500 винтовок СВТ, 300 станковых и ручных пулеметов, 32 орудия. Под д. Ушаково дивизия 20 сентября была передана в первый эшелон известной 24-й армии (командующий — генерал-майор К. И. Ракутин). Ополченцы столицы готовились к первому бою с ненавистным врагом!

В те дни выросло число заявлений от рядовых бойцов о приеме в члены партии и Ленинский комсомол. Во время походного марша 26 сентября 1941 г. под г. Ельня 9-я Кировская дивизия народного ополчения по приказу Ставки ВГК была преобразована в регулярную 139-ю стрелковую дивизию второго формирования. Вечером

30 сентября дивизию по сигналу «Тревога!» выдвинули на передний край обороны 24-й армии. Архивные документы свидетельствуют, что вчерашние ополченцы заняли 10-километровую полосу обороны у д. Леоново и д. Стряна юго-западнее Ельни. Слева позицию держала 222-я дивизия 43-й армии, справа — 19-я дивизия 24-й армии. Архивы говорят, что два полка 139-й дивизии выполнили боевой приказ и к рассвету 1 октября заняли позицию на левом фланге 24-й армии. Документально установлено, что 1300-й стрелковый полк задержался в пути и начал занимать позицию утром при дневном освещении по приказу командира полка полковника С. А. Тазетдинова. Немцы увидели колонну наших солдат и открыли прицельный убийственный артиллерийский огонь. За 20 минут полк был практически уничтожен. Оставшиеся солдаты были сведены в один батальон. Полковник С. А. Тазетдинов оказался в плену врага, где находился до 1945 г. В тяжелой боевой ситуации на передовой линии Западного фронта ополченцы столицы в составе 139-й дивизии получили боевое крещение и проявили массовый героизм и отвагу. В полосе обороны 24-й армии противник превосходил части Красной армии по людям в 3,2 раза, по танкам — в 8,5 раза, по артиллерии — двукратно. Пехотные части врага имели большой боевой опыт наступательной войны в Европе, были механизированы и вооружены автоматическим оружием. Катастрофа под Вязьмой в октябре 1941 г. выявила крупные просчеты в работе Генштаба Красной армии. Ополченцы Москвы имели небольшую боевую подготовку и были в основном вооружены стрелковым оружием. Но они в своих первых боях проявили необычайное мужество и завидную стойкость. Без приказа они не покидали занятую линию обороны. За рубеж у д. Леоново завязались тяжелые бои. Воины 139-й стрелковой дивизии в течение четырех дней отбивали постоянные атаки немецкой пехоты, которую поддерживали танки и авиация. Бои переходили в рукопашные схватки. Немцы начали заходить 4 октября в тыл дивизии через позиции отступившей соседней дивизии. По приказу штаба 24-й армии части стали отходить в частичном окружении к д. Волочек и д. Семлево, где находился штаб армии. Об этом писала 20 октября 1941 г. газета «Правда».

Известно, что 6 октября, отступая, 139-я дивизия совместно со 170-й вела бой с немцами в 10–15 км от Ельни. В докладе члена Военного совета 24-й армии дивизионного комиссара Абрамова командованию было написано: «Тылы дивизии отрезаны и отходили на Вязьму по проселочным дорогам восточнее большака Ельня — Волочек — Семлево. Между дивизиями и полками 6 октября врезалась пехота врага на танках. Бои шли в районе Пожогоино — Барсуки. Штаб

24-й армии оказался отрезанным от частей». Последняя оперативная сводка № 142 от командира 139-й дивизии генерал-майора Б. Д. Боброва поступила в штаб Резервного фронта 6 октября 1941 г. Немецкие архивные документы 183-й и 15-й пехотных дивизий в начале октября отмечают стойкость русских солдат в обороне и ежедневно сообщают о своих больших боевых потерях.

Кольцо полного окружения под Вязьмой, в котором оказались 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артполк и четыре армейских управления Красной армии, сомкнулось 7 октября 1941 г.

Сегодня известна телеграмма И. В. Сталина 9 октября в штаб 19-й армии Западного фронта, в которой написано: «Из-за не прихода окруженных войск к Москве, Москву защищать нечем и нечем. Повторяю: нечем и нечем». Да, в этот период Генштаб не владел оперативной ситуацией на фронте и не знал реального положения в действующих частях. Армии Резервного, Западного и Брянского фронтов несли в боях тяжелые потери. Практически за позициями московских дивизий народного ополчения не было регулярных частей Красной армии.

Москва была политическим, экономическим и промышленным центром Советского Союза. В октябре столица стала прифронтовым городом. Был введен комендантский час. Издан приказ об эвакуации крупных предприятий и заводов за две-три тысячи километров от столицы в восточные регионы. Часть Правительства и все посольства иностранных государств были отправлены в Куйбышев. Тысячи беженцев из западных регионов вместе с жителями столицы заполнили все дороги на восток. Особенно тревожными были дни 15–16 октября, когда в столице из высшего руководства страны оставались лишь Сталин, Берия, Микоян и Косыгин. В Москве в октябре 1941 г. оставались самые мужественные и стойкие мирные жители, чьи отцы и сыновья добровольно ушли в июле в дивизии народного ополчения. Сегодня известны материалы российских и немецких архивов, которые на основании оперативных документов, журналов боевых действий и ряда личных воспоминаний участников военных событий тех лет говорят правду о тех страшных днях. К сожалению, большая часть ополченцев пропала без вести в первых боях, тысячи ополченцев оказались в плену врага.

Известно, что в фашистский плен попали ополченцы, которые остались в тяжелых оборонительных боях без своих погибших командиров, без боеприпасов и оружия. Из них многие были ранены и контужены при непрерывных артобстрелах и бомбардировках вражеской авиации. Судьба военнопленных в концлагерях Ельни, Вязь-

мы, Рославля, Духовщины была страшной и трагичной. Фашисты безжалостно уничтожали военнопленных Красной армии.

История сохранила имена отважных и смелых ополченцев-патриотов, которые проявили силу духа, отвагу и патриотизм, даже находясь во вражеском плену. Сегодня известны имена командиров партизанских отрядов, которые создали в окружении ополченцы 9-й дивизии народного ополчения. Это Ф. Д. Гнездилов, И. К. Миронов и др., которые, используя командирский опыт, объединили «окруженцев» для борьбы с врагом и его приспешниками в Смоленской области. Часть военнопленных воинов бежала из заключения и смело включилась в партизанскую борьбу. Они уничтожали врага и его пособников в тылу, взрывали поезда с боевой техникой, восстанавливали советскую власть в целых районах Смоленщины. Многие были награждены боевыми наградами и продолжили боевой путь в регулярных частях после освобождения в 1943–1944 гг. оккупированной территории. В победном 1945 г. более 20 московских ополченцев были удостоены звания Героя Советского Союза за совершенные подвиги в составе кадровых частей Советской армии.

Известно, что из полного окружения под Вязьмой в конце октября в расположения частей Красной армии вышли четыре группы ополченцев 9-й Кировской дивизии: группа В. М. Нехаева (522 человека) под г. Можайск, группа М. Э. Фидельмана (260 человек) под пос. Дорохово, группа М. Н. Прохорова (250 человек) под г. Верея, группа З. Л. Маршева (100 человек) под пос. Кубинка.

Большую работу по сохранению памяти о воинах 9-й Кировской дивизии народного ополчения провела группа родственников ополченцев во главе с О. В. Ромашовой (правнучка ополченца В. А. Ильинского из г. Сергиев Посад). Они восстановили 9,5 тысяч имен, адресов и других данных личного состава дивизии, созданной в июле 1941 г.

Героизм и патриотизм ополченцев Москвы и Подмоскovie поднимает живущие поколения на сохранение истории первого страшного периода Великой Отечественной войны, когда наши родные, наши предки проявили боевые качества русского характера. В тяжелых боях они победили сильного и кровожадного врага — фашизм.

Защитники Москвы своими телами закрыли дорогу к любимой столице и на две недели задержали наступление лучших частей вермахта. Они сорвали наступательную операцию «Тайфун», сковали 28 вражеских дивизий, которые победно прошли по Европе. Ополченцы дали время и возможность Ставке ВГК организовать прибытие на Западный фронт подготовленных к предстоящим боям за Родину стрелковых дивизий и боевой техники с востока.

В музее «Богородицкое поле» (отдел Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А. С. Грибоедова «Хмелита») под городом воинской славы Вязьмой 11 октября 2021 г. по традиции состоялась военно-патриотическая акция «Время помнить», посвященная прорыву воинских частей Западного фронта из полного окружения. В этот день 80 лет назад наши непокоренные отцы и деды организованно с оружием в руках прорвали полностью замкнутое кольцо окружения под Вязьмой.

Во второй половине осеннего дня 11 октября 1941 г. по узкой полосе открытого поля, несмотря на ураганный пулеметный, артиллерийский и минометный огонь врага, пошли в прорыв десятки тысяч бойцов Красной армии. Они вышли с большими потерями из окружения, уверенные, что ненавистный враг будет разбит и Родина будет спасена! Их жертвы были не напрасны и приблизили Победу в мае 1945 года!

Московские ополченцы проявили массовый героизм и защитили столицу от немецких оккупантов. Их гражданский подвиг, мужество и горькая судьба в октябре 1941 г. были примером для всей страны и основой для последующего успешного контрнаступления Красной армии в декабре 1941 г. под Москвой.

История — это тщательный анализ и поиск архивных материалов. История — это точное и документальное установление истины о прошедших событиях. История — это горькая правда о сложном первом периоде всенародной войны с фашистской Германией. История должна напомнить всем, как кончаются захватнические войны с Россией!

Не было бы боевых потерь в катастрофе под Вязьмой — не было бы неожиданного для сильного противника первого удара Красной армии по фашистской армии на Западном и Калининском фронтах. Русский солдат учился в жестоких боях воевать против фашистских захватчиков и победил ненавистного врага в мае 1945 г. Это настоящая правда о Великой Отечественной войне!

М. А. Семенова

Тринадцатая Ростокинская. Три судьбы

Аннотация: Статья посвящена рабочим и инженерам, писателям и актерам, ученым и музыкантам, парикмахерам и портным, школьникам и учителям, студентам и преподавателям, которые в июле-августе 1941-го стали ополченцами.

Изучение истории сражений и участвовавших в этих сражениях армий, дивизий, полков — очень важный аспект. Но любая армия и любая дивизия — это прежде всего, люди — особенно, если говорить об ополчении. Это те, кого мы теперь называем «невоенными военными», кто имел полное право не идти на фронт — по возрасту, по состоянию здоровья, потому, что и в тылу нужны были квалифицированные специалисты, или потому, что эти люди были представителями сугубо мирных профессий, очень далекими от войны. Они могли остаться со своими семьями и уехать в эвакуацию, могли работать в Москве. Могли, но сделали другой выбор.

подавляющее большинство ополченцев были добровольцами. Это было их осознанное решение — идти защищать Москву, свою семью, своих близких, свой дом, свою Родину.

В 2021 году в Москве прошла передвижная выставка «У моего порога», посвященная 80-летию московского народного ополчения, организованная сообществом потомков 2-й дивизии, в основном — стараниями Людмилы Егоровны Муждабаевой.

Какими были ополченцы, которые вышли на борьбу с врагом, стоявшим у порога Москвы? Почему сделали такой выбор? Среди них были не только совсем юные мальчики, воспитанные пионерской организацией и комсомолом в духе «если завтра война» и охваченные романтическим порывом (многие ветераны, с которыми мне посчастливилось общаться и которые в 1941-м были совсем мальчишками, вспоминали, что боялись тогда — вдруг война кончится, а я не успею на фронт?). В ополчение шли и совсем взрослые, даже немолодые люди, состоявшие в профессии и в жизни. У них были семьи, дети, а порой уже и внуки. В ополчении 13-й Ростокинской дивизии состо-

яли отцы огромных семейств — шести, семи и даже одиннадцати детей. А сколько горя хлебнули женщины, жены, оставшиеся в тяжелое, полное лишений и неизвестности военное время с малыми детьми, со старыми больными родителями! Есть дети ополченцев, на всю жизнь обиженные на своих пропавших без вести, погибших здесь, под Вязьмой, отцов — за то, что бросили маму с малышами, ушли. А ведь могли остаться дома! Могли ли? И что было бы с их семьями, с Москвой нашей, со страной — если бы они остались, не пошли? Что было бы со всеми нами, живущими сейчас, с нашими детьми, внуками? Да и были бы мы вообще? Была бы она, наша жизнь?

Все они достойны самой светлой и вечной памяти. Все заслуживают того, чтобы мы знали о них, говорили о них. Рассказать обо всех и даже о многих невозможно.

Данная статья раскрывает биографии трех бойцов 13-й Ростокинской дивизии. Это очень разные люди, хотя двое из них — представители одного поколения и одной профессии — художники. Очень талантливые сложившиеся мастера, достаточно успешные и признанные своими собратьями по цеху (что, как показывает жизнь, в любом деле бывает далеко не всегда и дорогого стоит).

Впервые прикоснувшись к такой короткой и такой героической истории 13-й Ростокинской дивизии московского народного ополчения, я даже не предполагала, что меня ждут совершенно поразительные открытия. Еще раз подтверждающие, что все в этой жизни очень близко и все мы между собою связаны, что время — понятие относительное, что мир тесен, а Москва — город маленький, несмотря на все растущую территорию и миллионы жителей.

Итак, Лев Яковлевич Зевин. Ученик Юдея Пэна, учителя великого Шагала. Ученик самого Шагала, а затем Казимира Малевича.

Он родился в 1903 году в Витебске — удивительном городе, где, кажется, даже воздух напоен вдохновением. Витебская школа — уникальное явление в изобразительном искусстве, и если перечислять прекрасных мастеров, которые родились и росли, учились и учили, жили и творили в этом городе, то поймешь, что не всякая европейская столица может сравниться с ним.

Воспитанник Народного художественного училища, основанного Шагалом в Витебске в 1918 году. Входил в когорту УНОВИСа — Утвердителей Нового Искусства. Перебравшись в Москву, учился у Роберта Фалька во ВХУТЕМАСе, который блестяще окончил. Портрет Льва Зевина работы Фалька, написанный в 1922 году, находится в собрании Ярославского художественного музея и был представлен на выставке Роберта Фалька, проходившей в этом году в Новой Третьяковке

на Крымском валу. На этом портрете Зевин совсем молодой, ему всего девятнадцать. Самое начало жизни. И столько же — до 41-го...

Он был очень талантливым художником и ярким человеком. Спустя десятилетия из всех своих витебских учеников Марк Шагал вспомнил по имени одного только Левушку Зевина. Он не успел стать знаменитым. Он стал ополченцем, бойцом 13-й Ростокинской дивизии. На фронт уходил преподавателем Московского художественного техникума (будущего Художественного училища памяти 1905 года), находившегося тогда на Сретенке. Дома остались любимая жена Фрида и шестилетний сын Женя. И картины.

Через много лет после войны работы художника буквально спас, вернул к жизни его племянник, архитектор Михаил Борисович Жислин, которому Фрида завещала позаботиться о картинах мужа. Оказалось, что уцелели лишь те, что хранились в семье Льва Яковлевича и у его родных. Всего 28 живописных и графических работ. Остальные — а в итоге их стало 129 — Михаил Борисович искал, находил и реставрировал: они были в очень плохом состоянии, едва не погибли. Благодаря его подвижничеству творчеством Льва Зевина заинтересовались искусствоведы, удалось организовать несколько выставок.

Так сложилось, что я была знакома с Михаилом Борисовичем и помню, как в середине 2000-х он готовил выставку в галерее на Чистых прудах. Эта выставка стала для многих настоящим открытием. Имя Льва Зевина было тогда известно лишь узкому кругу исследователей и знатоков живописи. И вдруг — такой незнакомый и такой зрелый мастер. Люди удивлялись, недоумевали, восхищались. Сожалели о том, что он ушел так рано.

Сколько в этих работах света, теплых красок, нежности, сколько любви! Конечно, Лев Зевин, как человек своего времени, тоже бывал в творческих командировках в молодых тогда колхозах и на предприятиях в разных районах страны, на Дальнем Востоке, в Крыму. Рисовал портреты передовиков производства, рабочих у станков, крестьян в поле, есть у него индустриальные пейзажи — после каждой такой поездки художники должны были представить творческий отчет. И, безусловно, их работы должны были соответствовать духу времени и отражать этот самый дух. Хочется показать и другие картины: пейзажи его родного Витебска и уже ставшей ему родной Москвы, портреты любимой его Фриды и маленького сына. Вот молодая мама с коляской, вот малыша купают, вот семья вместе с друзьями за столом на даче. Солнечный, полный света и красок, полный жизни летний день. Таким же солнечным летним днем художник уходил в ополчение. Уходил от любимой работы, от творчества, от любимой семьи,

*В мастерской Шагала. Витебск, 1919 г.
Марк Шагал — второй слева в первом ряду. У его ног сидит Лев Зевин.*

Лев Зевин. На даче. Фрида с коляской 1935 г.

Лев Зевин

от жены, которая будет любить его до конца своей недолгой жизни, и последнее, о чем попросит она племянника: помогать Жене (когда не стало Фриды, сын был еще старшеклассником) и позаботиться о Левиных картинах, чтобы они не пропали.

Да, ему было что терять. И было кого защищать. Потому он и стал ополченцем.

Вот портрет писателя Эммануила Казакевича — работа Льва Зевина 1930 года. Конечно, тогда ни молодой художник, ни позировавший ему молодой литератор не могли и подумать, что пройдет десять с небольшим лет и они окажутся бойцами одной дивизии. Ведь Казакевич начинал войну в писательской роте 8-й Краснопресненской ДНО, а в конце августа — начале сентября его вместе с Даниилом Плотке (будущим Даниилом Даниным) перевели в 13-ю Ростокинскую. Вот так удивительно и непредсказуемо переплетаются нити судеб.

К сожалению, в бывшем Художественном училище памяти революции 1905 года, ныне Московском академическом художественном училище, своих героев, участников Великой Отечественной, практически не помнят. Известно, что в ополчение из училища ушли 16 преподавателей и 14 студентов. Вероятно, все они попали в 13-ю Ростокинскую. В нашей базе личного состава дивизии на сегодняшний день числятся четверо преподавателей и двое студентов. Может быть, и больше, но мы пока не знаем, что эти бойцы оттуда. В самом учебном заведении нет даже полного списка сотрудников и студентов — участников войны. Думаю, что восстановлением имен ополченцев из их числа нам еще предстоит заняться.

...Этой весной в Парке Памяти 13-й Ростокинской дивизии близ поселка Холм-Жирковский под Вязьмой, где в октябре 1941-го стояли насмерть и погибли ополченцы, я посадила клен в честь красноармейца 37-го стрелкового полка, уроженца Витебска и защитника Москвы, художника Льва Зевина. Рядом — именная табличка. Совсем недавно, в июне, мы побывали в нашем парке, я навестила деревце. Оно растет, тянется ввысь — живет. И картины живут. Верю, что большая выставка Льва Зевина когда-нибудь обязательно состоится.

Еще об одном художнике, который тоже оказался ополченцем-ростокинцем, я узнала, когда стала изучать мемориальные доски, установленные много лет назад на московских предприятиях и в организациях в память о сотрудниках, погибших в годы Великой Отечественной войны. Увы, многие монументы и мемориальные доски не сохранились: исчезли, когда перестали существовать предприятия и были снесены целые комплексы зданий. Это отдельная, очень драматичная история — зачастую так и уходят в забвение имена павших героев.

Бывает, что сохранением памяти, восстановлением утраченных мемориалов занимаются потомки погибших, преодолевая на этом пути бесчисленные бюрократические препятствия, сталкиваясь с полным равнодушием чиновников, от которых, к сожалению, зависит разрешение проблемы.

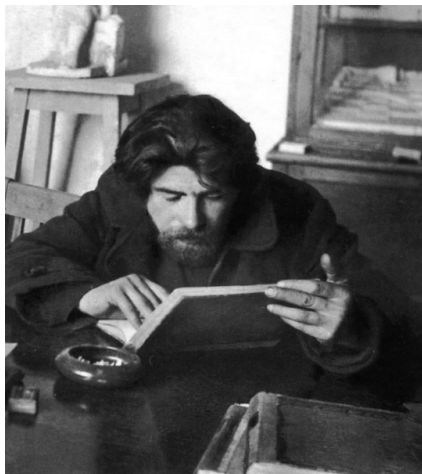
Конечно, далеко не везде такая грустная ситуация. Многие памятники погибшим содержатся в прекрасном состоянии, за ними ухаживают и помнят тех, чьи имена они хранят.

Мемориалы, порой труднодоступные, находящиеся в зданиях режимных организаций — это просто кладезь имен ополченцев. Ведь среди сотрудников практически каждого московского предприятия, учебного заведения или других организаций наверняка были ушедшие в 1941-м в ополчение.

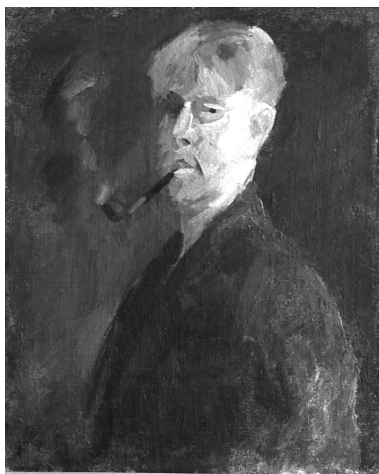
И вот среди имен на мемориальной доске в Московском Союзе художников на Кузнецком мосту я обнаружила имена трех ополченцев-ростокинцев. Двое из этих бойцов были нам известны — это Лев Зевин, о котором только что шла речь, и Никита Фаворский, молодой талантливый художник, сын известного мастера Владимира Андреевича Фаворского, кстати, тоже преподавателя Московского художественного техникума — училища Памяти революции 1905 года.

Проверяя остальные имена, я увидела, что ополченцев среди них немало и в основном это бойцы 54-го полка 18-й дивизии Ленинградского района Москвы. Но один — из 13-й Ростокинской. Имя, к стыду моему, было мне незнакомо. В нашей базе личного состава его тоже не было. Ефрем Давидович. Для меня эта находка оказалась открытием во всех смыслах — и как ополченца, о котором мы ничего не знали, и как удивительного художника, и как очень интересного, неординарного человека.

Ефрем Георгиевич Давидович родился в 1899 году в Мариуполе. В 1918-м приехал в Москву и поступил в Первые государственные свободные художественные мастерские (бывшее Строгановское училище) на курс к Борису Григорьеву и Казимиру Малевичу. Уже на первом курсе с весенней студенческой выставки два его рисунка были отобраны музейным бюро ИЗО Наркомпроса и направлены в один из формирующихся тогда провинциальных художественных музеев для будущей коллекции. С 1920 года молодой живописец учился во ВХУТЕМАСе. В 1927 году он блестяще окончил станково-монументальное отделение факультета живописи и был премирован комиссией во главе с наркомом Луначарским поездкой во Францию, которая, правда, не состоялась.

Ефрем Давидович

*Ефрем Давидович.
Автопортрет с трубкой*

Художник постоянно участвовал в выставках, работал много, разнопланово: писал пейзажи, натюрморты, портреты, жанровые композиции. Работы его были столь неповторимы, оригинальны, индивидуальны, что им искренне восхищались коллеги-художники, слава его росла. Как вспоминали современники, «заблуждающее воздействие его картин было необыкновенным». Давидовича называли легендой ВХУТЕМАСа.

Он тоже не избежал творческих командировок на производство — в начале тридцатых годов был направлен в Мариуполь, на металлургический завод, где в юности сам работал. Однако полотна, ставшие результатом этих поездок и показанные на отчетных выставках, вызвали резкую критику со стороны чиновников от культуры: Давидович «отвлекает вас от картин социалистической стройки к бесцельному пассивному созерцанию своей формалистической маэстрии», «всей душой презирает наши фабрики и заводы и ищет случая укрыться от них в ирреальном мире беспредметнической красоты».

Он был феерически талантлив и фантастически трудолюбив, но, к огромному сожалению, лишь немногие его работы сохранились. Может быть, виной тому его невероятная неприспособленность к жизни, которая стала предметом шуток и темой анекдотов. «Бытовая бездарность», — говорили о нем окружающие. А когда хотели сказать о ком-то, что человек не разбирается в самых простых бытовых, повседневных делах, говорили: «Ну это прямо второй Давидович».

Это был большой ребенок, огромный, неуклюжий, небрежно одетый, как шутили современники, внешне похожий на первобытного человека. Это была мятущаяся душа, не знавшая покоя, постоянно сомневающаяся.

Как вспоминал его коллега и сосед Александр Лабас, «ко мне ночью вламывался художник Давидович и заставлял меня встать, одеться и пойти к нему посмотреть его работы. Он говорил мне тогда: “Я вам верю, посмотрите и скажите мне честно, мне кажется, что я бездарен. У меня ничего не выходит, все ужасно”. Сначала я набрасывался на него, говорил: “Вы сумасшедший, я хочу спать, нашли время...” Но потом видел, что ему это нужно было именно сейчас. Он волновался, он был возбужден, его мучили вопросы искусства. Я вставал, одевался и шел к нему через двор в 4–5 часов ночи. Его работа действительно была сумбурной, запутанной, писана и переписана, высокий слой краски лежал коркой. Но все равно я видел подлинно талантливую живопись. И когда я говорил ему несколько успокоительных слов, он оживал, он мне доверял. Искренний, честный взрослый ребенок... Беспокойное его искусство западало глубоко в самое сердце. Это был своеобразный и самостоятельный талант, и, прежде всего, он был подлинный от природы живописец, до конца преданный и искренний в своем искусстве».

Жил Ефрем Давидович на Мясницкой, позднее улице Кирова, 21, в знаменитом доме Московского училища живописи, ваяния и зодчества, ставшего затем Высшими художественными мастерскими. Видимо, в ополчение художник ушел по месту жительства — это был Ростокинский район Москвы. Тот же Александр Лабас пишет: «...Он ушел в ополчение бодро и уверенно и погиб, защищая Москву».

Казалось бы, как не вяжется это с образом человека не от мира сего, чья рассеянность и неприспособленность к жизни ничего, кроме недоумения и смеха, не вызывали... И вдруг — бодро и уверенно! Наверное, окружающие тогда были удивлены его настроением, его решением. Не знаю — это лишь мое предположение. Но, мне кажется, в этом есть поразительная логика: человек сомневающийся, ищущий, неуверенный в себе, этот взрослый ребенок вдруг отринул все сомнения и понял, где он должен быть в страшный для страны час. Он был уверен — его место там, в этом строю ополченцев, в строю «невоенных военных». И он пошел — бодро и уверенно.

На некоторых сайтах, где есть информация о судьбе художника Ефрема Давидовича, можно прочитать, что в конце тридцатых годов он был репрессирован и погиб в лагерях. Не знаю, откуда взялась эта ошибка. Это не так. Он погиб здесь, под Вязьмой, в октябре 1941-го.

Яркий талант, «бытовая бездарность», ополченец 13-й Ростокинской дивизии красноармеец Ефрем Давидович.

Вот два прекрасных художника, два настоящих мастера, не успешших стать знаменитыми.

И еще одна судьба — совсем короткая жизнь, совсем мальчик, юный рабочий завода «Калибр» Петр Котов. Петр Григорьевич. Да его и по отчеству-то, наверное, ни разу в жизни не назвали — какое отчество в шестнадцать лет! Петя, Петька, может быть, Петенька — для мамы.

На сайте «Память народа» я нашла выписку из домовой книги о том, что Котов П.Г. прописан по адресу такому-то на основании паспорта, полученного им по достижении 16 лет. А шестнадцать ему исполнилось 6 июля 1940 года. Ровно через год, день в день, 6 июля 1941-го, в свой семнадцатый день рождения Петя Котов стал ополченцем. Меня поразило это совпадение. Как поразило и письмо Петиной мамы, Ксении Ивановны Котовой, которая продолжала искать сына в 1967 году — через двадцать шесть лет. Ведь восемнадцатого дня рождения у ее мальчика не случилось. Красноармеец 37-го стрелкового полка 13-й Ростокинской дивизии Петр Котов погиб здесь, под Вязьмой. Если верить воспоминаниям вернувшихся очевидцев, попал в плен. Пытался бежать и был убит. Мама получила извещение: «Пропал без вести». Такое же, какое получили за годы войны тысячи и тысячи, а может быть, миллионы мам. И она ждала. Ждала и искала.

«Прошу найти мне моего сына Котова Петра Григорьевича 1924 года рождения... Он не числится ни в убитых, ни в умерших от ран, ни в без вести пропавших... он же пошел ребенком в 16 лет... Как же он не числится без вести пропавшим... он попал в самую кашу под Москвой».

Ксении Ивановне было в 1967 году 68 лет, жила она в доме для рабочих «Калибра», в коммунальной квартире на пятом этаже, без лифта и без ванной. Права на льготы не имела: не считалась она матерью погибшего на фронте солдата... Солдата, который в списках не значился.

У нас нет фотографии мальчика Пети. Мы не знаем, каким он был. Может быть, найдутся его родные, как нашлась недавно семья его однополчанина и ровесника, Коли Рябова, такого же семнадцатилетнего красноармейца, погибшего у деревни Пекарево. А может быть, когда-нибудь поисковики поднимут и самого Петю Котова... Ну вдруг... кто знает...

А мы будем их помнить, наших ополченцев. Всех. Молодых и не очень. Талантливых и не успевших узнать о своих талантах. От-

ИСП. ВХ. 11270. 264

ХОЛМЖИРКОВСКОМУ РАЙВОЕНКОМУ
Смоленская область

4/3016
29.08.67

Прошу проверить и сообщить не значится ли в числе перезахороненных, погибших, умерших от ран и пропавших без вести КОТОВ Петр Григорьевич, 1924 года рождения, уроженец Тульской обл., Кимовского р-на с. Осаново.

По сообщению однополчан установлено: КОТОВ Петр Григорьевич был призван Ростокинским РЕК г. Москвы в июле 1941 года и направлен в 13 Московскую Ростокинскую ополченческую дивизию.

По сообщению отдела учёта персональных потерь солдат Советской Армии КОТОВ П.Г. не значится ни в числе погибших, ни пропавших без вести.

ДЗЕРЖИНСКИЙ РАЙВОЕНКОМ
ПОДПОЛКОВНИК *Д-102* /БРЕЖНЕВ/

ВРИО НАЧАЛЬНИКА 4 ОТДЕЛЕНИЯ
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ /НИКИТИН/

исполнено 29.08.67

Врио: ун Чобур

Исп. вх. 663 313

ХОЛМ-ЖИРКОВСКИЙ РАЙОННЫЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
Смоленской области

ДЗЕРЖИНСКОМУ РАЙВОЕНКОМУ
г. Москва.

№ 506

Город Р. ЧОЛМ На № 4/3016-67г

Сообщаю, что в числе перезахороненных и учтенных как погибших на территории Холм-Жирковского р-на КОТОВ Петр Григорьевич не значится.

ХОЛМ-ЖИРКОВСКИЙ РАЙВОЕНКОМ
КАПИТАН *Александр* /ПИСКОВ/

и. Хирин
св. в. 10.09.67

ул. Богдана 96 к. 2 кв. 35
Котлов Клим и вдовы

Л-107

12535
7 IX 1967
Державинский РАИ

Запрос в Холм-Жирковский РВК о Петре Котове и ответ на него

цов семейств, любимых и любящих, и безусых мальчишек, не успевших даже влюбиться. И будем искать... хоть какой-то след, хоть тонкую ниточку. Ведь они ждут, они помогают нам в наших поисках. Вечная и светлая им память!

Сведения об авторах

АКСЕНОВА Екатерина Кирилловна — магистрант 1 года обучения, Северо-западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Смоленск

БАРАНОВ Александр Вячеславович — председатель региональной общественной организации «Содействие сохранению памяти о ветеранах 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы, исследователь, г. Москва

БЕСПОЯСКО Вадим Васильевич — член общественной региональной организации «Содействие сохранению памяти о ветеранах 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы, исследователь, г. Москва

БРУНОВА Елена Георгиевна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Тюменский государственный университет, г. Тюмень

ВЕРЕТНОВ Алексей Васильевич — исследователь Великой Отечественной войны, ответственный за архивную работу поискового отряда «Обелиск» г. Москва

ВИДНАЯ Елена Викторовна — заведующий научно-фондовым отделом «История и культура Сергиево-Посадского края XX в.» СПГИХМЗ, ГБУКМО «Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник», г. Сергиев-Посад Московская область

ВОРОНИН Анатолий Борисович — исследователь Великой Отечественной войны, автор книги «Москва.1941», г. Москва

ДРОЖЖИНА-ЛАВИНСКАЯ Анна Юрьевна — член правления, Региональная общественная организация содействия сохранению памяти воинов 2-й стрелковой дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы, кандидат физико-математических наук

ЖУРКОВ Артем Сергеевич — младший научный сотрудник филиала «Богородицкое поле» музея-заповедника А. С. Грибоедова «Хмелита», г. Вязьма

Закирова Татьяна Газизовна — старший научный сотрудник филиала «Богородицкое поле» музея-заповедника А. С. Грибоедова «Хмелита», г. Вязьма

Иванов Александр Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин Смоленский филиал «Саратовской государственной юридической академии», доцент кафедры юриспруденции Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Смоленск

Кислицын Алексей Владимирович — исследователь Второй Мировой войны, переводчик, автор сайта «Проект переводов военных документов «Ост-фронт», г. Реклингхаузен, Германия

Котова Элеонора Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», г. Смоленск

Курошева Карина Юрьевна — аспирант кафедры истории России, Смоленский государственный университет, г. Смоленск

Музыченко Игорь Данилович — член Союза краеведов России, г. Вязьма

Муромцева Людмила Петровна — кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, г. Москва

Новикова Оксана Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», г. Смоленск

Петрусев Данил Сергеевич — магистрант, 1 курс, факультет истории и права, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» г. Смоленск

Ромашова Ольга Вячеславовна — инициативная группа по увековечиванию памяти воинов 9 ДНО Кировского р-на г. Москвы, исследователь истории народного ополчения Москвы, г. Москва

Селихов Владимир Алексеевич — член Московского Комитета ветеранов войны, председатель информационной комиссии, председатель совета ветеранов 139 Рославльской дважды орденоносной дивизии, г. Москва

Семенова Мария Александровна — главный редактор издательства «Кетлеров», г. Москва

Серазетдинов Борис Уразбекович — г. Москва, ведущий научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН, ученый секретарь Секции по проблемам военной истории Научного Совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории, доцент, кандидат исторических наук

Скороходов Максим Владимирович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН, г. Москва

Цыганков Владимир Александрович (1949-2021) — внук ополченца 9-й ДНО, государственный советник Московской области 1-го класса, полковник внутренней службы в отставке, ветеран боевых действий

Юшинский Юрий Темирович — исследователь истории народного ополчения г. Москвы, сын ополченца 13-й дивизии народного ополчения Ростокинского района г. Москвы, г. Москва

Указатель сокращений

- аап — армейский артиллерийский полк
 абр — артиллерийская бригада
 автв — автомобильный взвод
 авто — автомобильное отделение
 автобат — автомобильный батальон
 автр — автомобильная рота
 аг — авиационная группа
 ад — артиллерийская дивизия
 адн — артиллерийский дивизион
 адп — артиллерийская дивизия прорыва
 ак — армейский корпус
 аминп — армейский миномётный полк
 ап — артиллерийский полк
 апабр — армейская пушечная артиллерийская бригада
 апап — армейский пушечный артиллерийский полк
 апд — артиллерийский парковый дивизион
 артк — артиллерийский корпус
 артпарк — артиллерийский парк
 атп (б), (р), (э) — автотранспортный полк, (батальон), (рота), (эскадрон)
 бад — бомбардировочная авиационная дивизия
 бак — бомбардировочный авиационный корпус
 бап — бомбардировочный авиационный полк
 бар — батарея артиллерийской разведки
 батр — батарея бмо — батальон материального обеспечения
 брмо — бригада материального обеспечения
 брс — бригада связи
 брсн — бригада специального назначения
 бс — батальон связи
 бсн — батальон специального назначения
 бтэ (д) — бронетанковый эскадрон (дивизион)
 вдд — воздушно-десантная дивизия
 вдк — воздушно-десантный корпус
 вмо — взвод материального обеспечения
 вр — взвод разведки
 вс — взвод связи
 всн — взвод снабжения
 всо — военно-строительный отряд
 ВТА — военно-транспортная авиация
 втад — военно-транспортная авиационная дивизия
 втап — военно-транспортный авиационный полк
 втаэ — военно-транспортная авиационная эскадрилья
 вто — взвод технического обслуживания
 габатр — гаубичная артиллерийская батарея
 габр — гаубичная артиллерийская бригада
 гадн — гаубичный артиллерийский дивизион

- гап — гаубичный артиллерийский полк
 гв (грв) — гранатомётный взвод
 гв. — гвардейский (-ая)
 го — гранатомётное отделение
 ГРУ — Главное разведывательное управление
 ГУ — Главное управление
 ГШ — Генеральный штаб
 дкб — дорожно-комендантский батальон
 дкбр — дорожно-комендантская бригада
 ДНО — дивизия народного ополчения
 дПВО — дивизия противовоздушной обороны
 дрк (дирк) — дивизия ракетных кораблей
 дшб — десантно-штурмовой батальон
 дшбр — десантно-штурмовая бригада
 дшв — десантно-штурмовой взвод
 дшд — десантно-штурмовая дивизия
 дшо — десантно-штурмовое отделение
 дшп — десантно-штурмовой полк
 дшр — десантно-штурмовая рота
 ждб (желдорбат) — железнодорожный батальон
 ждбр — железнодорожная бригада
 ЖДК — железнодорожный корпус
 заградэск (отряд) — заградительный эскадрон (отряд)
 зап — запасной артиллерийский полк
 зенабатр — зенитная артиллерийская батарея
 зенав — зенитный артиллерийский взвод
 зенад — зенитная артиллерийская дивизия
 зенади — зенитный артиллерийский дивизион
 зенап — зенитный артиллерийский полк
 зенпулр — зенитная пулемётная рота
 зобс — запасной отдельный батальон связи
 зоиптд — запасной отдельный истребительно-противотанковый дивизион
 зорс — запасная отдельная рота связи
 зрр — запасная разведывательная рота
 зсав — зенитный самоходно-артиллерийский взвод
 зсапр — запасная сапёрная рота
 зсд — запасная стрелковая дивизия
 иад — истребительная авиационная дивизия
 иак — истребительный авиационный корпус
 иап — истребительный авиационный полк
 ибрсн — инженерная бригада спецназначения
 имбр — инженерно-минная бригада
 иптабр — истребительно-противотанковая артиллерийская бригада
 исб — инженерно-сапёрный батальон
 исбр — инженерно-сапёрная бригада
 исв — инженерно-сапёрный взвод

- исо — инженерно-сапёрное отделение
 исп — инженерно-сапёрный полк
 иср — инженерно-сапёрная рота
 истротряд — истребительный отряд
 ишв — инженерно-штурмовой взвод
 ишо — инженерно-штурмовое отделение
 ишр — инженерно-штурмовая рота
 кабр — корпусная артиллерийская бригада
 кабшр — кабельно-шестовая рота
 кап — корпусной артиллерийский полк
 кв — комендантский взвод
 киап — конно-артиллерийский полк
 КПВО — корпус противовоздушной обороны
 кр — комендантская рота
 КЭЧ — Квартирно-эксплуатационная часть
 лабр — лёгкая артиллерийская бригада
 лабр — лёгкая артиллерийская бригада
 лап — лёгкий артиллерийский полк
 либ — легко-инженерный батальон
 мббр — мотобронебригада
 мд — моторизованная дивизия
 медб — медицинский батальон
 медв — медицинский взвод
 медр — медицинская рота
 медсанбат (р), (взв), (эск), (див) — медико-санитарный батальон (рота, взвод, эскадрон, дивизион)
 МехА — Механизированная армия, мехбр — механизированная бригада
 мехд — механизированная дивизия
 мехк — механизированный корпус
 мехп — механизированный полк
 миб — моторизованный инженерный батальон
 мибр — моторизованная инженерная бригада
 минб, минбат — миномётный батальон
 минбатр — миномётная батарея
 минбр — миномётная бригада
 минв — миномётный взвод
 миндн — миномётный дивизион
 минп — миномётный полк
 минп — миномётный полк
 мп — моторизованный полк
 МПБ (МПБ) — медицинский пункт батальона
 МПд (МПД) — медицинский пункт дивизиона
 мпмб, мпомб — моторизованный понтонно-мостовой батальон
 мпмп, мпомп — моторизованный понтонно-мостовой полк
 МПп (МПП) — медицинский пункт полка
 мрап — морской разведывательный авиационный полк
 мсб — мотострелковый батальон
 мсбр — мотострелковая бригада
 мсв — мотострелковый взвод
 мсд — мотострелковая дивизия
 мсо — мотострелковое отделение
 мсп — мотострелковый полк
 мср — мотострелковая рота
 мтад — минно-торпедная авиационная дивизия

- мтап — минно-торпедный
авиационный полк
- мтаэ — минно-торпедная
авиационная эскадрилья
- мцб — мотоциклетный батальон
- мцп — мотоциклетный полк
- мшисбр — моторизованная
штурмовая инженерно-
сапёрная бригада
- нбад — ночная бомбардировочная
авиационная дивизия
- нббад — ночная ближне-
бомбардировочная
авиационная дивизия
- нтбад — ночная тяжело-
бомбардировочная
авиационная дивизия
- о — отдельный (-ая)
- ОА ПВО — Отдельная Армия
противовоздушной обороны
- обвп — отдельный боевой
вертолётный полк
- обтр — отдельная
бронетанковая рота
- ов — огнёмётный взвод
- огв — огневой взвод
- огвзв — огнёмётный взвод
- од ПВО — отдельный дивизион
противовоздушной обороны
- одэ — отдельный
дегазационный эскадрон
- оио — отдельный
истребительный отряд
- оиптб — отдельная истребительно-
противотанковая батарея
- оиптд — отдельный
истребительно-
противотанковый дивизион
- окаэ — отдельная
корректировочная
авиационная эскадрилья
- омд — отдельный
миномётный дивизион
- оо — огнёмётное отделение
- оор — отдельная огнёмётная рота
- опрос — отдельный полк резерва
офицерского состава
- оптб — отдельный
противотанковый батальон
- ор — отделение разведки
- ор — огнёмётная рота
- орад — отдельный
разведывательный
артиллерийский дивизион
- орк — отдельный ракетный корпус
- орс — отдельная рота связи
- ору — отдельная рота управления
- ос — отделение связи
- осб — отдельный
стрелковый батальон
- осн — отделение снабжения
- осрс — отряд специальной
радиосвязи
- Отд. А — Отдельная Армия
- ото — отделение технического
обслуживания
- оэс (опэс) — отдельный
эскадрон (полуэскадрон)
- пабатр — пушечная
артиллерийская батарея
- пабр — пушечная
артиллерийская бригада
- падн — пушечный
артиллерийский дивизион
- пап — пушечный
артиллерийский полк
- парб — полевая
авторемонтная база
- парм — полевая артиллерийская
ремонтная мастерская
- пдб — парашютно-
десантный батальон

- пдв — парашютно-десантный взвод
 пдеср — переправочно-десантная рота
 пдо — парашютно-десантное отделение
 пдп — парашютно-десантный полк
 пдр — парашютно-десантная рота
 порем — походная ремонтная мастерская
 ппг — полевой подвижный госпиталь
 ппс — полевая почтовая станция
 прб — Приёмно-распределительный батальон
 продтр — продовольственный транспорт
 пс — полк связи
 птабатр — противотанковая артиллерийская батарея
 птабр — противотанковая артиллерийская бригада
 птадн — противотанковый артиллерийский дивизион
 птап — противотанковый артиллерийский полк
 птв — противотанковый взвод
 пто — противотанковое отделение
 пулаб — пулемётно-артиллерийский батальон
 пулабр — пулемётно-артиллерийская бригада
 пулад — пулемётно-артиллерийская дивизия
 пулап — пулемётно-артиллерийский полк
 пулар — пулемётно-артиллерийская рота
 пулб(р) (взв) — пулемётный батальон (рота, взвод)
 пулв — пулемётный взвод
 раадн — разведывательный артиллерийский дивизион
 раап — разведывательный артиллерийский полк
 рабр — резервная авиационная бригада
 раг — резервная авиационная группа
 рап — разведывательный авиационный полк
 раэ — разведывательная авиационная эскадрилья
 рб — разведывательный батальон
 рв — разведывательный взвод
 рвб — ремонтно-восстановительный батальон
 ргсн — разведывательная группа специального назначения
 рдр — разведывательно-десантная рота
 ремв — ремонтный взвод
 ремр — ремонтная рота
 рмо (тхр) — рота материального обеспечения (транспортно-хозяйственная рота)
 ро — разведывательное отделение
 рр — разведывательная рота
 рсн — рота специального назначения
 сабатр — самоходная артиллерийская батарея
 сабр — самоходная артиллерийская бригада
 сад — смешанная авиационная дивизия
 садн — самоходный артиллерийский дивизион
 сап — самоходный артиллерийский полк
 сапб(р)(э) — сапёрный батальон (рота, эскадрон)

- сапбр — сапёрная бригада
сапп — сапёрный полк
сб — стрелковый батальон
сбр — стрелковая бригада
св — стрелковый взвод
сд — стрелковая дивизия
ск — стрелковый корпус
сминбатр — самоходная
миномётная батарея
сминдн — самоходный
миномётный дивизион
со — стрелковое отделение
сп — стрелковый полк
ср — стрелковая рота
ТА — Танковая армия
тад — тяжёлая артиллерийская
дивизия
тб — танковый батальон
тбр — танковая бригада
тв — танковый взвод
тд — танковая дивизия
тдн — технический дивизион
техбатр — техническая батарея
тминбр — тяжёлая
миномётная бригада
то — танковое отделение (экипаж)
тп — танковый полк
тпад — тяжёлая пушечная
артиллерийская дивизия
тр — танковая рота
тсап — тяжёлый самоходно-
артиллерийский полк
тсп — танкосамоходный полк
тtd — тяжёлая танковая дивизия
ттп — тяжёлый танковый полк
у — учебный (-ая)
УА — ударная армия
уаг — ударная авиационная группа
УИР — Управление
инженерных работ
УНР — Управление
начальников работ
УОС — управление оборонного
строительства
УР — укреплённый район
утап — учебно-тренировочный
авиационный полк
утбр — учебная танковая бригада
учад — учебный артиллерийский
дивизион
учб(д) — учебный батальон
(дивизион)
учп — учебный полк
шад — штурмовая
авиационная дивизия
шак — штурмовой
авиационный корпус
шап — штурмовой
авиационный полк
шисбр — штурмовая инженерно-
сапёрная бригада
штрафб — штрафной батальон

Научное издание

Вяземский «котёл».
Возвращение исторической памяти и правды
о Великой Отечественной войне

материалы всероссийской научной конференции

Ответственный редактор

И. Г. Михайлов

Редакционная коллегия:

Д. В. Несмелов, М. В. Скороходов, М. А. Экономская,
Е. В. Еремеева, А. М. Никитин

Корректор М. Варфоломеева

Оформление: Мастерская Антона Чёрного

Подписано в печать 6.03.2022

Формат 60 × 84¹/₆ Усл. печ. л. 15,6

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Чартер. Тираж 100 экз.

*ФГБУК «Государственный историко-культурный
и природный музей-заповедник «Хмелита»*

215153, Смоленская область, Вяземский район, село Хмелита